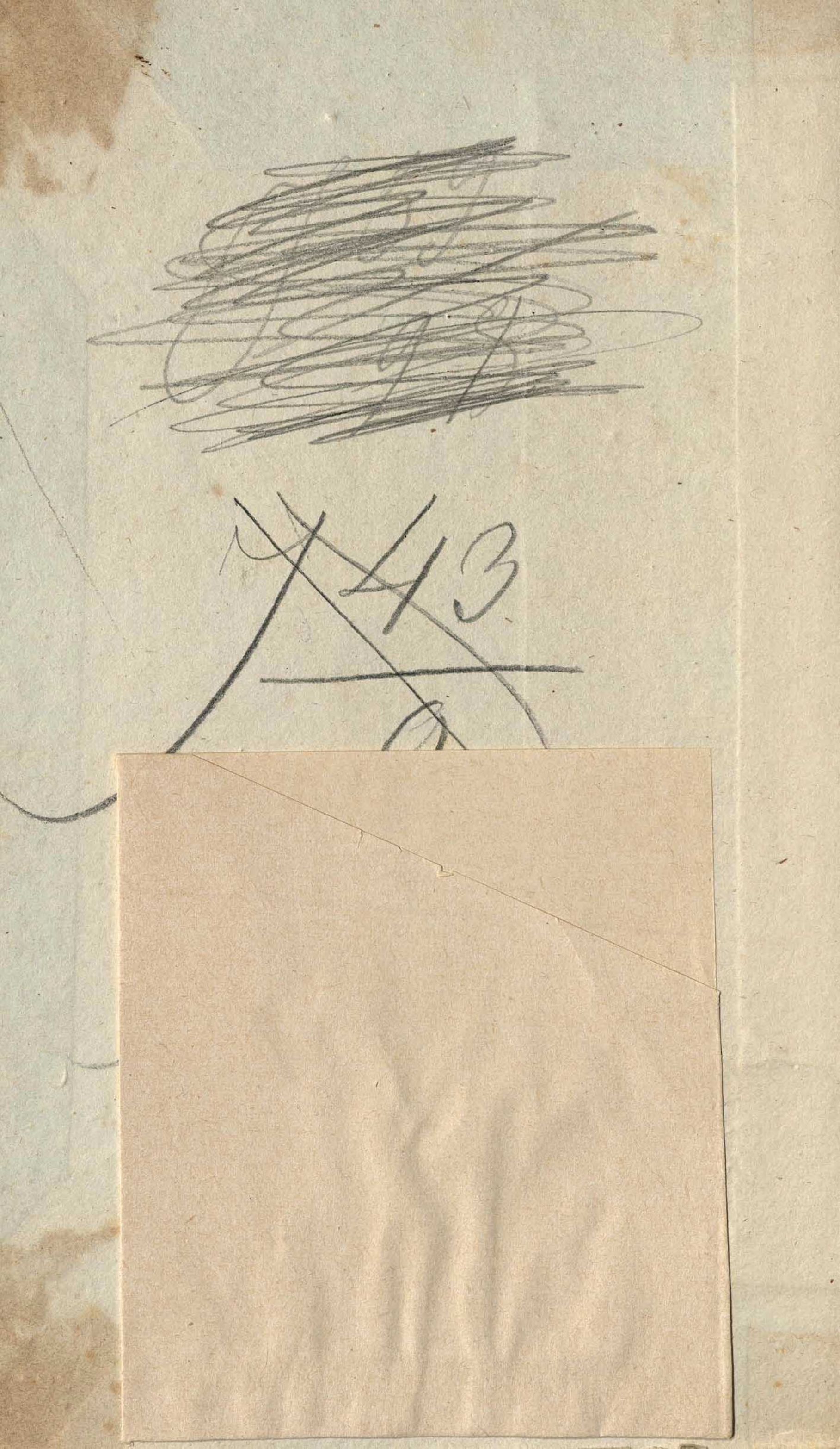
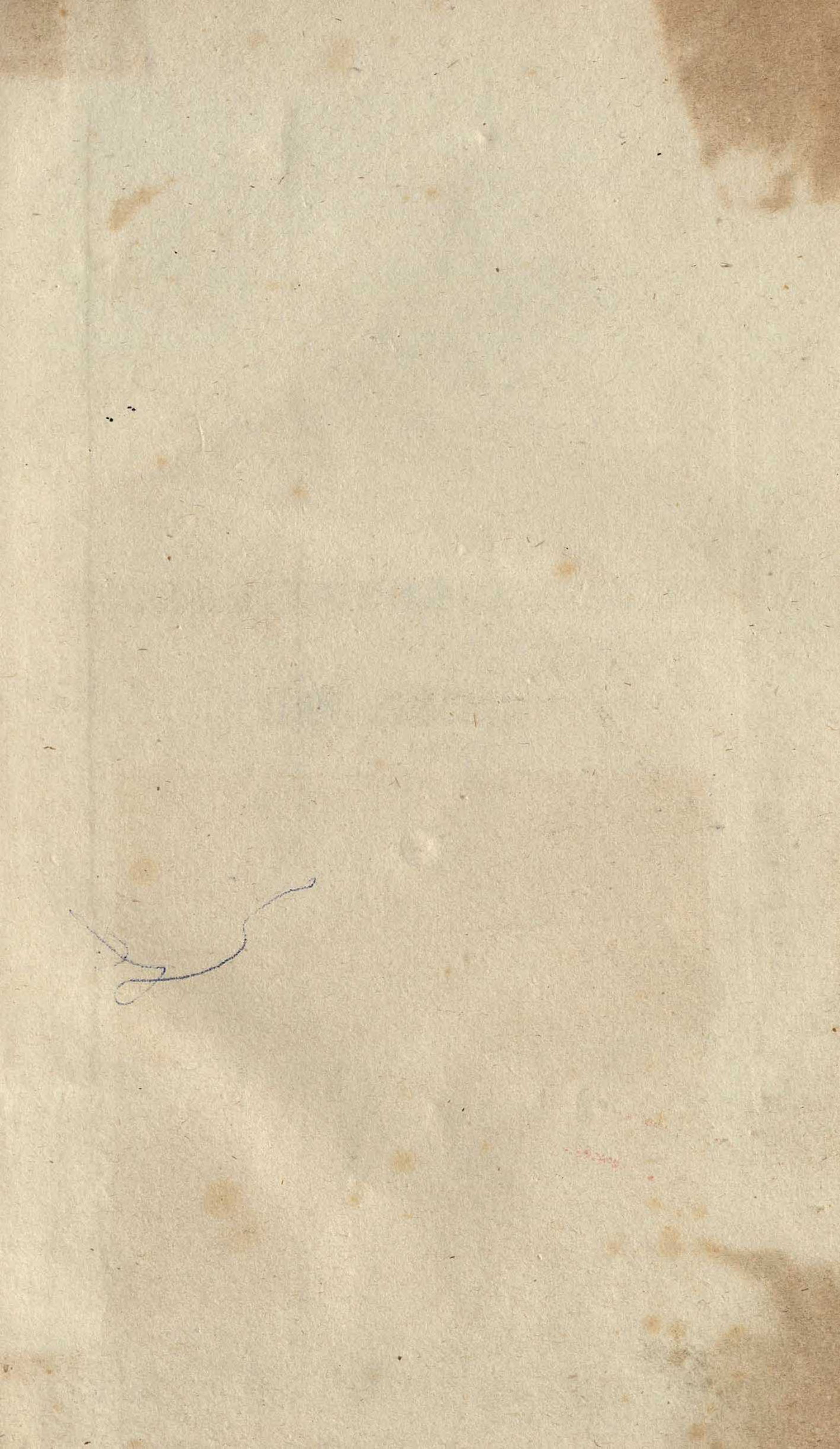

43

ЖИВОПИСНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО АЗІИ.

ЖИВОПИСНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПО АЗІИ,

составленное на Французскомъ языкѣ подъ руководствомъ Эйріе (Eyriès), и украшенное гравюрами.

Переводъ Е. Корша.

Изданіе А. С. Ширяева.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

МОСКВА.
въ Типографіи Николая Степанова.
1840.

печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Января 17 дня 1840 года.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ *И. Снегиревъ*.

ЖИВОПИСНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО АЗІИ.

ГЛАВА XXXVIII.

Бирманская имперія.

Мартабанъ, на правомъ берегу Санлуэна, прекрасенъ по положенію своему противъ того мѣста, гдѣ Ганнъ и Аторанъ сливаются съ этою рѣкой. Онъ выстроенъ у подошвы холма, и не имѣетъ другихъ замѣчательныхъ зданій, кромѣ храма, въ полтораста футовъ длиною. Старинные путешественники говорятъ о Мартабанѣ какъ о важномъ городѣ; въ началѣ XVIII вѣка онъ уже склонился къ упадку. Бирманы, овладѣвъ имъ въ войнахъ съ Пегуанцами, затопили въ устьѣ Санлуэна нѣсколько судовъ, нагруженныхъ камнемъ, отчего только мелкія лади могутъ входить въ него. Съ той поры начался упадокъ этого города: однако жъ тамъ еще производится торгъ.

Заливомъ Мартабанскимъ или Рангунскимъ называется часть Бенгальскаго, лежащая между берегомъ

іе къ востоку и мысомъ Неграйсомъ къ западу. Берега его вообще низменны.

На пути отъ устья Санлуэна къ западу встрѣчаешь во-первыхъ лиманъ рѣки Ситани, который такъ широкъ, что можно принять его за рукавъ моря. Это одна изъ протокъ Ирауадди, выходящая изъ главной рѣки въ большомъ разстояніи отъ Океана; впрочемъ нѣтъ на ней ни одного мѣста замѣчательнаго.

Далѣе увидите рѣку Рангунъ, другой рукавъ Ирауадди. На лѣвомъ берегу, въ двѣнадцати миляхъ отъ моря, лежитъ городъ, сообщившій ей имя свое. Это главная пристань Бирманская; тамъ сосредоточивается внѣшняя торговля; неподалеку отъ города ростутъ обильнѣйшіе тековые лѣса, и деревья легко доставлять оттуда водою; поэтому устроены здѣсь важнѣйшія корабельныя верфи; управляющіе ими Европейскіе инженеры образовали изъ туземцевъ весьма искусныхъ и дѣятельныхъ мастеровъ.

Крофордъ, бывшій въ 1827 году посланникомъ у императора Бирмановъ, нашелъ окрестности города безплодными и невоздѣланными; между тѣмъ, легко было бы превратить ихъ въ хлѣбородныя поля. Рангунъ выстроенъ, подобно другимъ приморскимъ городамъ, лежащимъ къ югу отъ Мартабана, и о которыхъ мы уже имѣли случай говорить. Грунтъ отъ самаго берега подымается на цѣлую милю вплоть до большой пагоды, которая на восемьдесятъ футовъ выше уровня Ирауадди. Такое мѣстоположеніе избавляетъ Рангунъ отъ наводненій, которымъ подвержены другія части дельты.

Климатъ — умѣренный для города, лежащаго въ знойномъ поясѣ; въ ноябрѣ, термометръ стоитъ между 12 и 24 градусами; въ самыхъ жаркихъ мѣсяцахъ, въ мартѣ и апрѣлѣ, онъ при восхожденіи солнца показываетъ 16 градусовъ, въ полдень—30. Свѣжесть ночи, не уступающая въ своемъ родѣ зною дня, производитъ, какъ говорятъ, благотворное дѣйствіе. Дождливая пора начинается съ первымъ дней іюня и оканчивается съ послѣдними октября; дожди гораздо обильнѣе, чѣмъ въ Бенгалѣ; свѣжіе вѣтры, тогда дующіе, весьма *опасны для здоровья* Европейцевъ.

По расчету Крофорда, *населеніе* Рангуна съ предмѣстьями простирается до 18,000 душъ. Въ немъ считаютъ 260 христіанъ Римскаго исповѣданія.

Городъ и окрестности покрыты *сидіями* и *кіунгами*, религіозными памятниками въ честь Будды, обожаемаго здѣсь подъ именемъ Гаутамы. Это узкія и тонкія пирамиды; нельзя придумать для нихъ сравненія лучше разговорной трубы; на верху украшены онѣ зонтикомъ, *ти*. Самое большое изъ этихъ зданій есть Шу-догонъ, золоченый домъ. Храмъ этотъ особенно знаменитъ потому, что въ немъ хранятся восемь волосъ Гаутамы; со всѣхъ сторонъ идутъ сюда молельщики. Весною, въ мартѣ мѣсяцѣ, отправляется торжественное празднество. Стекается безчисленная толпа народу, и тогда же бываетъ въ Рангунѣ ярмонка, гдѣ производится весьма дѣятельная торговля.

Рукавъ рѣки Ирауадди ведетъ къ Сиріаму, лежащему на юговостокѣ; Французы и Англичане имѣли тамъ по конторѣ. Этотъ городъ лежитъ близъ другаго рукава Ирауадди, называемаго рѣкою Пегу, по

городу того же имени, бывшему нѣкогда столицею могущественной державы. Маіоръ Саймзъ (Symes) посѣтилъ его въ 1796 году, и какъ очевидецъ сообщилъ его описаніе.

Пегу въ пятнадцати миляхъ къ сѣверовостоку отъ Сиріяма. Саймзъ плылъ страною вообще необработанною, гдѣ однако жъ были замѣтны слѣды прежней воздѣлки; опустошительная война повергла ее въ печальное состояніе. Равнина усѣяна купами деревъ; мѣстами трава и кустарникъ весьма высоки; иногда ихъ нарочно выжигаютъ; пажить повидимому превосходная. Путешественникъ видѣлъ дикихъ слоновъ, въ другихъ мѣстахъ земля была взрыта кабанами; лани бѣгали въ отдаленіи; остатки двухъ сернъ, растерзанныхъ тиграми, доказывали, что эти кровожадные звѣри опустошаютъ окрестность.

По мѣрѣ того, какъ Саймзъ подавался впередъ, онъ встрѣчалъ села и деревеньки; рѣка съуживалась; она была не болѣе сорока шаговъ въ ширину. Принимая въ счетъ всѣ ея излучины, путешественникъ полагалъ, что онъ проплылъ около девяноста Англійскихъ миль (140 верстъ).

Онъ въѣхалъ въ Пегу 2 апрѣля; то было время празднествъ и увеселеній. Онъ присутствовалъ на всѣхъ, равно какъ и сопровождавшія его лица. Тутъ была борьба, ѣзда въ повозкахъ длинными рядами; тутъ горѣли фейерверки, пущенные депутаціями разныхъ сосѣднихъ округовъ; дневной свѣтъ много вредилъ эффекту потѣшныхъ огней. «Послѣ фейерверка, продолжаетъ путешественникъ, каждая депутація проходила мимо вице-короля при звукѣ инструментовъ, а

послѣ они подошли съ пѣснями и пляской къ тому мѣсту, гдѣ были мы.

«Для Европейцевъ было столь же пріятнымъ, сколько новымъ зрѣлищемъ это стеченіе народа всякаго званія, который собрался для того, чтобъ предаваться веселью и забавамъ, и дѣлалъ это безъ малѣйшаго нарушенія приличій или правилъ умѣренности. Какимъ шумомъ, какимъ неистовствомъ сопровождался бы подобный праздникъ въ окрестности какого-нибудь Англійскаго города! Признаюсь, мысль эта прискорбна для Англичанина, сколько бы онъ ни гордился характеромъ своего народа.

«Четыре дня мы были освобождены отъ обязанности присутствовать на публичныхъ зрѣлищахъ и обрядахъ; это время посвятили мы наблюденіямъ. Однако жъ цѣлое утро пріемная наша была безпрерывно полна людей; я удостоился посѣщенія отъ всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ лицъ, бывшихъ въ Пегу, за исключеніемъ губернатора, который, представляя особу государя, никогда ни у кого не бываетъ. Множество мужчинъ и женщинъ, подстрекаемые любопытствомъ, окружали заборъ нашъ съ утра до вечера. Принадлежавшіе къ среднему классу обыкновенно входили къ намъ безъ околичностей, иногда не получивъ дозволенія, а чаще и совсѣмъ не спрашиваясь. Привыкнувъ къ свободному обращенію между собою, Бирманы отнюдь не совѣстятся ходить безъ зову къ пріѣзжимъ; не находятъ впрочемъ ничего неприличнаго и въ томъ, чтобъ пріѣзжіе посѣщали ихъ такъ же вольно. Должно замѣтить, что они не

дозволяютъ себѣ ни шагу изъ прiемной и никогда не покушаются проникнуть въ комнату, которой дверь затворена; даже занавѣсъ, за который вы уйдете, становится для нихъ неприкосновенною преградой. Едва вошли они въ домъ, тотчасъ принимаютъ почтительное положенiе.

«Являвшiеся къ намъ начинали всегда тѣмъ, что садились на рогожку, постланную на полу. Они не мѣшались въ наши дѣла, ничего у насъ не спрашивали. Какъ скоро ихъ приглашали выйдти, они отправлялись, не показывая ни малѣйшаго неудовольствiя, и я увѣренъ, что если бъ они могли унесть тайкомъ отъ насъ золото, они бы не дотронулись и до него.

«Всего страннѣе въ нашихъ обычаяхъ казалось имъ то, какъ мы ѣдимъ. Количество, разнообразiе моихъ столовыхъ вещей и вмѣстѣ то, какъ мы садимся обѣдать, все это возбуждало ихъ удивленiе.

«12 Апрѣля, въ послѣднiй день Бирманскаго года, намѣстникъ пригласилъ насъ на очень веселую церемонiю, отправляемую во всемъ государствѣ. Для смытiя всѣхъ грѣховъ стараго года и для начатiя новаго въ чистотѣ, у Бирманокъ существуетъ обычай, въ этотъ день обливать водою всѣхъ встрѣчныхъ мужчинъ, а эти имѣютъ право платить имъ тою же монетою. Это большая потѣха, особенно для молодыхъ дѣвушекъ, которыя, вооружившись горшками и большими шприцами, стараются спрыснуть прохожихъ и хохочутъ отъ всей души, когда тѣ съ своей стороны окатятъ ихъ водою.

«Такой обычай не влечетъ за собою ни малѣйшаго нарушенія благопристойности; никто не позволитъ себѣ употребить нечистой воды. Мужчина можетъ окатить женщину какъ ему угодно, если она облила его напередъ, но онъ не смѣетъ до нея дотронуться. Если женщина, проходя мимо толпы, скажетъ, что не расположена подвергнуться обливкѣ, ее тотчасъ пропускаютъ.

«Съ часъ до захожденія солнца, прибыли мы въ губернаторскій дворецъ. Жена его велѣла приготовить все, что было нужно для потѣхи. Три большіе сосуда съ водою, чары и большія ложки находились въ пріемной. При входѣ, каждому изъ насъ подали по бутылкѣ розовой воды, которой мы вылили нѣсколько капель на руку губернатору, а онъ брызнулъ ими на свой жилетъ, сдѣланный изъ превосходной шитой кисеи. Жена его явилась у дверей и объявила, что не будетъ обливать насъ своеручно. Но старшая дочь ея, милый ребенокъ, котораго няня вынесла на рукахъ, держала золотую чашку съ розовой водою и сандаломъ. Сперва она вылила ее немножко на отца, потомъ на каждаго изъ насъ. Это было знакомъ къ страшному омовенію. Готовясь на церемонію, мы нарочно одѣлись въ кисейныя туники. Вдругъ вошли въ залу десятка два молодыхъ женщинъ и окатили безъ пощады насъ, четверыхъ мужчинъ, которые не могли остаться побѣдителями въ столь неравномъ боѣ. Губернаторъ вскорѣ покинулъ мѣсто сраженія. Одинъ изъ насъ овладѣлъ большимъ фарфоровымъ сосудомъ и, посредствомъ его, мы защищались довольно долго. Нападавшія смѣялись надъ

нами отъ чистаго сердца. Наконецъ, когда все общество порядочно вымокло и утомилось, мы отправились домой перемѣнить платье. Дорогою, многія молодыя женщины желали бы повторить надъ нами губернаторскую поливку; но видя, что мы не задираемъ ихъ, не брызнули на насъ ни единой каплей; зато онѣ потѣшились надъ Бирманами, которые насъ сопровождали: ихъ облили съ головы до ногъ.

«Вымокши такъ сильно, мы не подвергались однако жъ ни малѣйшей опасности; теплота воздуха достаточно предохраняла отъ всѣхъ неудобствъ этой забавы.

«Переодѣвшись, мы воротились къ намѣстнику, гдѣ были кукольная комедія и танцы, продолжавшіеся до одиннадцати часовъ; за нѣсколько дней до этого, мы видѣли здѣсь театральное представленіе.

«Праздники и общественныя забавы прекратились 12 апрѣля, какъ послѣдній день въ году; это было намъ очень пріятно; для того, чтобъ все видѣть, мы часто должны были печься на солнечномъ жару, который въ это время года весьма опасенъ. Однако жъ, не смотря на то, что, съ полудня до пяти часовъ вечера, зной становился чрезмѣренъ, утромъ бывало свѣжо, а ночью почти холодно.

«Я обыкновенно пользовался утромъ, чтобы часа два поѣздить верхомъ или походить по городу и его окрестностямъ. Никогда на этихъ прогулкахъ я не подвергался обидамъ, ниже малѣйшимъ непріятностямъ. Часто возбуждалъ я любопытство, изумленіе, но мнѣ не оказывали ни презрѣнія, ни грубости.

«Съ 1757 года королевство Пегу не существуетъ. Бирманы овладѣли его столицею и опустошили ее;

самъ король былъ полоненъ. Судя по однѣмъ развалинамъ, стѣны города составляли значительную постройку. Многочисленные его храмы были единственныя зданія, которыя пощадила ярость побѣдителей. Но съ того времени всѣ они были оставлены, за исключеніемъ великаго храма Шу-маду.

«Для избавленія Пегу отъ конечнаго упадка, Бирманское правительство въ 1790 году занялось отстройкою и заселеніемъ города; прежнихъ жителей *пригласили возвратиться*, и въ окрестностяхъ отведены были земли *тѣмъ*, кто хотѣлъ ихъ обработывать.

«Эти мудрыя мѣры отчасти уже имѣли ожиданныя слѣдствія: новый городъ возвысился на развалинахъ стараго. Населеніе его простирается до 6000 душъ и почти все состоитъ изъ рахаановъ (духовныхъ), изъ служащихъ при особѣ губернатора и изъ бѣдныхъ Пегуанскихъ семей, которыя почитаютъ за счастіе жить на томъ мѣстѣ, гдѣ такъ славно процвѣтала столица ихъ прадѣдовъ.

«*Кіумы*, или обители раановъ, и домы лицъ высшаго сословія, подняты обыкновенно на шесть или на восемь футовъ отъ земли, а домы людей нисшаго класса — фута на два или на три. Почти всѣ крыши снабжены глиняными кувшинами съ водою на случай пожара; наконецъ команда, получающая жалованье отъ казны, обходитъ во всю ночь улицы для упрежденія несчастій или, въ случаѣ нужды, для потушенія огня.

«Въ Пегу, равно какъ и въ Рангунѣ, единственныя зданія изъ кирпича суть домы, принадлежащіе импе-

ратору, и храмы. Тотъ, что именуется Шу-маду (храмъ золотаго Бога), выстроенъ на двойной террасѣ. Первая возвышается на десять футовъ отъ земли, вторая на двадцать футовъ отъ первой. Каждая изъ нихъ имѣетъ видъ параллелограмма; по измѣренію моему, одна имѣетъ 1391 футъ длиннику, другая 684 фута. Стѣны, которыми поддерживаются бока, весьма повреждены; прежде были онѣ покрыты какою-то обмазкой, съ барельефными изображеніями. Вторая терраса поддерживается въ хорошемъ состояніи. Храмъ этотъ вѣроятно такъ же древенъ, какъ стѣны Пегуанскія, и земля, служившая для устроенія его двойной основы, должно быть, взята изъ рва, окружающаго валы: по-крайней-мѣрѣ, ни въ городѣ, ни въ окрестностяхъ, нѣтъ такого прокопа, который бы могъ доставить хотя десятую часть ея.

«На террасы всходятъ по большимъ каменнымъ лѣстницамъ; по обѣимъ сторонамъ террасъ расположены жилища рахаановъ, выстроенныя изъ досокъ и крытыя черепицей. Поддерживающіе ихъ столбы выточены изящнымъ образомъ; въ каждомъ жильѣ только одна просторная комната съ нѣсколькими голыми лавками, на которыхъ спятъ рахааны. Я не замѣтилъ тамъ ни какой другой утвари.

«Шу-маду — плотная пирамида, сложенная изъ кирпичу съ известью; она возвышается на 331 футъ надъ террасою и слѣдственно на 361 футъ надъ поверхностью земли. Въ основаніи, она образуетъ осмиугольникъ; каждая сторона имѣетъ 160 футовъ длины; поднимаясь вверхъ она скругляется, потомъ поперечникъ ея вдругъ убываетъ.

«Въ шести футахъ отземи, значительный выступъ поддерживаетъ пятьдесятъ семь пирамидальныхъ колоннъ, одна отъ другой въ равномъ разстояніи; онѣ въ 27 футовъ вышиной, и, у основанія, до сорока футовъ въ окружности; надъ этимъ выступомъ есть другой, поддерживающій пятьдесятъ три точно такія же колонны.

«Зданіе кругомъ покрыто отборкой; украшенія карниза похожи на изображенія лилей. Надъ отборкой есть еще *лѣпныя* украшенія, подобныя листьямъ коринѳской капители; поверхъ всего утвержденъ желѣзный ти, или зонтикъ, увѣнчанный золоченной иглою съ флюгеромъ (Л. XXVI — 1).

«*Ти* также вызолоченъ и имѣетъ 56 футовъ въ окружности; онъ держится на желѣзной стойкѣ, утвержденной въ пирамидѣ и прикованной къ основанію своему толстыми цѣпями. Множесто колоколовъ, развѣшенныхъ около *ти*, безпрестанно перезваниваютъ, когда раскачаетъ ихъ вѣтромъ.

«Въ углу второй террасы, обращенномъ къ югозападу, устроены два деревянные кіума въ 60 футовъ длины и въ 30 ширины; кровля, расположенная уступами, поддерживается лакированною колоннадой; потолокъ вызолоченъ; внѣшность покрыта тщательными изваяніями. Храмы эти наполнены статуями Гаутамы и изображеніями животныхъ и людей.

«Въ маленькомъ павильонѣ, сѣверововосточнаго угла второй террасы, поставлена вертикально мраморная доска, въ четыре фута вышины и въ три ширины; помѣщенная на ней надпись исчисляетъ дары, посту-

пившіе въ храмъ отъ богомольцевъ въ послѣднее время.

«Крытая галерея, ограждающая вторую террасу во всю длину ея съ сѣверной стороны, назначена для убѣжища богомольцамъ, которые пришли издалека на поклоненіе въ Шу-маду. Съ той-же стороны, близъ самаго храма, повѣшены невысоко, между четырехъ колоннъ, три прекрасно отлитые большіе колокола; вокругъ раскиданы оленьи рога. Люди, привлекаемые сюда набожностью, берутъ *одинъ* изъ роговъ и ударяютъ три раза *то въ колоколъ*, то въ землю, для извѣщенія Гаутамы о томъ, что приблизился молельщикъ.

«У подножія священной пирамиды есть нѣсколько низменныхъ лавокъ, на которыя всякой, приходя молиться, ставитъ свое приношеніе; оно заключается обыкновенно въ вареномъ сарацинскомъ пшенѣ, конфектахъ, кокосахъ, обжаренныхъ въ маслѣ; вѣрующій не заботится потомъ, что̀ будетъ съ его жертвой; часто вороны и дикія собаки расхищаютъ яства въ его присутствіи, а онъ не смѣетъ и подумать отогнать ихъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ такого случая, и мнѣ сказывали, что подобныя вещи бываютъ со всѣмъ, что ни поставятъ на скамьи.

«Кромѣ большихъ храмовъ, поверхность обѣихъ террасъ покрыта безчисленнымъ множествомъ мелкихъ капищъ, предоставляемыхъ разрушенію; земля усѣяна изображеніями Гаутамы. Набожный Бирманъ, купивъ идолъ, прежде всего проситъ рахаановъ освятить его, потомъ относитъ въ любой храмъ и ставитъ или въ кіумъ или на открытомъ воздухѣ передъ зданіемъ, и съ

той поры нѣтъ ему дѣла до кумира: онъ думаетъ, что божество само о себѣ позаботится.

«Нѣкоторые истуканы сдѣланы изъ мрамора, находимаго въ окрестностяхъ столицы и пріемлющаго славную полировку; многіе изъ нихъ деревянные вызолоченные, и весьма малое число изъ серебра; послѣднихъ не оставляютъ, подобно другимъ, внѣ храмовъ. Серебро и золото употребляются только на домашніе кумиры.

«На обѣихъ террасахъ есть извѣстное число бамбуковыхъ *жердей*, воткнутыхъ въ землю, съ бѣлыми круглыми знаменами на верху; онѣ ставятся тамъ рахаанами въ преображеніе чистоты и святости ихъ сана. На маковкѣ каждаго шеста насажено подобіе дикаго гуся, эмблемы Бирмановъ и Пегуанцевъ.

«Съ высоты верхняго выступа, окружающаго основаніе Шу-маду, открывается самый обширный и живописный видъ на окрестность, гдѣ все еще въ дикомъ состояніи. Жителей тамъ весьма немного; едва замѣтны нѣкоторые слѣды земледѣлія. Мартабанскіе холмы стоятъ къ востоку; Ситань вьется по равнинѣ, и взоръ можетъ слѣдить всѣ ея излучины. Миляхъ въ сорока къ сѣверу видны Гальядзетскія горы, откуда вытекаетъ рѣка Пегу и которыя замѣчательны только зловредностью своего воздуха. Со всѣхъ другихъ сторонъ открываются безконечныя равнины, перемежающіяся лѣсами и потоками.

«Не могши отыскать удовлетворительныхъ извѣстій касательно древности Шу-маду, я отправился къ *саире-да*, или начальнику Пегуанскихъ рахаановъ; жилище его находилось среди тѣнистой купы тамарин-

довъ, въ пяти Англійскихъ миляхъ къ юговостоку отъ города; тамъ все согласовалось съ преклонными лѣтами и высокимъ саномъ хозяина. Деревья были величественны; чистая вода наполняла прекрасный резервуаръ; маленькій садъ съ разнаго рода плодовыми деревьями производилъ также овощи, бамбуковый частоколъ охранялъ это убѣжище отъ нападенія дикихъ звѣрей. Нѣсколько молодыхъ рахаановъ жили при старцѣ и съ почтительною преданностью пеклись объ удовлетвореніи его нуждъ. Хотя онъ очень исхудалъ, однако жъ казался еще дѣятельнымъ и сохранялъ всѣ свои умственныя способности. Онъ говорилъ мнѣ, что ему восемьдесятъ семь лѣтъ. Рахааны кормятся подаяніемъ, но никогда не просятъ милостыни и не принимаютъ денегъ. Я представилъ почтенному первосвященнику кусокъ матеріи; онъ ее принялъ и въ знакъ признательности благословилъ меня.

«Онъ разсказалъ мнѣ, что въ послѣднія смуты Пегунскаго королевства погибла бо́льшая часть драгоцѣнныхъ лѣтописей; но что, по преданіямъ, храмъ Шу-маду существуетъ 2,300 лѣтъ; онъ первоначально былъ основанъ двумя братьями купцами, родомъ изъ округа Тальіоміу, на одинъ день пути къ востоку отъ Мартабана; зданіе достроено потомъ исподоволь Пегуанскимп королями.»

Послѣ полудня, Саймзъ прогуливался мили за полторы къ востоку отъ города; кустарникъ бамбуковый и терновый росъ вездѣ по самый край обводнаго рва. Дорога, которой онъ слѣдовалъ, привела его въ лѣсъ, пересѣкаемый множествомъ тропинокъ; онъ не

видалъ тамъ другихъ жилищъ, кромѣ весьма немногихъ хижинъ, разбросанныхъ подъ защитою купы бамбуковыхъ деревъ. Между тѣмъ многочисленныя развалины служили доказательствомъ прежней населенности этого края; слѣдъ копытъ рогатаго скота заставлялъ думать, что сѣверная окрестность многолюднѣе и лучше воздѣлана.

Въ полуторѣ мили на югъ отъ города, видъ полей почти таковъ же, какъ къ востоку; но тамъ нѣтъ другаго лѣса, кромѣ небольшихъ священныхъ рощъ; мѣстами попадаются *селенія*, въ каждомъ избъ по тридцати, и подлѣ нихъ воздѣланныя земли. Крестьяне живутъ повидимому въ бѣдности, хотя и есть у нихъ рогатый скотъ; религія воспрещаетъ имъ ѣсть говядину, и только изрѣдка пьютъ они молоко. Сарацинское пшено, приготовленное съ солью, масломъ, выжимаемымъ изъ какого-то туземнаго сѣмени, и мелкою соленой рыбою, *гнапи*, составляетъ почти всю ихъ пищу. Коровы малорослы и похожи на Коромандельскихъ; зато буйволы несравненно лучше тѣхъ, что водятся въ Индіи. Ихъ употребляютъ въ земледѣліи и запрягаютъ въ телѣги, очень хорошо сдѣланныя и подымающія тяжелую кладь.

Рощицы, о которыхъ мы сейчасъ упоминали, достойны особеннаго вниманія; онѣ служатъ убѣжищемъ рахаанамъ, которые посвятили себя уединенію и предпочитаютъ спокойствіе полей городскимъ заботамъ и шуму. Они строятъ свои кіумы подъ тѣнію тамариндовъ и баніановъ. Въ кіумахъ, или монастыряхъ, и городскихъ и деревенскихъ, молодые люди

обучаются началамъ чтенія, письма, религіи и нравственности; они воспитываются даромъ.

По естественному свойству края, между Рангуномъ и столицею ѣздятъ обыкновенно водою. Шлюпки длинныя и узкія, такъ что потребенъ хорошій балластъ для удержанія ихъ отъ безпрерывныхъ колебаній. Ободъ въ пять или шесть футовъ шириною, простираясь отъ кормы до носа, препятствуетъ имъ опрокидываться. Паллань, первый встрѣчаемый здѣсь городъ, былъ нѣкогда такъ значителенъ, что имя его часто давали рѣкѣ Рангуну; торговля и теперь процвѣтаетъ въ немъ.

Суда входятъ въ Ирауадди при Янгень-тиченъ-я; въ этомъ мѣстѣ рѣка около трети мили шириною и течетъ прямо отъ сѣвера на югъ. Берега ея становятся круты. Храмъ Денобіу, подобный Шу-дагону, виденъ на правой сторонѣ; путешественникъ оставляетъ за собою этотъ городъ, потомъ нѣкоторые другіе, всѣ болѣе или менѣе торговые, и множество деревень. Берега рѣки различны видомъ; съ одной стороны они высоки и почти отвѣсны, съ другой — очень низки и покрыты пескомъ.

Далѣе, видите вы къ западу хребетъ Юма-доньскихъ горъ, отдѣляющій Аву отъ Арракана; приближаетесь, и передъ вами самый живописный видъ; утесы, въ двѣсти или триста футовъ вышиною, одѣтые чрезвычайно разнообразными деревьями, окраяютъ быстротечную рѣку.

Пейнь-ге и Сагладанъ отправляютъ въ Рангунъ множество тековаго дерева; въ сухую пору рубятъ

его въ лѣсахъ на западѣ, а когда наступитъ дождливое время, потоки сами уносятъ его въ равнину.

Проме, на лѣвомъ берегу, городъ древній и знаменитый въ Бирманскихъ лѣтописяхъ; съ одной стороны онъ почти-что примыкаетъ къ холмамъ. Саймзъ видѣлъ тамъ мастерскія, гдѣ часть рабочихъ трудилась надъ тескою камней для мостовыхъ, а другіе высѣкали сосуды для храмовъ. У самаго острова естъ императорскій манежъ, гдѣ учатъ слоновъ, пойманныхъ на охотѣ. *Охота происходитъ* слѣдующимъ образомъ: охотники, выѣзжая на ручныхъ слонахъ, пріученныхъ къ такимъ маневрамъ, *ложатся* у нихъ на спинѣ и пробираются такимъ образомъ въ дикое стадо, незамѣченные; тутъ они выжидаютъ случай бросить мертвую петлю подъ ноги слону, котораго хотятъ поймать. Другимъ концемъ веревка привязана къ ручному слону, который тотчасъ роняетъ дикаго; за тѣмъ слѣдуетъ жестокая борьба, въ которой первый, съ помощію товарищей, вскорѣ побѣждаетъ обитателя лѣсовъ, покинутаго всѣми своими. Послѣ этого ведутъ его плѣнникомъ крѣпко привязаннаго къ двумъ изъ побѣдителей, третій идетъ передъ нимъ, а четвертый толкаетъ его сзади. Для укрощенія его употребляютъ такія средста, что въ теченіе немногихъ недѣль животное дѣлается послушнымъ и совершенно покоряется судьбѣ своей. Саймзу говорили, что тѣ, которыхъ изображеніе мы представляемъ (Л. XXVII—1 и 2) по большей части самки. Самцы обыкновенно спѣшатъ на крикъ самокъ, пріученныхъ къ этой продѣлкѣ, и попадаютъ въ огорожу или *кедахъ*, отку-

да уже не могутъ вырваться и гдѣ ихъ легко ловятъ.

Близъ красиваго и чистенькаго города Міайде есть нѣсколько храмовъ и монастырей въ очаровательныхъ рощицахъ, и сверхъ-того большой деревянный навѣсъ, подъ которымъ, на каменномъ основаніи, поставлена горизонтально доска дикаго гранита, длиною въ 6 футовъ, шириною въ три; на ней слѣдъ ноги великаго Гаутамы. Поверхность ея раздѣлена посредствомъ рѣзца болѣе чѣмъ на сто клѣтокъ, содержащихъ каждая символическое изображеніе. Двѣ свившіяся змѣи подавляются *пятою* и пять раковинъ образуютъ большіе пальцы (*Л.* XXVI—2). Подобное изображеніе находится на скалѣ Рамскаго пика въ Цейлонѣ; по древнему преданію, сохранившемуся у обожателей Гаутамы, онъ сталъ одной ногою на этомъ островѣ, другою на материкѣ.

Въ пяти миляхъ къ востоку отъ Яйнанъ-геума, деревни на лѣвомъ берегу Ирауадди, собираютъ горное масло въ колодезяхъ, вырытыхъ среди печальнаго и пустаго края, между холмовъ, которые едва ли во сто футовъ вышиной; они состоятъ изъ хрящу, и производятъ лишь самыя тощія деревья. Здѣсь попадаются куски окаменѣлаго дерева. Устье каждаго колодезя въ четыре квадратныхъ фута; стѣны одѣты бревнами; горное масло достаютъ желѣзнымъ горшкомъ, который посредствомъ веревки ходитъ вверхъ и внизъ на каткѣ, утвержденномъ на двухъ стойкахъ. Когда горшокъ наполнится, два человѣка берутъ верезку за конецъ и бѣгутъ по дорожкѣ, вырытой косвенно въ землѣ, и соотвѣтствующей длиною глубинѣ колодезя,

такъ что когда они добѣгутъ до конца, горшокъ выйдетъ на поверхность. Тогда его опорожняютъ въ пріемникъ, у котораго на днѣ скважина для стока воды.

Крофордъ, по примѣру Саймза, велѣлъ вымѣрять веревкою глубину одной изъ этихъ шахтъ; она была въ 175 футовъ. Одинъ окрестный житель говорилъ ему, что колодезь, въ которомъ вода по поясъ, довольно богатъ горнымъ масломъ; тотъ, въ которомъ вода по шею, весьма обиленъ, и тотъ, въ которомъ она по колѣно, даетъ его менѣе. Когда колодезь изсякнетъ, возобновляютъ родникъ, пробивая глубже камень, который весьма твердъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть горное масло. Земля, доставляющая это полезное вещество, принадлежитъ правительству. Оно отдаетъ ее на откупъ людямъ, которые роютъ колодези на свой страхъ, и иногда получаютъ выгоду, но часто теряютъ, потому что работа требуетъ значительныхъ издержекъ. Горное масло на мѣстѣ весьма дешево; по словамъ Саймза, за три франка можно купить болѣе двухсотъ кувшиновъ; но издержки на посуду и на провозъ значительно возвышаютъ цѣну.

Мѣстность около Яйнанъ-геума удивительно разнствуетъ съ тою, какую мы описывали прежде; здѣсь множество отдѣльныхъ холмиковъ, совершенно безплодныхъ, гдѣ видны только жалкія деревья; глинистая почва походитъ на красную охру. Она покрыта обломками окаменѣлаго лѣса, въ которыхъ явственно видна древесная ткань. Попадается также кварцевый хрящъ и даже цѣлыя толщи кварца.

Устье маленькаго притока Ирауадди всегда наполнено большими ладьями, которыя берутъ отсюда грузы горнаго масла. Деревня населена одними горшечниками, которые безпрестанно заняты работой. Кувшины подъ горное масло разставлены въ самой деревнѣ и вокругъ большими пирамидами, какъ ядра и бомбы въ арсеналахъ. Тысячи другихъ, уже наполненныхъ, стоятъ на берегу; много ихъ лопается и пролитое масло, мѣшаясь съ пескомъ, образуетъ зловонное болото.

Силлахъ-міу большой городъ, замѣчательный шелковыми мануфактурами. «Едва бросили мы якорь, говоритъ Саймзъ, какъ нахлынулъ цѣлый рой маленькихъ лодокъ. На нихъ въ лакированныхъ ящикахъ привезли куски шелковыхъ и полушелковыхъ тканей. Цѣна, какую просили за этотъ товаръ, показалась мнѣ непомѣрною; хотѣли по пятнадцати *таккъ* (около пятидесяти рублей) за кусокъ весьма посредственной доброты, длиною въ пять ярдовъ (болѣе шести аршинъ), а шириною едва ли въ одинъ ярдъ (аршинъ съ четверью); каждый кусокъ дѣлается обыкновенно во столько мѣрою, сколько нужно на платье туземнаго покроя. Шелкъ, изъ котораго приготовляютъ эти ткани, получается изъ Юнъ-нана. Онѣ очень плотны и крѣпки, и, какъ я слышалъ, гораздо прочнѣе Китайскихъ и Гиндустанскихъ; цвѣтá весьма живы и ярки, но показались мнѣ ненадежными.»

По мѣрѣ углубленія къ сѣверу, населенность возрастаетъ, не смотря на то, что округи, прилежащіе къ рѣкѣ, по большой части безплодны. Каждый холмъ, каждый пригорокъ увѣнчанъ храмомъ; нѣко-

торые изъ нихъ весьма велики и съ золочеными главами; земледѣліе усовершенствовано.

Пагханъ-ніанъ, на правомъ берегу рѣки, былъ нѣкогда столицею имперіи; развалины ея, видѣнныя Саймзомъ и Крофордомъ, покрываютъ значительное пространство. Неундахъ, занимающій часть прежняго ея мѣста, городъ весьма торговый; улицы наполнены лавками, гдѣ выставлены всякаго рода лакированные товары и муравленная посуда; далѣе увидите тиски для выжиманія масла изъ кунжутнаго сѣмени, еще далѣе кузницы.

За Неундахомъ, восточный или лѣвый берегъ Ирауадди совершенно отвѣсенъ и отъ тридцати до ста футовъ вышиной; бока утесовъ представляютъ почти на половинѣ высоты отверзтія, подобныя узкимъ аллеямъ; говорятъ, они ведутъ къ пещерамъ, гдѣ нѣкогда жили отшельники.

Яндабу, на томъ же берегу, немного выше и почти насупротивъ устья Кіэнъ-дума, текущаго съ сѣверной стороны, замѣчателенъ мануфактурами глиняной посуды. Далѣе, въ Саммей-кіумѣ, выдѣлываютъ селитру и порохъ; вывозъ этихъ двухъ статей запрещенъ, и, какъ во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ, продажа пороху производится только съ особеннаго разрѣшенія правительственныхъ лицъ.

Окрестности Гнаменди-ге славятся тѣмъ, что доставляютъ лучшій табакъ въ имперіи; въ этомъ городѣ много кирпичныхъ заводовъ, приготовляющихъ матерьялъ на храмы.

Деревня Сандахтъ и весь околотокъ ея населены людьми, которымъ поручено смотрѣніе за слонами

императорскихъ конюшень. Государь исключительный владѣтель всѣхъ слоновъ въ своей имперіи. Только самымъ высокимъ лицамъ жалуетъ онъ преимущество ѣздить на одномъ изъ этихъ животныхъ или держать его у себя.

Въ Міаму, на правомъ берегу, насупротивъ Сандахта, есть фабрики клѣтчатыхъ бумажныхъ тканей простаго разбора, тканей, въ которыя одѣвается низшій классъ. Яндапайнъ, на лѣвомъ берегу, отличается своими храмами и прекраснѣйшимъ монастыремъ.

У Міаму рѣка повертываетъ къ востоку. Берега ея усѣяны красивыми деревнями, садами и виноградниками; они становятся многочисленнѣе, равно какъ и храмы, по мѣрѣ приближенія къ столицѣ имперіи. Когда Саймзъ былъ здѣсь посланникомъ, столицею была Амерапура; во время Крофорда это преимущество перешло на городъ Аву, лежащій въ двухъ миляхъ къ западу и бывшій резиденціею въ старину.

Ава окружена кирпичною стѣною; дворецъ оконченъ только въ 1824 году. Пріемная хотя и не соотвѣтствуетъ Европейскимъ понятіямъ объ архитектурѣ и украшеніяхъ, однако жъ истинно великолѣпна, блистательна и поражаетъ зрителя въ цѣломъ; длина ея сто двадцать футовъ, ширина—девяносто (Л. XXVIII — 1 и 2). Обряды пріема мало разнствовали съ тѣми, какіе наблюдались въ Банкокѣ; но пышность была величественнѣе. Посланникъ и особы свиты его, доведенные съ большою церемоніей до лѣстницы пріемной залы, сняли здѣсь свои башмаки. Звуки музыкальныхъ инструментовъ слышались во внутренности; групы молодыхъ танцовщицъ выполня-

ли самые граціозныя па. Англичане усѣлись на коврѣ, шагахъ въ пятидесяти отъ трона. Далѣе стояли члены дома императорскаго; остальная часть собранія состояла изъ высшихъ сановниковъ; всѣ были въ бѣлой кисеѣ. Тронъ, покрытый отличными изваяніями и красною позолотой, стоялъ подъ зонтикомъ. Отворилась дверь, вошелъ монархъ, поднялся по ступенямъ и сѣлъ, скрестивши ноги. При видѣ его, всѣ Бирманы преклонились и приняли умоляющее положеніе; отъ Англичанъ требовали только, чтобъ они немного склонились впередъ и какъ можно больше поджали ноги, потому что всего невѣжливѣе и противнѣе здѣшнему этикету обратить ноги подошвою къ какому бы то ни было высокому лицу.

Жрецы пропѣли молитву у подножія трона; чиновникъ читалъ потомъ списокъ лицъ, которымъ въ тотъ день надлежало представиться, вслѣдъ за тѣмъ реестръ подарковъ, привезенныхъ государю, и наконецъ тѣхъ, которые онъ съ своей стороны жалуетъ иноземцамъ. Повелитель удалился медленно, и всѣ разошлись.

По всей дорогѣ, гдѣ шелъ посланникъ, выстроены были солдаты. Экипировка ихъ можетъ показаться странною Европейскому наблюдателю (Л. XXV — 3).

Имперія Бирманская заключаетъ въ себѣ нынѣ прежнее королевство Аву, Пегу, часть Лаоса и другія округи, платящіе день; она простирается отъ 15° 38′ до 27° 57′ широты и отъ 101 до 106° восточной долготы. Длина ея триста миль, ширина — сто двадцать, а поверхность 34,000 миль квадратныхъ.

Населеніе ея равняется почти 4,700,000 душъ, и состоитъ изъ Бирмановъ (Мранма), Пегуанцевъ (Таліанъ), Лаосцевъ (Шанъ), Каріановъ и другихъ племенъ. Бирманъ роста средняго, строенъ, крѣпокъ, силенъ; цвѣта скорѣе темнаго, нежели чернаго; выраженіемъ лица похожъ на восточныхъ своихъ сосѣдей; образованіе его то же, что у Сіамцевъ. Онъ кротокъ, благодушенъ, незадорливъ; въ войнѣ оказалъ себя мужественнымъ и жестокимъ; вообще онъ живъ, любопытенъ, вспыльчивъ и нетерпѣливъ. Онъ не запираетъ женщинъ и предоставляетъ имъ полную свободу, но обходится съ ними непочтительно. Дамы высшаго сословія рѣдко остаются праздными: онѣ заняты раздачею работъ своимъ служанкамъ и присмотромъ за ними точно такъ, какъ жены Греческихъ князей, воспѣтыхъ Гомеромъ.

Бирманы пишутъ буквами, которыя, подобно Сіамскимъ, происходятъ отъ письменъ Пали; языкъ ихъ дѣлится на нѣсколько нарѣчій и много разнствуетъ съ Пегуанскимъ. Книги у Бирмановъ, равно какъ и у Гиндусовъ, пишутся на пальмовыхъ листьяхъ, причемъ буквы выводятся рѣзцомъ (Л. XXV—3). Въ каждомъ монастырѣ есть библіотека; книги сохраняются въ лаковыхъ коробкахъ.

Нарядное платье Бирмановъ красиво и величественно: оно состоитъ изъ бархатнаго или узорчато-атласнаго камзола, доходящаго до лодыжки, воротъ открытъ, рукава широкіе. Сверхъ камзола надѣвается легкая, распашная епанечка, покрывающая только плеча. На головѣ у нихъ высокія бархатныя шапки, гладкія или съ шитьемъ, смотря по чину носящаго.

Серьги принадлежатъ къ числу мужскихъ уборовъ. Женщины завязываютъ волосы на маковкѣ и присоединяютъ къ этому повязку, которой шитье показываетъ, какого онѣ званія. Рубашка не доходитъ ниже лядвей; онѣ стягиваютъ ее снурками отъ самаго ворота. Короткая, широкая туника съ узкими рукавами прикрываетъ длинный матерчатый запонъ, который дважды обвиваетъ тѣло и потомъ, опускаясь, влачится по землѣ. Когда женщины высшаго званія идутъ въ гости, онѣ надѣваютъ шелковый поясъ, подобный длинной шали и скрещенный на груди; концы, закинутые за плеча, красиво развѣваются по вѣтру (Л. XXVI—3).

Мужчины и женщины низшихъ званій одѣты въ простую бумажную ткань; часть тѣла ихъ остается нагою (Л. XXV—4). Мода вытравлять узоры на рукахъ и на лядвеяхъ сохранилась у этого народа.

У Бирмановъ есть рабы; это или военноплѣнные или несостоятельные должники; первые остаются въ кабалѣ и съ потомствомъ, а дѣтямъ послѣднихъ предоставляется свобода съ условіемъ уплатить отцовскіе долги.

Рахааны ходятъ босые и съ непокрытой головой. Длинный желтый плащъ облегаетъ имъ почти все тѣло (Л. XXVI—4). Они наблюдаютъ строгое безбрачіе. Кто нарушитъ это правило, изгоняется изъ кіума и подлежитъ наказанію, которое дѣлаетъ его посмѣшищемъ для всѣхъ. Вымачкавъ ему лице бѣлымъ и чернымъ, его сажаютъ на осла и возятъ по улицамъ при барабанномъ боѣ.

Кіумы разнятся постройкою съ обыкновенными домами. Великолѣпнѣйшій изъ этихъ храмовъ есть Амерапурскій, замѣчательный какъ по странности архитектуры своей, такъ и по украшеніямъ, гдѣ золото является въ избыткѣ. Онъ весь деревянный, и пятиярусная кровля его убываетъ въ объемѣ, по мѣрѣ своего возвышенія. Онъ поддерживается на полуторостѣ деревянныхъ столбовъ. Внутреннія колонны въ пятьдесятъ футовъ вышиною и вызолочены на четыре фута отъ основанія. На галереѣ, окружающей зданіе, всегда найдете колѣнопреклоненныхъ богомольцевъ (*Л. XXVII—3 и 4*).

По свидѣтельству путешественниковъ, уложеніе Бирманское исполнено чистѣйшей нравственности; оно ясно и содержитъ въ себѣ спеціальныя постановленія, приложимыя къ большей части проступковъ, какихъ только можно ожидать. Такъ называемый судъ Божій (испытаніе огнемъ или водой) и проклятіе суть единственныя несообразности въ этой книгѣ. Она оканчивается увѣщаніями государямъ и сановникамъ исполнять обязанности ихъ какъ можно лучше. Не смотря на то, образъ правленія совершенно деспотическій.

Гражданскія и уголовныя дѣла проходятъ разныя судебныя степени; протори стоятъ, какъ и вездѣ, много денегъ. Стряпчіе ходятъ по дѣламъ тяжущихся. Высшій судъ называется *лоту*, государственный совѣтъ; совѣтскій стряпчій, или *аміадозаанъ*, получаетъ пять такаловъ (около двадцати рублей) жалованья.

Браки почитаются актами, чисто гражданскими. Законъ возбраняетъ многоженство; но дозволяетъ имѣть наложницъ, не ограничивая ихъ числа. Мужчина мо-

жетъ развестись съ женою въ извѣстныхъ случаяхъ, но надо употребить груду денегъ, для полученія разводной.

Если Бирманъ умретъ безъ завѣщанія, законныя дѣти его наслѣдуютъ три четверти его имѣнія, но не поровну; остальная четверть принадлежитъ вдовѣ, опекуншѣ дѣтей, если они малолѣтны, и блюстительницѣ ихъ имѣнія, пока они достигнутъ возраста.

Похороны дѣлаются съ большой торжественностью и сильными изъявленіями скорби. Тѣла богатыхъ сожигаютъ, бѣдныхъ зарываютъ въ землю или бросаютъ въ рѣку.

Народъ дѣлится на шесть разрядовъ: императорскій домъ, чиновники, духовенство, купцы, земледѣльцы и рабы; затѣмъ слѣдуютъ люди, не принадлежащіе къ кастамъ, сверхкастные: это сожигатели труповъ, палачи, тюремщики, прокаженные и публичныя женщины.

На основаніи законовъ, десятина всѣхъ произведеній принадлежитъ государю, имѣющему также право взимать десятую часть со всѣхъ иностранныхъ товаровъ, привозимыхъ въ его владѣнія. Совокупность доходовъ его можно полагать въ 45,600,000 франковъ. Большая часть налоговъ платится натурою; казна превращаетъ самую малую долю въ деньги, а прочее раздаетъ въ томъ видѣ, въ какомъ получила, на жалованье служащимъ. Принцамъ крови, высшимъ сановникамъ, губернаторамъ даются въ удѣлъ области, города, деревни и мызы; люди, состоящіе въ низшихъ должностяхъ, также получаютъ земли во владѣніе, или пользуются извѣстными пошлинами съ товаровъ. Зато, въ случаѣ войны, они обязаны нести военную

службу, независимо отъ своихъ гражданскихъ обязанностей. Точно какъ во времена феодальнаго правленія въ Европѣ.

Каждый житель имперіи подлежитъ военной повинности. Число войска полагаютъ до 35,000 человѣкъ; но государь содержитъ въ готовности обыкновенно только гвардію, да гарнизонъ столицы и нѣкоторыхъ другихъ городовъ. Гвардія состоитъ изъ пѣхоты и конницы; пѣхотинцы вооружены саблями и ружьями, кавалеристы семи футовымъ копьемъ, которымъ владѣютъ чрезвычайно ловко. Нарядъ ихъ вообще весьма красивъ (Л. XXVI—4).

Военныя шлюпки составляютъ важную часть ратныхъ силъ государства. Каждый значительный городъ на рѣкѣ обязанъ выставлять извѣстное число людей и одну или нѣсколько шлюпокъ, соразмѣрно съ своими способами. Общее число ихъ простирается, говорятъ, до пяти сотъ; онѣ имѣютъ по пушкѣ на носу, а на кормѣ нерѣдко фальконеты. Кромѣ матрозовъ, вооруженныхъ саблею и пикой, когда они не гребутъ, на каждой шлюбкѣ по тридцати мушкетеровъ. Царская шлюбка великолѣпно убрана и изукрашена (Л. XXVIII — 4).

Бирманская имперія мало извѣстна за Амерапурою. Выше города, Ирауадди, текущая отсюда до слитія съ Кіянъ-дуэномъ въ западномъ направленіи, принимаетъ опять прежнее, отъ сѣвера къ югу. Между горцами, населяющими побережья Кіэнъ-дуэна, замѣчательны Каины; платье у нихъ изъ толстой черной бумажной ткани, женское гораздо длиннѣе мужскаго, но то и другое обшито по краямъ бѣлымъ,

краснымъ и желтымъ. Саймзъ видѣлъ двухъ Каиновъ: у мужчины черезъ правое плечо была перевязь, на которой висѣла сумка, украшенная снурками и мелкими раковинами. Оба были въ чалмахъ, почти одинаковыхъ съ Бирманскими. Пуговки на женской сдѣланы были изъ насѣкомыхъ породы короткошеекъ. На Каинкѣ были ожерелья и запястья изъ бусъ и Гвинейскихъ монетъ (раковинъ); лице у ней было протравлено узорами (Л. XXVIII — 4).

Бирманская имперія представляетъ обширную равнину, окраенную горами, особенно къ востоку и сѣверовостоку. Горы богаты минералами, именно желѣзомъ, которое впрочемъ худо разработывается, и драгоцѣнными камнями, въ особенности прекрасной породою рубиновъ. Въ рѣчномъ пескѣ находятъ золото. Именемъ этого металла выражается все принадлежащее императору. Когда Бирманъ станетъ разсказывать, что государь его о чемъ нибудь свѣдалъ, онъ говоритъ: «это дошло до золотыхъ ушей.» Кто получилъ аудіенцію, тотъ былъ допущенъ къ золотымъ стопамъ; благоуханіе розовой эссенціи нравится золотому носу.

Въ золотомойняхъ попадалась и платина. Серебро, мѣдь, олово, свинецъ, сюрьма довольно обыкновенны въ горахъ Лаосскихъ; всѣ руды разработываются Китайцами, которые платятъ императору извѣстную сумму.

Сарацинское пшено составляетъ основу земледѣлія. Въ сѣверныхъ областяхъ сѣютъ пшеницу, въ южныхъ разводятъ индиго и табакъ; въ гористыхъ округахъ чай произрастаетъ самъ собою. Лѣса преобширные и даютъ отличные разборы дерева.

Слонъ и буйволъ больше въ употребленіи, нежели лошадь или быкъ. Тигры, леопарды, дикія кошки наполняютъ лѣса и кустарники, и часто производятъ сильныя опустошенія. Рѣки весьма рыбны къ великому удовольствію Бирмановъ, которые, не смотря на твердую вѣру въ переселеніе души, ѣдятъ рыбу безъ зазрѣнія.

Этотъ народъ не блистаетъ промышленостью; онъ отличается только въ горшечномъ мастерствѣ. Почти вся писчая бумага вывозится изъ Китая. Развѣтвленіе Ирауадди въ нижней части ея теченія много облегчаетъ внутреннюю торговлю. Самые торговые города суть Ава, Рангунъ, Бассейнъ, къ западу отъ послѣдняго, Тонго на Ситани, и Плекъ на маленькой рѣкѣ, въ трехъ миляхъ къ югу отъ Авы. Торгъ съ Китаемъ и сѣверными странами производится посредствомъ каравановъ; они привозятъ сырецъ, бархатъ, башмаки, платья, опахала, лакъ, гуммилакъ, слоновую кость, воскъ, гуммилаковыя вещи, сабли, ревень, чай, выхухоль и металлы. Бирманы отправляютъ селитру, известь, хлопчатую бумагу, шелковыя ткани, желѣзныя орудія, гуммилакъ въ дѣлѣ, много сахару, приготовляемаго изъ нѣкотораго рода пальмы, катеху, тамариндъ, тековое дерево, гнѣзда Китайскихъ ласточекъ, Англійскія сукна.

Морская торговля идетъ единственно черезъ Рангунъ: грузы состоятъ изъ Англійскихъ и Индѣйскихъ бумажныхъ тканей, желѣзнаго товару, пороху, шерстяныхъ издѣлій, арековъ и кокосовъ. Бирманскія суда дурной постройки; они не ходятъ далѣе Пуло-Пинана къ югу, и устья Гугли къ западу, никогда не удаляясь отъ береговъ.

ГЛАВА XXXVIII.

Архипелаги Никобарскій и Андаманскій.

Въ направленіи къ юго-юго-западу отъ мыса Неграйса, самой южной оконечности Бирманскаго государства, встрѣчаемъ послѣдовательно архипелаги Андаманскій и Никобарскій; они почти въ ста десяти миляхъ къ западу отъ архипелага Мерги и также простираются съ сѣвера на югъ между 6° 16′ и 13° 33′ сѣверной широты.

Самый большой изъ Никобарскихъ острововъ Самеланъ, но извѣстнѣйшіе Европейцамъ суть Каръ-Никобаръ и Нанкори; есть еще восемь острововъ довольно значительныхъ; всего же ихъ двадцать, кромѣ множества мелкихъ острововъ, не имѣющихъ названія.

Почти всѣ они гористы, а нѣкоторые изъ нихъ и весьма высоки. Тринкатти и Каръ-Никобаръ плоски и покрыты кокосовыми деревьями; этотъ родъ пальмы, равно какъ и арекъ, находится также на другихъ островахъ съ множествомъ разныхъ большихъ деревьевъ; лѣса въ долинахъ чрезвычайно густы и до того поросли ротаномъ и другими древовидными растеніями, что образуютъ непроходимыя чащи. Множество растительныхъ веществъ, находящихся въ разложеніи, дѣлаютъ эти мѣста весьма нездоровыми и даже заразительными для Европейцевъ.

Тигры и всѣ животныя жаркаго пояса изобилуютъ въ здѣшнемъ архипелагѣ, а на берегахъ его собираютъ бездну тѣхъ прекрасныхъ раковинъ, которыя составляютъ украшеніе кабинетовъ.

4 Января 1803 года, корабль, везшій лорда Валеншію (Valentia), бросилъ якорь у западнаго берега Каръ-Никобара, противъ деревни, состоящей изъ хижинъ, поднятыхъ фута на четыре отъ земли для предохраненія отъ змѣй, которыхъ здѣсь множество. Англичане вышли на берегъ и были очень ласково приняты; однако жъ туземцы просили ихъ не входить въ предѣлы лѣсовъ. Они похожи на Малайцевъ. По словамъ путешественника, «это люди здоровые, но нескладные; хотя они дурны собой, однакожъ въ физіономіи у нихъ нѣтъ ничего непріятнаго; отъ постояннаго употребленія бетеля, зубы у нихъ почернѣли. Они снабдили насъ кокосами, ареками, папаіями, бананами, Барбадскими лимонами и съѣстнымъ корнемъ нѣкотораго рода дроку; мы заплатили имъ піастрами, потому что эту монету предпочитали они всему. У нихъ было много свиней и живности.» (Л. XXIX—1).

По всему берегу господствуетъ пресильный бурунъ; нѣтъ его только противъ деревни, гдѣ высокіе бамбуковые шесты, которые ставятся надъ могилами, означали кладбище; между этими шестами и подоломъ берега, на расщепленныхъ палкахъ воткнуты были куски мяса: это талисманы противъ оспы. Островитяне разводятъ бататы и діоскорею; изъ страха вѣшаютъ они разнаго рода жертвы передъ хижиной,

посвященной злому духу. Они говорятъ нарѣчіемъ Малайскаго языка; къ женамъ чрезвычайно ревнивы.

Между островами существуетъ дѣятельная мѣна; товаръ заключается въ бумажныхъ тканяхъ, піастрахъ, желѣзѣ, табакѣ и нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ, получаемыхъ отъ Европейцевъ, потомъ въ кокосахъ, арекахъ, курахъ, свиньяхъ, копьяхъ, челнокахъ, ласточкиныхъ гнѣздахъ, амбрѣ, черепахѣ и другихъ произведеніяхъ архипелага. Большая часть Индѣйскихъ кораблей, идущихъ въ Рангунъ, нагружаются кокосами у острововъ Никобарскихъ. Датчане пытались нѣсколько разъ основать тамъ торговое и миссіонерское заведеніе; смерть постоянно истребляла почти всѣхъ поселенцевъ.

Къ сѣверу отъ Никобарскихъ острововъ лежатъ Андаманскіе, занимаемые свирѣпыми дикарями, у которыхъ волосы подобны шерсти какъ у негровъ; ростъ ихъ не превышаетъ пяти футовъ; члены у нихъ тонки, животъ великъ и голова большая; они ходятъ вообще нагишемъ. Языкъ ихъ, не схожій ни съ однимъ изъ Индѣйскихъ нарѣчій, заключаетъ въ себѣ болѣе мягкихъ, нежели гортанныхъ звуковъ. Они привѣтствуютъ, поднявъ ногу и положивъ руку на заднюю часть лядвеи.

Островитяне эти не имѣютъ ни какого понятія о земледѣліи, ни о запасахъ на будущее время; въ насущномъ пропитаніи своемъ зависятъ они совершенно отъ того, что дадутъ имъ лѣса или море, и какъ въ бурную пору рыбная ловля весьма ненадежна, то быть-можетъ, что голодъ иногда вынуждаетъ ихъ поѣдать другъ друга. Каждое утро валяются они въ

грязи для предохраненія кожи отъ насѣкомыхъ и намазываютъ волосы смѣсью охры съ жиромъ. Они хитры, вѣроломны и мстительны. Единственное занятіе ихъ въ стараніи добыть себѣ пищи посредствомъ дротиковъ, луковъ и стрѣлъ, которыми бьютъ они кабановъ и птицъ, даже крупную рыбу, которая приблизится къ берегу; для ловли мелкой есть у нихъ сѣти.

Хижины ихъ состоятъ изъ нѣсколькихъ жердей, связанныхъ вверху и покрытыхъ вѣтвями; дыра, оставленная внизу, на сторонѣ, дозволяетъ входить только ползкомъ. Челноки ихъ не что иное, какъ древесные пни, выжженные огнемъ или выдолбленные острыми каменьями; бухты и проливы переѣжаютъ они и на бамбуковыхъ плотахъ. Наконечники стрѣлъ и дротиковъ дѣлаютъ изъ рыбьихъ костей и клыковъ кабаньихъ. У нихъ щиты изъ дресвы, а палицы изъ тяжелаго дерева. Единственная утварь ихъ—плетушка, куда кладутъ они съѣстной запасъ.

Полагаютъ, что у нихъ есть родъ поклоненія тѣламъ небеснымъ, что они вѣрятъ въ лѣшихъ, водяныхъ и горныхъ духовъ, и стараются обезоружить ярость бури, оглашая дикими пѣснями скалы, нависшія надъ морской пучиною. Они страстно любятъ пляску и пѣсни. Число ихъ, какъ думаютъ, не превышаетъ 2,500 душъ, разсѣянныхъ по берегамъ въ малыхъ обществахъ.

Андаманскихъ острововъ всего четыре, то есть большой, малый, Барренъ и Нарондамъ; послѣдній лежитъ къ востоку. Большой Андаманъ простирается, можетъ быть, на сорокъ шесть съ половиною миль

въ длину и на шесть съ половиною въ ширину; онъ гористъ, главная вершина его до четырехъ-сотъ тоазовъ вышиною; берега, въ особенности западные, прорѣзаны глубокими, безопасными заливами.

Малый Андаманъ выше предъидущаго, онъ девяти миль въ длину и пяти въ ширину; берега его хотя и безъ пристаней, имѣютъ однако жъ хорошія якорныя мѣста. Островитяне, кажется, нѣсколько промышленнѣе своихъ сосѣдей, но такъ же негостепріимны, какъ и они.

Видомъ эти острова похожи на Никобарскіе; произведенія на нихъ тѣ же. Англичане тщетно пытались, въ 1791 году, водвориться на южной оконечности большаго Андамана. Въ 1824 году, Великобританская эскадра, отправляясь на Бирмановъ, заходила къ этому острову; нѣсколько кораблей пробыли въ пристани почти цѣлый мѣсяцъ. Всѣ старанія завязать дружелюбныя сношенія съ дикими островитянами не послужили ни къ чему.

Въ своихъ выдолбленныхъ челнокахъ нападаютъ они порою на мелкія суда, которыя проходятъ мимо береговъ ихъ, или которыя непогода вынудитъ искать здѣсь убѣжища. Горе тому, кто попадетъ во власть этихъ свирѣпыхъ дикарей.

Островъ Барренъ, или Безплодный, имѣющій не болѣе шести миль въ окрестности, отличается волканомъ въ шесть сотъ футовъ вышины.

Къ сѣверовостоку отъ большаго Андамана лежатъ два болотистые острова, извѣстные подъ именемъ

Кокосовыхъ *; они совершенно покрыты деревами, отъ которыхъ получили названіе, и населены только обезьянами и бѣлками.

Далѣе къ сѣверу купа островов Препарисъ, каменистая, необитаемая, обильная лѣсомъ и прѣсною водой, составляетъ начало той гряды, которая тянется перемежаясь отъ Ашемскаго мыса, на островѣ Суматрѣ, до мыса Неграйса.

* Такъ же называется купа коралловыхъ острововъ къ западу отъ Сондскаго пролива подъ 12° южной широты.

ГЛАВА XXXIX.

Арракан. Кассай. Качаръ. Джинтіахъ. Гарраусъ. Ассамъ.

Арраканъ былъ прежде королевствомъ независимымъ, хотя часто опустошали его Пегуанцы и Монголы. Въ 1783 году онъ былъ завоеванъ Бирманами; тиранское управленіе ихъ возбудило въ 1811 году мятежъ, но его вскорѣ усмирили: большая часть населенія уведена въ неволю побѣдителями. Происшествія войны между Англичанами и Бирманами въ 1825 году предали Арраканъ въ руки первыхъ, а мирный договоръ 1826 года обезпечилъ за ними новое владѣніе.

Потокъ, котораго устье подъ 18° широты, ограничиваетъ Арраканъ на югѣ; къ сѣверу теченіе рѣки Нафа отдѣляетъ его отъ Бенгала (21°); къ западу омывается онъ Бенгальскимъ заливомъ; къ востоку Юма-доньскія горы образуютъ предѣлъ его со стороны Бирмановъ. Эта цѣпь, которой южную оконечность составляетъ мысъ Неграйсъ (16°2′), сначала идетъ весьма близко къ берегу, представляя первозданныя толщи; многія изъ вершинъ ея отъ 2,000 до 6,000 футовъ вышиной; гребень, простираясь къ сѣверу чрезъ малоизвѣстныя земли, далѣе повертываетъ на востокъ, образуетъ уголъ и наконецъ склоняется къ западу, гдѣ примыкаетъ къ отраслямъ Гималайи.

Арраканъ покрытъ густыми лѣсами и пересѣкается такимъ множествомъ рѣкъ, лагунъ и морскихъ протоковъ, что образуетъ цѣпь полуострововъ, перешейковъ и островковъ, которые на каждомъ шагу прерываютъ сухопутное сообщенiе между деревнями. Почва вообще глиниста и весьма жирна въ сосѣдствѣ горъ; дожди бываютъ часто; сырость въ соединенiи съ палящимъ жаромъ солнца облегчаетъ разведенiе сарацинскаго пшена. Когда Англичане овладѣли краемъ, онъ былъ почти весь въ пару и населенъ почти одними слонами, буйволами и тиграми; онъ весьма зловреденъ для здоровья.

Главные острова суть Чедоба и Рамри, которые весьма населены и замѣчательны своими иловатыми изверженiями. Значительнѣйшая рѣка есть Арраканъ, которая въ устьѣ раздѣляется на нѣсколько протоковъ. Она получила имя отъ столицы, сообщившей его всему краю; городъ въ 12 миляхъ отъ моря и состоитъ изъ однѣхъ бамбуковыхъ хижинъ. Есть много храмовъ Гаутамы въ его внутренности и на холмахъ, которые окружаютъ его.

Юма-доньскiя горы пересѣкаются немногими тѣснинами. Прилежащiе къ нимъ округи называются *Анупектумiу* (гористая западная страна). Жители выдѣлываютъ бумажную ткань, именуемую *пуйони*; ее покупаютъ на расхватъ сосѣди ихъ, обитающiе въ равнинѣ.

По словамъ Крофорда, Арраканцы или Моги совершенно схожи съ Мрамками (Бирманами), и говорятъ ихъ языкомъ, но съ весьма примѣтной разно-

стью въ нарѣчіи. Не смотря на грубость ихъ нравовъ, всѣ они, даже самыя женщины, умѣютъ писать. Арраканцы большіе охотники до звѣриной и рыбной ловли. Въ мелочной торговлѣ они очень хитры; впрочемъ удивительно честны и вѣрны своему слову. Говорятъ, будто женщины не могутъ служить образцомъ нравственной чистоты. Рабство существуетъ здѣсь, равно какъ и у Бирмановъ.

На сѣверозападъ отъ Арракана, Кассай представляетъ обширную плоскость, окруженную горами, которыя подымаются амфитеатромъ до 2,500 футовъ высоты надъ долиною, лежащею на 2,500 футовъ выше морской поверхности. Въ срединѣ края лежитъ столица его Манипуръ, въ нагорной равнинѣ, отлого спускающейся къ югу и содержащей во внутренности своей цѣпь болотъ и озеръ; главное и самое южное изъ нихъ имѣетъ пять миль въ длину и три въ ширину, и заключаетъ въ себѣ нѣсколько гористыхъ островковъ. Конь ба, рѣка, вытекающая къ сѣверу отъ Манипура, идетъ параллельно съ этими озерами, образуетъ къ востоку отъ города каскадъ, пересѣкаетъ горныя цѣпи и несетъ воды свои въ русло Нань-ти, какъ называется Кіанъ-дуанъ въ средней части своего теченія.

Климатъ Кассая благорастворенный и здоровый по причинѣ великаго возвышенія страны; Англичане, приведенные туда войною, видѣли въ долинахъ и по горамъ дубовые и сосновые лѣса, равно какъ и другія деревья умѣренныхъ климатовъ. На возвышенной плоскости, одинокія дерева означали мѣсто бывшихъ деревень, разоренныхъ Бирманами. Не смотря на опустошенія войны, все обнаруживало, что поля были хорошо

воздѣланы, долины украшались прекрасными пажитями. Когда Англичане проходили здѣшнимъ краемъ, тутъ не оставалось ни жителей, ни скота.

Отверзтый для нападеній Бирмановъ, Кассай долго претерпѣвалъ бѣдствія. Мирный договоръ 1825 года поставилъ его подъ защиту Британскаго правительства. Когда онъ будетъ наслаждаться миромъ, то по прежнему процвѣтетъ. Туземцы сами себя называютъ Мойтаями; у нихъ болѣе общаго съ бѣлою породою, нежели съ желтою; религія ихъ брахманизмъ, а языкъ не имѣетъ никакаго сходства съ Гиндустанскими. Они искусные кузнецы и превосходные всадники. Музыка ихъ услаждала ухо Европейцевъ, которые слышали ее.

Кассай оставался во власти Бирмановъ съ 1774 по 1824 годъ, когда раджа снова пріобрѣлъ престолъ и вмѣстѣ съ нимъ независимость.

Горы, лежащія къ западу, отдѣляютъ Кассай отъ небольшой области Джинтіаха, которой одна часть низменна, другая гориста, покрыта лѣсомъ и кустарникомъ; промежуточные округи составляютъ горную плоскость, которой высоту полагаютъ въ 2,500 футовъ и которая похожа на Кассай. Джинтіахпуръ, столица этого края, лежитъ при рѣкѣ Капили, впадающей въ Брахмапутру.

Главныя произведенія суть сарацинское пшено, хлопчатая бумага и грубый шелкъ, доставляемый дикимъ червемъ; изъ Джинтіаха берутъ слоновъ, желѣзо, известь, каменный уголь.

Туземцы, называющіе сами себя Хассіяхами (Khassiyah), принадлежатъ скорѣе къ желтой породѣ, не-

жели къ бѣлой, и языкъ ихъ приближается къ нарѣчіямъ восточной Азіи, впрочемъ съ каждымъ днемъ уступая болѣе Бенгальскому. Брахманизмъ проникнулъ къ Джинтіахнамъ вмѣстѣ съ системою кастъ. Эти полуварвары умѣютъ строить мосты и огромные памятники изъ претяжелыхъ камней.

Не смотря на малость свою, Джинтіахъ управляется многими мелкими князьями, изъ которыхъ каждый имѣетъ во власти двѣ, три горы и только считается подданнымъ раджи; они въ безпрерывной войнѣ между собою и немилосердо опустошаютъ весь край. Раджа можетъ выставить пятитысячную армію, составленную изъ однихъ его горцевъ.

На востокъ отъ Джинтіаха находится Качаръ или Гаирумбо, ограничиваемый къ сѣверу Брахмапутрою. Капили и Сурма или Барокъ, главныя его рѣки, выходятъ изъ горъ съ восточной стороны. Сѣверныя горы суть отрогъ Гарраусскихъ; всѣ ихъ можно почитать вѣтвями Гималайскаго хребта; онѣ покрываютъ собою часть края и довольно лѣсисты; почти непроходимыя тѣснины прорѣзываютъ ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Въ войнѣ съ Бирманами, Англійскія войска тянули обозъ свой вверхъ по Бароку.

Гаирумбо скудно населенъ; Качарцы похожи на Китайцевъ: они дюжи и довольно бѣлы. Забывъ древнее свое нарѣчіе, они говорятъ по-Бенгальски; оттуда же заимствовали они вѣру и устройство кастъ. Они, равно какъ и сосѣди ихъ Джинтіахцы, подвергаются упреку въ томъ, что будто бы приносятъ человѣческія жертвы одному изъ божествъ Индѣйскаго пантеона.

Въ Гаирумбо есть соляные ключи, производящіе столько соли, что ея достаточно и для внутренняго потребленія и для вывоза; онъ снабжаетъ еще торговлю грубымъ шелкомъ, называемымъ *мунь* или *тассеръ*, воскомъ, хлопчатою бумагой, строевымъ лѣсомъ, известью, желѣзною рудою.

Раджа, лишенный престола Бирманами, равно какъ и сосѣди его, обязанъ своимъ возстановленіемъ Англичанамъ. Онъ живетъ въ новой столицѣ, Коспурѣ, и платитъ ежегодную дань своимъ освободителямъ.

Къ востоку отъ описанныхъ нами земель лежитъ Гарраусъ, представляющій безпорядочную громаду горъ, которыхъ высота простирается отъ ста до трехъ тысячь футовъ; онѣ разорваны множествомъ маленькихъ рѣкъ, но чрезвычайно сближены однѣ съ другими. Говорятъ, что только недавно Европейцамъ удалось туда проникнуть; что въ срединѣ стоятъ огромныя толщи голыхъ скалъ, окруженныя обширными пространствами, которыя вовсе безъ прозябенія; вообще же высоты, хотя и круты, однакожъ отличаются тучною и весьма хорошею почвой. Влажный климатъ благопріятствуетъ успѣхамъ растительности.

Многія племена Гаррауcовъ были покорены сосѣдними владѣтелями, а потомъ подпали власти Англичанъ; другія остались независимы и управляются мелкими Князьями. Народы эти имѣютъ Китайскій обликъ и сложенія крѣпкаго. Они употребляютъ въ пищу всѣхъ животныхъ, но гнушаются молокомъ. Въ порывахъ мстительности, они убиваютъ недруга и огладываютъ его голову, приправляя мясо сокомъ плодовъ какого-то дерева, которое нарочно для того

разводятъ. Непріятельскіе черепы составляютъ у этихъ свирѣпыхъ дикарей родъ ходячей монеты, по-крайней-мѣрѣ, въ случаѣ значительнаго платежа. Они сжигаютъ и превращаютъ въ пеплъ трупы своихъ единоземцевъ, чтобы ошибкою не принять какого-нибудь черепа ихъ за Бенгальскій.

Горы, означаемыя именемъ этого народа, тянутся отъ востока къ западу миль на пятьдесятъ въ длину; средняя ширина ихъ двадцать пять миль; вѣтвями своими покрываютъ онѣ почти все пространство, занимаемое вольными Гарраусами; высшія отрасли, которыхъ вершины подымаются отъ 2,000 до 4,000 футовъ надъ морской поверхностью, состоятъ изъ гранита, а нижніе уступы имѣютъ не болѣе двухъ сотъ футовъ вышины и всѣ известковые. Къ востоку соединяются онѣ съ горами Нагахскими, гдѣ обитаетъ дикій народъ Куки или Нагахъ.

Къ сѣверу отъ племенъ, о которыхъ мы теперь говорили, простирается Ассамъ, длинная долина, лежащая между 26° 10′ и 28° широты и окраенная съ обѣихъ сторонъ горами, которыхъ нижніе уступы примыкаютъ на сѣверѣ къ Гималайскимъ, на югѣ къ Гарраусскимъ; она орошается Брахмапутрою, вытекающею изъ здѣшнихъ мѣстъ. Эта рѣка, которой имя означаетъ: сынъ Брахмы, образуется слитіемъ Логита съ Диганемъ: Логитъ выходитъ изъ озера Брамакунда, обставленнаго крутыми скалами, а Дигань течетъ съ дикихъ горъ, принадлежащихъ къ Гималайскимъ отраслямъ. Въ Брахмапутру съ восточной стороны впадаетъ еще Дибань; въ быстромъ теченіи своемъ первая изъ этихъ рѣкъ подвержена періодическимъ раз-

ливамъ и образуетъ пребольшіе острова. Совершивъ путь свой почти отъ востока къ западу, она входитъ въ Бенгалъ близъ Гольпары; справа и слѣва пріемлетъ она многія значительныя рѣки.

Ассамъ раздѣляютъ на три части: Содійяхъ — къ востоку, Ассамъ въ собственномъ смыслѣ посрединѣ, Камрупъ—на западѣ. Послѣдній, покоренный съ давнихъ поръ Монгольскими императорами Гиндустана, составляетъ въ наше время часть Великобританскихъ владѣній; Ассамъ повинуется туземному раджѣ, который обязанъ своей властію Англичанамъ, и изъ благодарности платитъ своимъ покровителямъ 50,000 рупій дани (30,000 рублей серебромъ). Содійяхъ населенъ племенами, состоящими подъ управленіемъ мелкихъ раджей; положеніе его на границахъ имперій Китайской и Бирманской придаетъ ему нѣкоторую важность въ политическомъ отношеніи, почему Англійское начальство старается всѣми силами имѣть самый дѣятельный надзоръ надъ необразованными племенами, разсѣянными по странѣ, почти неизвѣстной и съ трудомъ проходимой.

Не смотря на то, въ 1820 году, Бирманы проникли во внутренность Ассама. Изъ Бгаммо города, лежащаго на лѣвомъ берегу Ирауадди, въ пятидесяти миляхъ къ сѣверу отъ Авы, прошли они до города Ренгпура, на югъ отъ Брахмапутры. Англичане, которые не могли оставить ихъ обладателями края, откуда удобно было бъ дѣлать набѣги на Бенгалъ, выступили противъ нихъ и принудили ихъ къ отступленію; на основаніи мирнаго договора 1825 года они

заставили Бирмановъ отречься отъ всякаго притязанія на эту область.

Дебъ-раджа Бутанскій покорилъ державѣ своей часть Содійяха; главныя племена этой части Ассама суть Аборы, Допхлы, Мичмійцы, къ сѣверу отъ Брахмапутры; Синьпхо, Мулаки, Кекуи и Боркамптійцы къ югу отъ этой рѣки. Снѣговой хребетъ Луньтанскихъ горъ покрываетъ земли этихъ горцевъ. Они всегда были бичемъ для Ассамитовъ, подвластныхъ раджѣ, дѣлая безпрестанные набѣги на ихъ сторону, разоряя огнемъ и мечемъ все, что имъ ни попадалось, и похищая жителей, которыхъ они продавали другимъ отдаленнѣйшимъ племенамъ, каковы напримѣръ Чаны. Англичане возвратили Ассаму миръ и спокойствіе; но едва ли они смогутъ обуздать предпріимчивость народа, дышущаго грабежемъ. Англійскіе офицеры, пускавшіеся въ средину горъ для обозрѣнія и описанія края, подвергались величайшимъ опасностямъ.

Въ 1825 году, молодой артиллерійскій офицеръ, Петръ Генрихъ Бёрльтонъ (Burlton), снялъ карту верховьевъ Брахмапутры и поднимался по рѣкѣ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ подъ именемъ Логита, она перестаетъ быть судоходною, то есть подъ 27° 50′ сѣверной широты и подъ 113° восточной долготы. Послѣ того, Бёрльтонъ и соотечественникъ его Уилькоксъ (Wilcox) перешли черезъ Луньтанскій хребетъ и достигли истоковъ Сри-сергита, впадающаго въ Ираудди съ правой стороны и часто величаемаго именемъ Ираудди. Далѣе Бёрльтонъ былъ употребленъ вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ Беллинфильдомъ (Belling-

field) при съемкѣ Камрупа. Лѣтомъ 1829 года они прибыли въ Нанкло, Коссійяхсское мѣстечко въ горахъ Гарраусовъ, для возстановленія здоровья, разстроеннаго занятіями въ странѣ, состоящей, по большей части, изъ болотъ и одѣтой густымъ кустарникомъ. Въ одинъ вечеръ человѣкъ до пятисотъ Коссіаховъ и Гарраусовъ окружило домъ, гдѣ жили Англичане. Беллинфильдъ, вышедши безъ оружія посмотрѣть, что это за толпа, былъ умерщвленъ и обезглавленъ убійцами. Бёрльтонъ съ нѣсколькими сипайями и съ прислугою защищался до слѣдующаго утра. Тогда варвары зажгли домъ, выстроенный, по тамошнему обычаю, изъ дерева. Бёрльтону и людямъ его удалось вырваться; идучи храбро на непріятеля и не подпуская его къ себѣ ни на шагъ, они успѣли достигнуть мѣста, отстоявшаго миль на десять; по несчастію проливной дождь вымочилъ весь снарядъ маленькаго войска, и оно было принуждено разсѣяться. Бёрльтонъ, изтощенный усталостью, упалъ и былъ тотчасъ зарѣзанъ; ему только что исполнилось двадцать пять лѣтъ.

Произрастенія Камрупа и собственнаго Ассама общи имъ съ другими краями теплаго климата, а Содійяхскія подобны тѣмъ, какія растутъ въ сѣверномъ Бутанѣ. Кромѣ того здѣсь водится якъ. Шелковыхъ червей весьма много въ Ассамѣ. Въ пескѣ нѣкоторыхъ рѣкъ добываютъ золото; индѣ разработываютъ желѣзные рудники; Содійяхъ изобилуетъ каменною солью.

Ассамцы повидимому одного корня съ жителями Гиндустана; языкъ ихъ, раздѣляющійся на четыре

главныя нарѣчія, происходитъ отъ Бенгальскаго. Прежде были они идолопоклонниками, а съ XVII столѣтія приняли отчасти брахманизмъ и раздѣленіе на касты, не подвергаясь однакожъ всѣмъ лишеніямъ, предписываемымъ этой вѣрою. Они сильны и крѣпки, дѣятельны и трудолюбивы. Цвѣтъ кожи ихъ, весьма темный или почти черный въ южномъ Ассамѣ, бѣлѣетъ по мѣрѣ приближенія къ гористому краю.

Не смотря на грубость весьма многихъ племенъ Ассамскихъ, эти народы не совсѣмъ лишены промышлености. Они выдѣлываютъ шелковыя ткани, употребляемыя на одежду двумя третями населенія; ткутъ ихъ женщины всѣхъ сословій, начиная съ женъ радже до простыхъ бабъ. Бумажныя ткани дѣлаются только иностранцами. Ремесленный народъ, каковы кузнецы, мѣдники, плотники, принадлежитъ къ разнымъ кастамъ. Каменорѣзцы довольно искусны въ своемъ дѣлѣ; есть множество людей, работающихъ изъ бамбука, и приготовляющихъ масло и рогожки; между послѣдними есть и Китайцы. За то уже вовсе не найдете портныхъ, и чеботарей весьма мало; чтобъ носить башмаки, необходимо особое дозволеніе раджи, а онъ рѣдко оказываетъ эту великую милость.

Слуги всѣ рабы и въ такомъ множествѣ, что ихъ продаютъ за границу, преимущественно въ Бенгалъ; другіе товары, отправляемые въ этотъ край, суть гуммилакъ, шелковыя ткани, хлопчатая бумага, шелкъ сырецъ, кунжутное сѣмя. Торговля съ Бутаномъ ведется караванами. Биджнійцы занимаютъ въ этомъ краѣ округи, прилежащіе къ Ассаму. Подобно Аборамъ, этотъ народъ вооруженъ лукомъ и ядовитыми

стрѣлами, легкимъ копьемъ и острой саблею, называемою *дга*.

Раджа собственнаго Ассама живетъ въ Джоргатѣ, на рѣкѣ Диссойе, неподалеку отъ лѣваго берега Брахмапутры; Ренгпуръ, болѣе къ востоку на островѣ, образуемомъ рѣкою Дихо, самый многолюдный городъ въ цѣломъ краѣ; Гергони, къ западу, прежняя столица, теперь груда развалинъ. Европеецъ съ трудомъ привыкаетъ величать именемъ городовъ эти кучки деревянныхъ и тростниковыхъ хижинъ, окруженныя валомъ изъ земли или нетесаныхъ камней, безъ лавокъ, безъ рынка, безъ всякихъ удобствъ городской жизни. Однакожъ остатки насыпныхъ дорогъ, тщательно устроенныхъ, показываютъ, что въ прежнія времена здѣшній край не былъ погруженъ въ такомъ варварствѣ, какъ нынѣ.

По собственнымъ ихъ преданіямъ, Синьпхои пришли сюда изъ страны, лежащей къ сѣверу, вѣроятно сопредѣльной съ Китаемъ; выраженіемъ лица они не похожи на другихъ обитателей Ассама; они исповѣдуютъ буддизмъ, смѣшанный съ множествомъ древнихъ суевѣрій.

У Мичмійцевъ бездна мелкихъ селеній; избы прислонены къ горнымъ крутизнамъ такимъ образомъ, что утесъ составляетъ одну изъ стѣнъ жилья и поддерживаетъ одинъ конецъ кровельныхъ рѣшетинъ, тогда какъ другой утвержденъ на столбахъ; подъ свѣтлицею, гдѣ живетъ семья, держатъ скотъ и домашнюю птицу.

ГЛАВА XI.

Гималайскія горы. Округи Бенгала, орошаемые Брахмапутрою.

Хребетъ Гималайскихъ горъ, образующій къ сѣверу естественную границу Гиндустана, начинается на лѣвомъ берегу Инда подъ 92° восточной долготы, идетъ отъ сѣверозапада къ юговостоку между 28° и 35° сѣверной широты, и оканчивается почти подъ 115° 30′ долготы въ малоизвѣстныхъ странахъ, которыхъ очеркъ мы только что успѣли представить. Но мы видѣли, что горы, на востокъ отъ верховьевъ Брахмапутры, примыкаютъ къ этому неизмѣримому хребту, котораго длина до одной снѣжной вершины, именуемой у Тибетцевъ Гаклагангри, простирается на шесть-сотъ миль. Гребень Луньтанскихъ бѣлковъ которые повертываютъ къ востоку почти подъ 28-мъ градусомъ, вѣроятно соединяется съ тѣми горами которыя проникаютъ въ Кассай и достигаютъ вершинъ округовъ Анупектуміу и Юдоны, оканчиваясь мысомъ Пеграйсъ.

Гималайскія горы граничатъ къ сѣверу съ Тибетомъ, а къ югу съ Кашмиромъ, Герваломъ, Непаломъ, Бутаномъ и Ассамомъ. Къ этой сторонѣ скаты ихъ гораздо круче, нежели къ сѣверу, гдѣ они сходятъ на весьма возвышенную плоскость. Напротивъ, съ другой стороны, вѣтви ихъ простираются и пересѣ-

кают другъ друга въ тѣсныхъ и излучистыхъ долинахъ, замыкающихся рядомъ мысовъ, параллельнымъ съ главнымъ хребтомъ Гималайи.

Только въ первые годы XIX вѣка начали измѣрять высоту Гималайскихъ горъ. Нѣкоторыя изъ вершинъ ихъ видны такъ далеко въ Бенгальскихъ равнинахъ, что наконецъ стали подозрѣвать, не выше ли онѣ Андовъ, дотолѣ слывшихъ первыми на земномъ шарѣ. Тщательныя тригонометрическія наблюденія обратили это предположеніе въ достовѣрность. Болѣе двухъ сотъ двадцати вершинъ измѣрено съ 1816 года въ Гервалѣ; главная изъ нихъ Джавагиръ имѣетъ 4,025 тоазовъ; Серга-рухниръ — 3,581; св. Патрикій 3,564; св. Георгій — 3,342; многія другія превышаютъ 3,000 тоазовъ. Тѣснины, которыми прошли чрезъ хребетъ, имѣютъ до 2,563 тоазовъ вышины. Высшая вершина въ Непалѣ Дгавалягири (Бѣло́къ, Бѣлая гора); она не измѣрена въ точности, но повидимому простирается до 4,300 тоазовъ. Въ этомъ краѣ горный хребетъ тянется безъ разрыва и слыветъ непроходимымъ. Чамаляри въ Бутанѣ едва ли много разнится высотой съ Дгавалягири; съ Бенгальскихъ равнинъ видно ея на разстояніи осьмидесяти миль; въ этомъ краѣ измѣрены Сумауань (2,410 тоазовъ) и Гасса (2,038 тоазовъ). Доселѣ нѣтъ еще положительныхъ свѣдѣній о высотѣ хребта далѣе къ востоку; извѣстно только, что его гребни покрыты вѣчными снѣгами.

Послѣдніе представляютъ дивное явленіе по разности высотъ, на какихъ они сохраняются. На южномъ скатѣ Гималайи предѣлъ ихъ на высотѣ 1,930 тоазовъ, тогда какъ съ другой стороны они показы-

ваются только въ 2,605 тоазахъ отъ основанія, а быть-можетъ, и дальше. Покрайней мѣрѣ, Англійскій путешественникъ Веббъ (Webb), проходившій ущельемъ, въ 2,582 тоазахъ высоты, увѣряетъ, что оно поросло елями, которыя показываются до высоты 2,000 тоазовъ, то есть четырмя стами сорока тоазами выше снѣжнаго предѣла на Андахъ Квито. Необычайность эту должно объяснять отраженіемъ лучистой теплоты отъ обширной плоскости, къ которой прислоненъ хребетъ Гималайскій.

На высотахъ его множество ледниковъ, занимающихъ значительныя пространства; изъ нихъ выходитъ бездна потоковъ, которые на сѣверѣ образуютъ Индъ, Сетледжъ, Яро-Цзаньбо-чу, Сеньге́, впадающую въ Брахмапутру; на югъ—Брахмапутру, Гангъ и безчисленное множество рѣкъ, ими пріемлемыхъ. Послѣднее изъ приведенныхъ нами обстоятельствъ, то есть, что рѣки, текущія съ сѣвернаго ската Гима́лайи, впадаютъ въ другія образовавшіяся на южной сторонѣ, это особенное обстоятельство показываетъ, что гребень Гималайскихъ горъ не составляетъ водной преграды: Сетледжъ также пересѣкаетъ его почти подъ прямымъ угломъ.

Къ сѣверу, Гандзирскія горы отдходятъ отъ Гималайскихъ и раздѣляются на двѣ отрасли, идущія одна къ востоку, въ направленіи къ Цунъ-линьскому хребту, другая на западъ, къ Болорскому. На югѣ продолженіе горъ Лама-Дангра образуетъ цѣпь высотъ, простирающихся отъ сѣвера къ югу, черезъ всю сѣверную часть Гиндустана.

Большія Гималайскія озера лежатъ къ сѣверу отъ хребта, въ Тибетѣ; мы говорили объ нихъ, описывая этотъ край. Расположеніе горныхъ отраслей неблагопріятно для образованія обширныхъ водоскоповъ. Только озеро Далль въ Кашмирѣ и Брахма-кундъ въ Ассамѣ заслуживаютъ быть упомянуты.

Отроги горъ, идущихъ въ небольшомъ разстояніи къ востоку отъ Брахма-кунда, далѣе повертываютъ къ югу и простираются до мыса Неграйса; рѣка Нафъ, выходящая изъ этихъ высотъ, образуетъ, какъ мы говорили, сѣверный предѣлъ Арракана. Эта небольшая рѣка впадаетъ широкимъ устьемъ въ Бенгальскій заливъ, протекши миль около двадцати лѣсистыми мѣстами. На правомъ берегу ея начинается земля Чаттигань (Читтагонъ, Chittagon), принадлежащая къ Бенгалу. Горы этой страны возвышаются отъ 500 до 930 тоазовъ.

Держась въ сѣверномъ направленіи берега, окраеннаго островами, путешественникъ достигаетъ устья Чаттигани или Кермсули, а на правомъ берегу ея, мили на три повыше, находится городъ того же имени, называемый также Исламабадомъ (Обителью вѣры). Въ окрестностяхъ выдѣлываютъ полотна. Здѣсь производится значительный торгъ строевымъ лѣсомъ, и снаряжаются суда разной величины. Корабли могутъ приставать во всякое время въ Макъ-гатъ, лежащій при входѣ въ рѣку. Въ окрестностяхъ его есть соловарни.

Англійскій мореходецъ Погеонъ, видѣвшій Исламабадъ въ 1830 году, говоритъ, что мѣстоположеніе его самое романтическое: онъ окруженъ холмами, ко-

торые воздѣланы на нѣсколько сотъ футовъ въ вышину и пересѣкаются прекрасными долинами; купы пальмовыхъ, манговыхъ и другихъ деревьевъ покрываютъ необработанныя пространства. Воздухъ очень свѣжъ, обновляясь безпрестанно вѣтерками, дующими то съ моря, то съ суши, небо чисто и ясно; однакожъ по временамъ туманы облекаютъ атмосферу; но едва они разсѣятся, она становится прозрачна по-прежнему. Воздухъ и морскія ванны такъ благотворны, что Бенгальцы пріѣзжаютъ сюда во множествѣ для поправленія здоровья. Постройка и расположеніе домовъ въ Исламабадѣ напоминаетъ, что нѣкогда господствовали здѣсь Португальцы; нынѣ это мѣсто пребыванія губернатора и начальствъ Великобританскихъ.

Въ семи миляхъ къ сѣверу отъ города показываютъ огненные ключи; извѣстнѣйшій называется Бгальвакундъ и лежитъ на концѣ долины, окруженной горами. Вода течетъ изъ бассейна въ шесть футовъ длины, въ два щирины и въ двѣнадцать глубины; двѣ трети его поверхности задѣланы кирпичемъ для сгущенія паровъ, которые безпрестанно выходятъ, и воспламеняются въ соприкосновеніи съ воздухомъ, если его сильно взволновать. Бассейнъ, къ которому ведетъ лѣстница въ пятнадцать ступеней, обнесенъ каменною стѣной. Больные, которые приходятъ купаться, должны идти пятнадцать ступеней внизъ; вода холодна, и даже отъ пламени становится только чуть теплою; купающіеся хватаютъ огонь руками и не жгутся. Вода солона, сѣрниста и желѣзиста. Въ числѣ другихъ ключей есть четыре горячихъ и одинъ съ самой чистою и свѣтлою водой. Горячія воды упо-

требляются жителями для приготовленія пищи. Съ милю отсюда на скатѣ горы есть мѣсто, гдѣ на каждомъ шагу выходитъ изъ земли воспламененный газъ.

На вершинѣ Самба-ната, куда ведутъ пятьсотъ пятьдесятъ двѣ ступени, находится храмъ съ великолѣпнымъ видомъ на окрестности и на море. Изъ многочисленныхъ трещинъ всюду выходитъ пламя, — явленіе, часто повторяющееся и въ другихъ сосѣдственныхъ мѣстахъ.

Высоты, ближайшія къ Исламабаду, одѣты кофейными и перечными деревцами. По замѣчанію Погеона, гдѣ послѣднее изъ этихъ растеній прозябаетъ само собою, тамъ вездѣ можно было бъ развести и всѣ другія пряныя зелія. Ананасъ и плодъ хлѣбнаго дерева безпрерывно созрѣваютъ на здѣшнемъ солнцѣ; дикое индиго встрѣчается всюду, какъ и въ Арраканѣ.

Къ сѣверу отъ Чаттиганскаго округа лежатъ одинъ за другимъ Типперахскій и Сильгетскій; восточная часть перваго гориста. Тамъ простираются дремучіе лѣса, населенные вольными племенами Кукіевъ, которымъ сосѣди Коссійцы и которыхъ новѣйшіе путешественники величаютъ людоѣдами. Слоновъ очень много въ здѣшнемъ краю. Правительство предоставило себѣ право ловли этихъ животныхъ.

Рѣки Финни и Менне, соединившись близъ моря, впадаютъ въ него однимъ устьемъ; Гумти пересѣкаетъ, подобно имъ, непроходимые лѣса Типперахскіе. Миновавъ мѣстечко или городокъ Комиллахъ, Гумти дѣлится на нѣсколько рукавовъ и несетъ воды свои въ Мегну, а эта рѣка, образуемая слитіемъ Баули съ Сурмою, которыя текутъ тоже съ восточныхъ

горъ, соединяется въ низменныхъ Сильгетскихъ равнинахъ съ Брахмапутрою, и хотя она гораздо менѣе послѣдней, однако сообщаетъ ей свое имя. Усилившись такимъ образомъ, Гумти посылаетъ протоки влѣво, а справа принимаетъ въ себя нѣсколько рукавовъ Ганга и, образовавъ широкій лиманъ, впадаетъ вмѣстѣ съ этою рѣкой въ заливъ Бенгальскій. Въ устьяхъ своихъ намыла она песчаныя мели и большіе острова.

Эта низменная страна, весьма вредная для здоровья, принадлежитъ къ дельтѣ рѣки Ганга; она отдѣляется отъ верхней части края вѣтвію Гарраусскихъ горъ, идущею отъ востока къ западу до Брахмапутры; Сурма или Барокъ перерѣзываетъ эти горы; на сѣверномъ рукавѣ ея лежитъ Сильгетъ, главный городъ всего края, куда отправляются только водой. Отъ Сильгета къ сѣверу путешественникъ достигаетъ Пандуи, деревни у подножія высотъ; Англичане построили здѣсь крѣпостцу и содержатъ гарнизонъ изъ Сипаевъ для обузданія сосѣдственныхъ Коссійцевъ. Въ окрестностяхъ есть пещеры, весьма замѣчательныя по своимъ сталаткитамъ. Далѣе идутъ лѣса и кустарники, и за ними лежитъ деревня Чирапанджи, защищаемая хорошими палиссадами, на высотѣ семисотъ пятидесяти тоазовъ отъ Сильгетской равнины, посреди огромныхъ горъ и близъ водопада, который низвергается, какъ говорятъ, порогомъ въ полторы тысячи футовъ высоты. Пихты и зеленѣющія пажити свидѣтельствуютъ объ умѣренности климата въ этомъ краѣ; Англичане завели здѣсь селеніе, куда офицеры и солдаты ихъ, истощенные Бенгальскимъ зноемъ,

удаляются иногда для поправленія здоровья. Въ нѣскольких миляхъ далѣе путешественникъ достигаетъ такой высоты, что въ глубокой дали къ сѣверозападу видитъ предъ собою Тибетскіе ледники, возникающіе надъ горами Бутана.

ГЛАВА XLI.

Непалъ.

Въ 1792 году, ни одинъ Англичанинъ не переходилъ еще цѣпи высокихъ горъ, отдѣляющихъ равнины Бенгала отъ долинъ Непальскихъ. Этотъ край, сопредѣльный съ владѣніями Великобританцевъ въ Индіи, былъ извѣстенъ только по сбивчивымъ и скуднымъ разсказамъ миссіонеровъ и разъѣзжихъ купцовъ, какъ неожиданно представился случай приподнять завѣсу, покрывавшую дотолѣ этотъ край.

Мы прежде разсказывали, говоря о Тибетѣ, что банчань-эрдени, приглашенный въ Пекинъ императоромъ Китайскимъ, умеръ тамъ въ 1780 году. Узнавъ объ этомъ, братъ его, лама Сумгуръ, пришелъ въ крайнее безпокойство, забралъ съ собою значительныя сокровища, покинулъ Хлассу и удалился въ Непалъ. Правитель, Багадуръ Сахъ, повелѣвавшій этимъ краемъ въ малолѣтство своего племянника, взялъ Сумгура подъ защиту и пожаловалъ его пенсіей. Изъ признательности, Сумгуръ открылъ ему за тайну, что окрестности Хлассы обильны золотомъ, серебромъ и другими рудами. Этого было довольно, чтобъ возбудить корыстолюбіе Саха, который немедля собралъ полки. Послѣ двадцатидневнаго похода, они вступили въ верхній Бутанъ, постоянно разбивали сопротивныя войска и проникли въ самый Тибетъ. Тамошній во-

еначальникъ, уступая неодолимой силѣ обстоятельствъ, заключилъ невыгодный миръ; условились, чтобъ Тибетъ платилъ королю Непальскому три лака рупій (около 750,000 рублей) дани.

По возстановленіи спокойствія, Хласское правительство, опасаясь, чтобъ Непальцы, подстрекаемые успѣхомъ, не покусились на новыя вторженія, отправило депутатовъ просить помощи въ Калькуттѣ. Уваженія, основанныя на обязанности держаться совершеннаго безучастія въ ссорахъ между тѣми изъ Азіатскихъ державъ, съ которыми не было ни какихъ связей, рѣшили Англійскій совѣтъ въ Индіи не соглашаться на желанія Тибетцевъ. Опасенія ихъ подтвердились въ послѣдствіи. Сумгуръ, знавшій ненасытную алчность Саха, успѣлъ посредствомъ неотступныхъ просьбъ склонить его въ 1791 году къ новому походу. Осмнадцати тысячное Непальское войско овладѣло городомъ Тешу-Люмбо и похитило казну, принадлежавшую банченю-эрдени, и съ нею одного изъ его министровъ.

Въ январѣ 1792 года, владыка поднебесной имперіи, узнавъ объ этомъ набѣгѣ, писалъ къ правителю и препроводилъ къ нему свои граматы съ чрезвычайнымъ посланникомъ. Этотъ, не доѣхавъ дня на два пути до Непала, письменно увѣдомилъ Саха о цѣли своего посольства, присовокупляя: «Ты долженъ выйдти мнѣ на встрѣчу для принятія граматы, которую я везу.» Правитель отвѣчалъ на этомъ вызовъ: «Не окажу ни какой почести твоей граматѣ; хочешь прибыть сюда, добро пожаловать, а если нѣтъ, можешь воротиться.» Видя, что дѣлать нечего, ман-

даринъ пріѣхалъ въ Непалъ, гдѣ приняли его не весьма дружелюбно. Императоръ требовалъ, чтобъ правитель, котораго онъ честилъ воромъ, возвратилъ тѣ пятьдесятъ два крора рупій (около 250,000,000 рублей), которые онъ увезъ, чтобъ онъ отпустилъ полоненнаго ламу и выдалъ Сумгура, первоначальника всѣхъ этихъ безпорядковъ. Правитель отвѣчалъ, что онъ не удовлетворитъ ни одному изъ предлагаемыхъ условій, и что императоръ воленъ дѣйствовать какъ и когда ему угодно.

Проживъ двѣ недѣли при дворѣ раджи, Мандаринъ пустился въ обратный путь къ Пекину, гдѣ изложилъ слѣдствія своего посольства. Справедливо разгнѣванный дерзостью правителя, императоръ двинулъ сильное войско подъ начальствомъ генерала первой степени. Прибывъ въ Хлассу, генералъ подтвердилъ правителю, чтобъ онъ выполнилъ данныя ему повелѣнія. Сахъ снова отказалъ въ покорности. Генералъ, продолжая вести переговоры, раздѣлилъ свои войска на два отряда, одинъ въ сорокъ, другой въ тридцать тысячь человѣкъ, и повелъ ихъ разными дорогами. Они побѣдили Непальцевъ; тогда правитель согласился выдать Сумгура, но этотъ отравилъ себя. Лама, взятый въ плѣнъ, получилъ свободу; между тѣмъ Китайскій генералъ все шелъ впередъ и достигъ до Нохкоте, въ семи миляхъ отъ Катманду, столицы того края. Устрашенный Сахъ велѣлъ перевезть свои сокровища въ Макданпуръ, мѣсто весьма крѣпкое, лежащее дальше къ югу, при входѣ въ верхнюю часть Непала.

Въ то же время прибѣгнулъ онъ къ помощи Великобританскаго правительства. Лордъ Корнуэльзъ (Cornvallis), имѣя въ виду выгоды отечественной торговли, полагалъ, что Англія не можетъ смотрѣть равнодушно на занятіе Непала Китайцами, отчего владѣнія ихъ стали бы смежны съ землями, принадлежащими Компаніи; между тѣмъ, осторожность воспрещала ему послать войско на помощь раджѣ, и такъ онъ рѣшительно отказалъ въ этомъ его посланцамъ, обѣщая однако жъ свое ходатайство у Китайскаго генерала для примиренія враждующихъ сторонъ. Капитанъ Вильямъ Керкпатрикъ, бывшій потомъ генераломъ, немедленно отправился съ этой цѣлію; но не успѣлъ онъ выѣхать изъ Бенгала, какъ Непальское правительство, сомнѣваясь въ дѣйствіи посредничества Великобританцевъ, или боясь, въ случаѣ успѣха ихъ, того вліянія, какое получатъ они въ послѣдствіи на его дѣла, или наконецъ просто оробѣвъ передъ грознымъ непріятелемъ, внезапно заключило съ нимъ договоръ, дѣлавшій безполезнымъ всякое вмѣшательство.

При всемъ томъ, оставалось еще столько нерѣшеннаго вразсужденіи Непальцевъ, что Керкпатрикъ счелъ нужнымъ продолжать предпринятый путь. 13 Февраля 1792 года, онъ переправился черезъ Багматти, которая проходима въ бродъ въ сухую пору и означаетъ границу Непала съ этой стороны. Сначала увидѣлъ онъ обширные кустарники, наполненные медвѣдями; туземцы утверждаютъ, что ихъ можно пугать, подражая блеяніямъ козы. Вскорѣ Керкпатрикъ очутился среди горъ и переѣзжалъ нѣсколь-

ко рѣчекъ, впадающихъ частію въ Багматти, частію въ Бура-гандакъ; онъ вообще держался на сѣверъ. Судя по виду, этотъ край имѣлъ нѣкогда болѣе жителей. Онъ былъ худо обработанъ. 18 Февраля, ѣхали три часа безконечнымъ лѣсомъ; ширину его полагали въ восемь миль съ половиною. Онъ окраяетъ Непалъ къ югу на всемъ его протяженіи, и потому не вездѣ имѣетъ одинаковую глубину: нѣкоторыя части его обработаны, особенно тамъ, гдѣ мѣстоположеніе благопріятно для торга лѣсомъ или по близости большихъ городовъ; строевыя бревна отправляются водою до Калькутты. Правительство Непальское получаетъ большой доходъ отъ торговыхъ пошлинъ, равно какъ и отъ ловли слоновъ; въ округѣ Тарайи добываютъ ихъ около трехъ-сотъ ежегодно; большая часть молодые и не болѣе семи съ половиною футовъ въ вышину. Кромѣ слоновъ, въ здѣшнемъ лѣсу водятся носороги и тигры.

Часто приходилось идти тѣснинами, и мили на полторы не было иной дороги на верхъ горъ, кромѣ крутаго русла быстрыхъ потоковъ.

19 числа, въ трехъ Англійскихъ миляхъ къ сѣверовостоку, увидѣли на горѣ крѣпость Макуанпуръ; Англичане не нашли въ ней ничего страшнаго. Струи Карры въ одномъ ущельѣ, близъ Геттаурскаго селенія, почитаются священными у набожныхъ гиндусовъ; мѣсто это прозвали они Нагдео, то есть, божественная змѣя; они не только не тревожатъ рыбы, которой тамъ множество, но рѣдко пройдутъ мимо безъ того, чтобъ не покормить ея.

Геттаура и многія другія мѣста на пути чрезъ Терраянъ, или нижнюю часть Непала, весьма вредны

для здоровья, что приписывають вышинѣ горъ, поросшихъ непроходимыми лѣсами, которыхъ чащи препятствуютъ вольному обращенію воздуха.

За Геттаурою, пожитки и товары можно переносить только людьми; плата имъ опредѣлена правительствомъ; она значительнѣе въ теплое время года, чѣмъ въ холодное, и зависитъ также отъ свойства клади. Часто путешественники, и особенно женщины, берутъ вмѣсто паланкиновъ родъ коекъ, привязанныхъ оконечностями къ пальмовому шесту, который несутъ двое или четверо, смотря по тяжести сидящихъ.

Оставивъ за собою Геттауру, вы вступаете въ долину рѣки Рапти, которую надобно переходить девятнадцать разъ въ теченіе одного дня и которая окраена неровными и отвѣсными стѣнами; часто слышится шумъ водопадовъ, низвергающихся налѣво и направо съ высокихъ уступовъ. Безпрестанный ревъ потока сквозь большіе обломки скалъ, пересѣкающихъ ему дорогу, придаетъ удивительный эффектъ дикому и живописному виду, который развертывается вдоль лѣсистыхъ береговъ. Перейдя черезъ Рапти, въ послѣдній разъ путешественникъ начинаетъ подниматься на гору Дока-педе, горныя ворота, названную такъ потому, что крутое ущелье ведетъ къ ея вершинѣ. Далѣе, гора Бимъ-педе почитается святою, потому что соименное ей божество коснулось ея ногою въ одну изъ прогулокъ своихъ по землѣ.

Путь отъ Бимъ-педе до крѣпости Чизапани весьма труденъ; онъ идетъ по бокамъ горы часто на краю

ужасныхъ пропастей, образуемыхъ съ одной стороны потоками, впадающими въ Рапти, съ другой — рѣкою Чизапани. «Можно, говоритъ Керкпатрикъ, вообразить себѣ глубину этихъ рвовъ, когда я скажу, что мы часто не могли рѣшить, какихъ мы видимъ внизу животныхъ: самый рослый буйволъ казался величиною съ птицу.»

Отвѣсная высота Чизапани надъ Бимы-педе простирается до полуторы тысячи футовъ. Близъ вершины одной изъ горъ, къ которымъ примыкаетъ послѣдняя и изъ коихъ нѣкоторыя еще выше ея, барометръ опустился до 23 дюймовъ 8 линій, что показываетъ двѣ тысячи сто футовъ возвышенія противъ Бимъ-педе.

«Когда мы достигли этого ущелья, передъ нами открылись вдругъ Гималайскія горы, взнося на страшную высоту многочисленные и великолѣпные верхи свои, одѣтые вѣчными снѣгами. Дивное зрѣлище, отвлекшее на нѣсколько времени вниманіе наше отъ красотъ вида, который былъ у насъ подъ ногами и въ которомъ рѣка Чандрагира и Читлонская долина были господствующими предметами! Снѣгъ простирался по скатамъ Гималайевъ докуда они были видимы и предѣлъ снѣговъ мѣстами лежалъ очень низко. Промежутокъ отъ насъ до главнаго хребта былъ занятъ огромными горами, которыя хотя лежатъ южнѣе и уступаютъ громадамъ его въ высотѣ, однако же всѣ покрыты снѣгомъ: эти низшія Альпы кажется постоянно сопровождаютъ хребетъ Гималайскій. Крайнія точки послѣдняго, какія можно было видѣть съ вершинъ Чизапани, простирались въ на-

правленіи отъ востока-сѣверо-востока къ сѣверо-сѣверозападу на разстояніи тридцати осми Англійскихъ миль. Спустившись на нѣсколько сотъ футовъ, мы было потеряли изъ виду эти альпійскіе края, и увидѣли ихъ снова, только достигнувъ вершины другихъ горъ, принадлежащихъ къ купѣ Чандрагири. Снѣжные зубцы гребня Гималайскаго отличаются въ Непалѣ особымъ названіемъ *Гимачули*, а болѣе обыкновенные въ этомъ краѣ кругловатыя вершины именуются *Тамку*.

«Я нарочно взошелъ на верхъ Чизапани, чтобы взглянуть тамъ на барометръ; притомъ мнѣ сказывали, что въ ясную погоду оттуда безподобный видъ къ сѣверу и къ югу. Къ несчастію, когда я всходилъ, гора одѣта была густымъ туманомъ, который называется здѣсь *ту-аль* и господствуетъ постоянно, за исключеніемъ дождливой поры года или случайныхъ проливныхъ дождей. Однако жъ пары не помѣшали намъ замѣтить ночью многочисленные огни и обширные пожары, освѣщавшіе верхъ и скаты окрестныхъ горъ; это было волшебное зрѣлище; нѣкоторые изъ огней по чрезвычайной высотѣ своей казались звѣздами и съ перваго взгляда не легко было отличить ихъ, а пожары представляли картину пламенныхъ потоковъ, низвергавшихся въ долины. И тѣ и другіе происходили оттого, что поселяне выжигаютъ кустарникъ и траву на землѣ, которую хотятъ обработывать,—дѣло самое обыкновенное и въ нагорныхъ мѣстахъ и въ низкихъ, ибо здѣсь всѣ убѣждены, что это очищаетъ и удобряетъ почву.

«Спускаясь внизъ по сѣверному скату Чизапани, почти на половинѣ дороги встрѣчаете вы одну изъ

тѣхъ коническихъ грудъ камня, которыя суевѣрные туземцы насыпаютъ въ подобныхъ мѣстахъ; проходя мимо этихъ безобразныхъ храмовъ, они вмѣняютъ себѣ въ непремѣнный долгъ поклониться божеству, котораго насыпь служитъ представительницей *. Они называются здѣсь Деоралли, — имя, носимое одною изъ замѣчательнѣйшихъ вершинъ Гималайскихъ, равно какъ и тѣмъ нагорнымъ утесомъ, чрезъ который мчится рѣка Багматти, вырвавшись изъ Непальской долины.

«Оврагъ Тамбехъ-канъ, слишкомъ узкій для того, чтобъ заслуживать имя долины, лежитъ въ семи стахъ пятидесяти футахъ выше Бимъ-педе. Мнѣ сказывали, что онъ весьма часто подверженъ сильнымъ порывамъ вѣтра, который, тѣснясь въ промежуткахъ горъ и увлекая съ собой безчисленное множество камней, дѣлаетъ этотъ проходъ весьма непріятнымъ для путешественниковъ, на которыхъ камни сыплются иногда какъ градъ. Этотъ оврагъ замѣчателенъ также суровостью своей температуры зимою; говорятъ, будто въ это время года вода въ ручьѣ, который здѣсь течетъ, холодна до такой спепени, что нѣтъ возможности пить ее.

«Деревня Тембехъ-канъ или Каули-канъ теперь въ самомъ жалкомъ состояніи, а прежде, пока не истощился мѣдный рудникъ, лежащій неподалеку и сообщившій ей имя свое, она была, какъ сказываютъ, многолюдна и цвѣтуща. Дѣйствительно, скаты ближайшихъ къ ней холмовъ вездѣ обнаруживаютъ признаки лѣса, и это заставляетъ полагать, что онъ былъ

* Читатели припомнятъ подобныя насыпи. *Обо*, у Монголовъ.

вырубленъ ими для топлива или для очистки полей подъ обработку.

«Хотя руды, находящіяся близъ деревни, теперь почти совсѣмъ истощены, въ замѣнъ того открыты на большомъ разстояніи другія мѣдныя жилы; рудокопы повидимому переходятъ съ мѣста на мѣсто, смотря по нахожденію металла и по прибыльности работъ. Въ этомъ краѣ употребительна поговорка «Каррипутъ-Ранипутъ», то есть, сынъ рудокопа—княжій сынъ, для означенія богатства этого народа, который сыплетъ деньгами на безразсудныя издержки и трудится лишь тогда, когда вынужденъ къ тому необходимостью или чрезмѣрной выгодою предлагаемыхъ работъ.»

Немного далѣе, окрестности Экданты напомнили путешественникамъ видъ, который часто представляется въ горахъ умѣренной полосы Европы. «Мы шли около мили волнистою долиной, пересѣченною естественными каналами и ручьями; мѣстами изгибалась она въ маленькихъ высотахъ, по большей части отлично обработанныхъ; отдѣльныя хижины или деревушки были разсѣяны по вершинамъ, скатамъ или у подножія холмовъ; все это вмѣстѣ представляло видъ самый пріятный и живописный. Поля были расположены уступами, стоившими большаго труда; на нихъ сѣятъ такіе хлѣба, которые нуждаются во влагѣ. Спуски большей части и даже всѣхъ вообще горъ въ здѣшней сторонѣ изобилуютъ ключами, отчего весьма легко наводнять вспаханные уступы и проводить ручей отъ одного поля къ другому, смотря по обстоятельствамъ. Иногда два поля или два

яруса уступовъ, раздѣленные рвами въ нѣсколько сотъ футовъ глубины, орошаются однимъ и тѣмъ же источникомъ посредствомъ водопроводовъ, которые сдѣланы просто изъ выдолбленныхъ деревъ, положенныхъ черезъ овраги и поддерживаемыхъ по концамъ.»

24 Февраля путешественники были въ виду Чандрагири, горы, которая, по мнѣнію Керкпатрика, возносится на двѣ тысячи четыреста футовъ надъ превысокою долиной, лежащею въ сосѣдствѣ отъ нея. Снѣгъ лишь за нѣсколько дней сошелъ съ вершины этой горы, гдѣ есть маленькое селеніе и для удобства проѣзжихъ бываетъ торгъ.

Сѣверный склонъ Дуна-байси, которымъ Англичане спускались два часа двадцать минутъ и котораго высота простирается до трехъ тысячъ шести сотъ футовъ по-крайней-мѣрѣ, мѣстами былъ обработанъ почти до верху. Многія поля кажутся до того крутыми, что Англичане не могли постичь, какъ можетъ человѣкъ взобраться туда, не только уже тамъ работать. Хлѣбъ, который преимущественно сѣется въ здѣшнихъ мѣстахъ, есть *иканъ* и *таули*, два вида *гіи*, или сухорослаго сарацинскаго пшена; первый собирается зимою, другой лѣтомъ.

Прошедши много крутыхъ горъ, Керкпатрикъ прибылъ 2 марта въ Нохкоте, городъ, лежащій въ страшной глуши. Въ долинѣ этого имени простоялъ онъ таборомъ до 15 числа. Она не весьма обширна; по ней протекаетъ бурный ручей Тади. Городъ Нохкоте былъ тогда любимымъ мѣстомъ жительства правителя этой стороны; положеніе его важно, потому что онъ

господствуетъ надъ единственнымъ путемъ, которымъ можно проникнуть изъ верхняго или нижняго Тибета, и потому что онъ подлѣ самой горы Дайбуна, по которой спускалось Китайское войско, проходя ущельемъ Херунъ.

Нохкотская долина съ половины апрѣля необитаема отъ чрезмѣрныхъ жаровъ, причиняющихъ болѣзни. Потому, когда правитель вздумаетъ остаться здѣсь до этого времени, онъ обыкновенно подымается въ городъ. Такъ какъ въ самой долинѣ нѣтъ домовъ для помѣщенія его со свитою, онъ живетъ здѣсь въ палаткахъ, а люди его въ шалашахъ, устроенныхъ наскоро изъ хворосту.

Керкпатрикъ не могъ пожаловаться на пріемъ, сдѣланный ему молодымъ раджею и правителемъ; но онъ вскорѣ замѣтилъ, что при дворѣ есть сильная партія, препятствовавшая допуску въ королевство Англійскихъ повѣренныхъ въ томъ предположеніи, что единственная цѣль ихъ высматривать его силу и слабость. И такъ, хотя продолжали оказывать Керкпатрику всевозможную учтивость, однако жъ давали ему разумѣть, что надѣются видѣть отъѣздъ его въ самомъ непродолжительномъ времени. Отъ предложенія его учредить свободную торговлю между Непаломъ и Гиндустаномъ увернулись съ Индѣйской вѣжливостью ничего не значащимъ отвѣтомъ, что все къ его услугамъ въ этой сторонѣ. Такимъ образомъ пришлось ему выѣхать черезъ двѣ недѣли, и вся польза, какую принесъ онъ своимъ путешествіемъ, заключается въ наблюденіяхъ, истинно драгоцѣнныхъ.

Онъ однако жъ продолжалъ путь свой во внутренность края; переѣхавъ черезъ Тади по легкому, грубо устроенному мосту, состоявшему изъ фашинъ, прикрытыхъ землею, и утвержденному на столбахъ, онъ вступилъ въ ущелье, которое привело его въ другую долину, потомъ въ промежутокъ исполинскихъ горъ и наконецъ въ долину собственнаго Непала, гдѣ онъ простоялъ въ полѣ восемь дней.

«Палатки наши, говоритъ онъ, разбиты были на высокомъ, но неровномъ мѣстѣ, близъ восточной подошвы Самбгу-ната и менѣе мили отъ Катманду. Положеніе это было такъ благопріятно, что мы могли бы окинуть однимъ взглядомъ весь околотокъ, если бъ не мѣшало намъ постоянно ненастье. Не только горы, окружающія долину, но и всѣ почти многочисленныя селенія были безпрерывно покрыты туманомъ или тучами, такъ что я рѣдко могъ употребить въ дѣло компасъ.

«Храмъ Самбгу-натскій стоитъ на вершинѣ одинокаго холма, возвышающагося вдругъ на триста футовъ надъ равниною. Къ нему всходятъ по ступенямъ, высѣченнымъ въ скалѣ, которой бока пріятно опушены деревьями. Внизу лѣстницы есть огромная статуя Будды.

«Самбгу-натъ повидимому весьма древнее зданіе; онъ возвышается на уступѣ и заключаетъ въ себѣ нѣсколько моленень, сооруженныхъ въ разныя времена вокругъ главнаго храма, котораго шпицы и башенки, крытыя густо вызолоченной мѣдью, видны издалека. Далай-лама украсилъ его такимъ образомъ на свое иждивеніе (Л. XXX—1). По крутой лѣстницѣ

достигнулъ я входа въ это святилище, которое состоитъ изъ одного придѣла, до того наполненнаго и загроможденнаго разною утварью, что онъ болѣе походилъ на кухню, чѣмъ на храмъ великаго божества. Незнаніе Тибетскаго языка помѣшало мнѣ вступить въ разговоръ съ ламами, совершавшими служеніе; одинъ изъ нихъ сидѣлъ на полу промежъ двухъ круглыхъ и глубокихъ сосудовъ, наполненныхъ *ги*, то есть, топленымъ масломъ, которымъ поддерживается много лампъ. Онъ повидимому былъ совершенно поглощенъ заботою наливать ихъ. Самбгу-натъ всего болѣе знаменитъ своимъ *негасимымъ* огнемъ, и меня увѣряли, что двѣ самыя толстыя свѣтильни, которыя я видѣлъ, горятъ съ незапамятнаго времени.»

Керкпатрикъ замѣтилъ въ углу храма одинъ изъ тѣхъ вертикальныхъ валовъ на шпилѣ, о которыхъ мы говорили при описаніи Тибета. Онъ замѣтилъ, что всѣ вѣрующіе, войдя во храмъ, приближались съ благоговѣйной набожностью къ этому снаряду, потомъ вертѣли его сами или поручали это ламѣ, и отъ каждаго поворота приходилъ въ движеніе колокольчикъ.

Въ направленіи къ долинѣ, противолежащей Самбгу-нату, и на восточномъ берегу Бишматти, которую переходятъ по двумъ мостамъ, разстилается на протяженіи одной Англійской мили городъ Катманду, столица всего Непала; ширина его нигдѣ не превышаетъ полумили. Имя его производятъ отъ множества деревянныхъ храмовъ, которые въ немъ есть; они въ самомъ дѣлѣ наиболѣе поражаютъ взоръ путешественника; впрочемъ ихъ столько же и за городомъ, сколько въ его предѣлахъ; нѣкоторые весьма

высоки и обширны. Въ Катманду есть также много храмовъ изъ кирпича объ двухъ, трехъ или четырехъ ярусахъ кровель, подымающихся уступами и оканчивающихся обыкновенно шпицемъ, вызолоченнымъ подобно верхней кровлѣ, что представляетъ весьма пріятный и живописный эффектъ (Л. XXIX—3 и 4).

Домы кирпичные съ угловатыми крышами изъ черепицы, и часто съ балконами рѣзнаго дерева; хотя они объ двухъ, трехъ или четырехъ ярусахъ, но почти всѣ жалкаго вида; даже дворецъ раджи отнюдь не великолѣпенъ; улицы очень тѣсны и очень грязны.

Керкпатрикъ, возвращаясь въ Бенгалъ по той дорогѣ, по какой прибылъ оттуда, проѣзжалъ послѣднимъ Непальскимъ селеніемъ 13 Апрѣля 1793 года.

Въ прежнія времена Непалъ повиновался туземнымъ властителямъ, подѣлившимъ весь край на три доли. Раздробленіе это благопріятствовало вторженію Горкинцевъ, жителей одной землицы къ западу. Раджа ихъ овладѣлъ Непаломъ въ 1768 году, а въ слѣдующемъ столкновеніе его съ Англичанами привело Великобританскія войска къ подножію высокихъ горъ; болѣзни заставили ихъ воротиться.

Между тѣмъ династія Горкинцевъ продолжала свои завоеванія, и начала войну съ Бутаномъ и Тибетомъ; мы говорили, чѣмъ кончилось это предпріятіе. Юный раджа, котораго видѣлъ Керкпатрикъ, достигнувъ совершеннолѣтія, сдѣлался такъ жестокъ и свирѣпъ, что подданные изгнали его въ 1800 году; онъ нашелъ убѣжище въ Бенаресѣ, въ Англійской Индіи. Бенгальское начальство послало въ 1802 году другаго

агента, который заключилъ съ тамошнимъ временнымъ правительствомъ союзъ; но оно не снискало тѣмъ ни какой дѣйствительной выгоды. Сверженный раджа снова пріобрѣлъ власть свою въ 1804 году; несчастіе не исправило его кровожаднаго нрава; онъ былъ убитъ въ 1805. Между противными партіями возникла ужасная борьба и кончилась только истребленіемъ всѣхъ почти вельможъ Катмандуйскихъ.

Не смотря на междоусобія, Непальцы простерли завоеванія свои во всѣ стороны. Они побѣдили почти безъ сопротивленія всѣхъ горскихъ старшинъ между Гангомъ и Сетледжемъ, пользуясь всегдашнимъ недовѣріемъ и непріязненностію ихъ другъ къ другу; они учредили военныя линіи для защиты своихъ границъ и выстроили крѣпости вездѣ, гдѣ требовала того мѣстность. Наконецъ они напали даже на Великобитанскія владѣнія и, въ 1814 году, захватили два военные поста, которыхъ гарнизоны были всѣ почти вырѣзаны.

Англичане вступили въ Терраяну; разбитые и преслѣдуемые, Непальцы стали просить мира; онъ былъ заключенъ въ ноябрѣ 1815 года; но когда раджа отказался ратификовать его, многочисленное войско пошло прямо на Катманду. Оно было только на четыре дня пути отъ города, какъ Непальскіе посланники привезли подпись раджи 4 маія 1816 года. Этотъ государь уступилъ земли, лежащія къ востоку отъ Конки и къ западу отъ Кали. Часть отнятыхъ у него областей возвращена прежнимъ ихъ владѣтелямъ; другая часть досталась Компаніи.

Непалъ, лежащій между 26° 20′ и 30° 20′ широты и между 97° 40′ и 105° 40′ восточной долго-

ты, граничитъ къ сѣверу съ Гималаями, которыя отдѣляютъ его отъ Тибета. Со всѣхъ другихъ сторонъ предѣлами ему служатъ владѣнія Остъ-Индской Компаніи, ибо раджа Сикамскій состоитъ подъ покровительствомъ Великобританцевъ. Длина его отъ сѣвера къ югу 200 миль, ширина 45, поверхность 6,850 миль квадратныхъ. Держава эта состоитъ изъ разныхъ земель; но главная въ числѣ ихъ большая долина, давшая свое названіе всей странѣ.

Наблюденія Керкпатрика, подтвержденныя Гамильтоновыми и Годлоновыми, изображаютъ Непалъ громадою горъ, раздѣленныхъ глубокими долинами и нисходящихъ въ видѣ ступеней отъ Гималайскихъ вершинъ, одѣтыхъ вѣчными снѣгами, и до равнинъ Гиндустана. Главная рѣка — Рапти.

Мы видѣли, что часть Непала, смежная съ Великобританскими владѣніями, есть Терраяни, равнина, которую мы уже описывали. Она шириною въ семь миль и хотя довольно плодоносна, однако же почти вся осталась покрытою лѣсами, будучи по положенію своему отверзта безпрестаннымъ набѣгамъ и опустошеніямъ; но вредный воздухъ наносилъ жестокія утраты войскамъ, въ нее вступавшимъ; прежніе государи Гиндустана считали за лучшее оставлять ее во власти горскихъ племенъ, видя всю трудность охраненія этого клочка отъ ихъ набѣговъ.

Область, лежащая выше Тарраяны, почти одинаковой съ нею ширины; многочисленные холмы ея становятся выше къ сѣверу; тысячи ручьевъ орошаютъ эту землю, по которой простирается почти сплошной лѣсъ, съ такими же породами деревъ, какъ

и въ Гиндустанѣ; но къ сѣверу часто попадается сосна. Лѣса оживлены присутствіемъ большихъ и мелкихъ попугаевъ и другихъ птицъ, подражающихъ человѣческому голосу. Часть широкихъ долинъ, называемыхъ *Дянтами* (Dants), обработана; но вообще земледѣліе пренебрежено; причиною быть-можетъ зловредность воздуха, которая становится оттого еще сильнѣе.

Надъ этими лѣсистыми высотами подымается горная страна, состоящая изъ множества неправильныхъ цѣпей, прорѣзанныхъ глубокими и чрезвычайно узкими долинами. Значительнѣйшая изъ нихъ та, которая образуетъ собственный Непалъ; видъ ея подалъ наблюдателямъ мысль, что это дно древняго озера, которое постепенно изсякло; мѣстныя миѳологическія саги согласны съ этимъ предположеніемъ.

Долины хотя и низки въ отношеніи къ громадамъ господствующихъ горъ, однако жъ въ самомъ дѣлѣ онѣ весьма высоки надъ морскимъ уровнемъ. По вычисленію Гамильтона, Непальская долина имѣетъ четыре тысячи футовъ высоты. Климатъ ихъ таковъ, какъ въ южной Европѣ, и, снабженныя водою въ изобиліи, онѣ, при хорошей обработкѣ, доставляютъ весьма выгодный сборъ; лѣса наполнены отличными деревьями. Частыя смѣны холода, тепла и сырости мѣшаютъ плодамъ совершенно вызрѣвать; только ананасы и апельсины родятся превосходные.

Полагали, что въ Непалѣ есть золотыя руды и, говорятъ, эта мысль была причиною многихъ войнъ, противъ него предпринятыхъ. Кажется единственнымъ поводомъ къ ней было то, что золото, идущее изъ

Тибета, приходитъ въ Индію черезъ Непалъ; тамъ есть только крупинки этого металла въ пескѣ нѣкоторыхъ рѣчекъ; въ свинцовыхъ рудахъ часто попадается серебро, но Непальцы не умѣютъ отдѣлять его; они разработываютъ мѣдные и желѣзные рудники, которые весьма богаты; что касается до свинцовыхъ, правительство допускаетъ только къ двумъ изъ нихъ; многочисленными сѣрными пріисками не занимаются вовсе, потому что изъ нихъ выходятъ мышьяковатые пары. Въ Непальской долинѣ нѣтъ ни одного камня: вся она состоитъ изъ намывной земли. Въ окрестныхъ горахъ есть отличные строевые матерьялы, но затруднительность перевоза вынуждаетъ прибѣгать къ употребленію кирпича.

Надъ горами, составляющими сердце Непала, возвышается альпійская купа *Катигаръ*, которой средняя ширина отъ сѣвера къ югу миль девять. Она преимущественно состоитъ изъ огромныхъ утесовъ, изрѣзанныхъ страшными пропастями и увѣнчанныхъ острыми верхами, которые всюду, гдѣ только не отвѣсны, облекаются въ вѣчные снѣга. Однако жъ глубокіе рвы, ихъ раздѣляющіе, обильны пажитями, и могутъ быть обработываемы до черты, сопредѣльной съ вершинами Гималаевъ, гдѣ царствуетъ уже зима постоянная. Нѣсколько рѣкъ, текущихъ изъ Тибета, пролагаютъ себѣ путь чрезъ эти страшныя тѣснины такими узкими отверзтіями и вблизи такихъ ужасныхъ пропастей, что едва можно ползти вдоль береговъ ихъ, и то мѣсяца два или три въ году, Въ этомъ высокомъ краѣ водится только *кестура*, или пахучая коза, и прекраснѣйшія птицы. Прозябенія за-

мѣчательны сходствомъ съ тѣми, какія находимъ въ сѣверной Европѣ.

Населеніе Непала, полагаемое въ 2,300,000 душъ, состоитъ изъ двухъ главныхъ народовъ—Нiуаровъ и Парбаттіевъ; первые миролюбивы и работящи, занимаются предпочтительно земледѣліемъ и торговлей; въ физіономіи и языкѣ ихъ видно сходство съ Бутійцами; ихъ почитаютъ первобытными жителями (Л. XXIX — 2). Маяры занимаютъ горы, лежащія къ западу, прежнюю область Горкинцевъ; восточныя горы населены отчасти разными племенами, между-прочимъ Киратами и Бутійцами. Всѣ эти горные народцы, составляющіе массу населенія, исповѣдуютъ буддизмъ, искаженный бездною суевѣрій, чуждыхъ этой религіи.

Нарѣчіе и черты Парбаттіевъ показываютъ, что этотъ народъ изъ Гиндустана; они принесли съ собою брахманизмъ и раздѣленіе на касты. Путешественники находятъ ихъ лицемѣрными, вѣроломными, горделивыми, жестокими къ низшимъ, раболѣпными передъ тѣмъ, кто сильнѣй. Преданные до чрезмѣрности чувственнымъ удовольствіямъ, они проводятъ ночи въ питьѣ и пляскѣ. Соблюдая въ строжайшей точности внѣшніе обряды религіи, они тѣмъ не менѣе мстительны въ полномъ смыслѣ слова; большой ножъ, который носятъ они за поясомъ, облегчаетъ смертоубійства. Принадлежащіе къ высшимъ кастамъ запираютъ женъ и требуютъ, чтобъ онѣ сожигались съ тѣлами умершихъ мужей своихъ. Говорятъ, что жены рѣдко выполняютъ ихъ завѣщаніе; однако жъ эти ужасныя жертвы чаще приносятся въ Непалѣ, чѣмъ

въ Бенгальской области. Духовная каста въ Непалѣ надменна до такой степени, что, по словамъ Гамильтона, онъ никогда не могъ склонить Катмандуйскихъ брахмановъ, съ которыми самъ разговаривалъ безъ околичностей, вступить въ бесѣду съ ученѣйшими хanграми, или буддійскими ламами, въ городѣ.

Раджа родомъ Парбаттія; онъ пользуется неограниченною властью; доходы его полагаютъ приблизительно до 13,200,000 рублей. Онъ содержитъ армію въ 17,000. Военное знамя — желтое съ изображеніемъ огромной обезьяны Ганимана, полубога Индѣйской миѳологіи. Содержаніе войска, большею частію, обезпечено произведеніями земель, назначенныхъ для каждаго отряда. Магарани, или супруга раджи, выѣзжаетъ въ сопровожденіи эскадрона верховыхъ женщинъ, вооруженныхъ саблями и одѣтыхъ въ мужское платье.

ГЛАВА XLIII.

Гиндустанъ: Кемаонъ. Гервалъ. Истоки Ганга. Гердоуэръ.

Долго источники Ганга были извѣстны только весьма неудовлетворительнымъ образомъ. Объ нихъ разглашали бездну сказокъ, которыя безполезно будетъ повторять. Наконецъ, въ 1807 году, верховное Бенгальское правительство, видя несвязность и противорѣчіе даже въ самыхъ дѣльныхъ извѣстіяхъ по этому любопытному для географіи предмету, рѣшилось приказать его изслѣдовать. Инженерному офицеру Веббу (Webb) дано было это важное и столь же многотрудное порученіе, съ тѣмъ, чтобы онъ какъ можно болѣе распространилъ кругъ своихъ изысканій. Край, который ему предлежало осмотрѣть, находился тогда подъ властью раджи Непальскаго; государя этого просили заблаговременно, отдать повелѣнія туземнымъ начальствамъ, чтобы Веббъ съ сопровождавшими его офицерами, Реперомъ и Гирсеемъ, со свитою, состоявшею изъ толмачей и прислуги, и наконецъ съ потребнымъ отрядомъ сипаевъ, могли совершить путешествіе свое въ безопасности.

Три мѣсяца, въ перваго апрѣля по первое іюля 1808 года, употребили они на исполненіе возложенной на нихъ обязанности, и наблюденія ихъ подтверждены потомъ Муркрофтомъ въ 1812, Фрезеромъ въ

1814, Ходжсономъ въ 1816, Джерардомъ въ 1817 и 1820, Джонсономъ въ 1827 году.

Гангъ образуется слитіемъ двухъ главныхъ рукавовъ, Алаконанды къ востоку и Багхирати къ западу. 31 Маія Веббъ прибылъ въ Манахъ, селеніе на берегу Алаконанды, подъ 30° 45′ широты. «На каждомъ шагу нашемъ впередъ, говоритъ онъ, ширина рѣки, впрочемъ глубокой и быстрой, примѣтно убывала; противъ Манаха она составляла неболѣе двадцати футовъ; на полмили далѣе къ сѣверу мы перешли ее по слою окрѣплаго снѣга. Мы прошли три мили другою долиною, идучи часто по сугробамъ, скопившимся въ руслахъ потоковъ и во рвахъ. Сѣверная покатость горъ къ югу отъ Алаконанды была совершенно вся въ снѣгу, что въ соединеніи съ ледянымъ видомъ этого края и съ рѣзкимъ сѣвернымъ вѣтромъ, который въ то время дулъ, походило точь въ точь на сѣверную зиму. Долина, гдѣ мы остановились, имѣетъ около тысячи осмисотъ футовъ въ ширину; малая часть ея обработана. Горы такъ круты, что однѣ овцы да козы могутъ на нихъ пастись. Около полудня мы достигли цѣли нашего странствія; мы были передъ водопадомъ Барсодгарой, который, вырываясь изъ трещины, низвергается на выступъ утеса въ двѣсти футовъ вышиною; тутъ онъ дѣлится на два пѣнистые потока, сбѣгающіе по снѣгу, и наконецъ замерзающіе отъ соприкосновенія съ его поверхностью. Нѣкоторая часть ихъ, оттаивая, подрываетъ снѣгъ внизу и порождаетъ ручеекъ, выходящій въ двухъ стахъ шаговъ далѣе изъ подъ ледянаго свода. Здѣсь предѣлъ набожныхъ путешествій молельщиковъ; толь-

ко нѣкоторые приходятъ сюда для окропленія себя священнымъ дождемъ водопада.

«Теченіе Алаконанды видно до самаго конца долины, гдѣ оно совершенно скрывается подъ сугробами мерзлаго снѣга, накопившагося тамъ вѣроятно въ теченіи столѣтій; богомольцы никогда не отваживались проникать за этотъ рубежъ.»

На возвратномъ пути въ Манахъ, въ утесѣ налѣво видишь углубленія, гдѣ построены маленькіе храмы. Манахъ—мѣсто довольно большое и людное; жители, рослые, сильные и стройные, выраженіемъ лица похожи на Тибетцевъ. «Никогда, говоритъ Веббъ, не видали мы нигдѣ въ Гиндустанѣ такъ много прекрасныхъ женщинъ и дѣтей; цвѣтъ лица свѣжестью вообще приближался къ Европейскому. Предъ наступленіемъ зимы весь людъ покидаетъ мѣстечко, которое въ скоромъ времени заваливается снѣгомъ. Жители уносятъ съ собой домашнюю утварь и прочія вещи; зерновой хлѣбъ прячутъ въ маленькія ямы, тщательно закладывая отверстіе каменьями. Возвращаются домой по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ не ранѣе; крѣпкіе напитки любятъ здѣсь такъ же страстно, какъ и во всѣхъ сѣверныхъ странахъ.» Когда растаетъ снѣгъ, въ исходѣ іюля, здѣшніе горцы отправляются артелями во сто или въ полтораста человѣкъ, и гонятъ съ собою козъ и барановъ, навьюченныхъ разными товарами, преимущественно зерновымъ хлѣбомъ, для доставленія ихъ въ Тибетъ; оттуда берутъ они другія вещи, которыя сбываютъ вѣрно и выгодно, пользуясь ежегодными стеченіями богомольцевъ; нѣкоторые наживаютъ такимъ торгомъ значительное состояніе.

Часть этихъ горцевъ зимуетъ въ городѣ Джозиматѣ, лежащемъ ниже, при слитіи Алаконанды съ Даули. На пути туда должно проѣзжать деревню Бгадринатъ, выстроенную въ долинѣ и населенную исключительно брахманами и другими служителями довольно жалкаго капища, которому преданіе приписываетъ однако жъ божественное начало; но это не предохранило его отъ толчковъ землятрясенія, и надо было прибѣгнуть къ человѣческимъ способамъ, чтобъ оно не обрушилось вдосталь. Лѣстница ведетъ отъ храма къ тому мѣсту, гдѣ совершаются омовенія; водоемъ, устроенный близъ рѣки подъ досчатой кровлею, на деревянныхъ стойкахъ, вмѣщаетъ воду теплаго ключа, проводимую съ горъ подъ землею; холодный источникъ, выходящій изъ другаго водопровода, дозволяетъ сообщать купальницѣ желаемую температуру; отъ теплаго ключа идетъ паръ, который сильно пахнетъ сѣрою. Люди обоего пола купаются въ одно время; теплый ключь проведенъ также въ частные домы и производитъ тамъ страшную духоту.

Немного далѣе, другой теплый ключъ течетъ изъ разсѣлины утеса; но для него не устроено водопріемника. Богомолецъ беретъ воду въ горсть и обливаетъ ею тѣло; цѣлію этого обряда столько жъ и плотское удовольствіе, сколько духовное, ибо вода Алаконанды даже и лѣтомъ такъ холодна, что, выкупавшись въ ней, всѣ вѣрующіе очень рады прибѣгнуть къ источнику потеплѣе. Есть много другихъ горячихъ ключей, имѣющихъ каждый особое свойство и названіе; брахманы умѣютъ извлекать изъ нихъ пользу,

такъ что у богомольца, который совершаетъ послѣдовательно надлежащія омовенія, вмѣстѣ съ грѣхами примѣтно убываетъ и кошелекъ.

Храмъ Бгадринатскій владѣетъ значительными помѣстьями; всѣ принадлежащія ему деревни въ цвѣтущемъ состояніи и всѣ земли его хорошо обработаны. Кромѣ доходовъ, получаемыхъ отсюда, храмъ пользуется отъ каждаго богомольца приношеніемъ, соразмѣрнымъ съ его средствами. Дары полагаются на трехъ отдѣльныхъ подносахъ: одинъ поставленъ для кумира, другой для его ризницы и стола, третій для великаго ламы, или первосвященника. Дары эти добровольные; многіе богомольцы нарочно одѣваются побѣднѣе, чтобъ меньше дать; напротивъ другіе полагаютъ къ стопамъ кумира все свое имущество и на возвратномъ пути кормятся мірскимъ подаяніемъ. Имя каждаго вѣрующаго и сумма, имъ внесенная, тщательно записываются въ книгу, которая всегда скрыта отъ взоровъ непосвященныхъ въ храмовыя таинства. Веббу сказывали за вѣрное, что богатые Декканскіе купцы растрачивали цѣлые лаки * рупій на это богомольство. За вкладъ свой вѣрующій получаетъ нѣсколько варенаго пшена, соразмѣрно тому, что онъ пожертвовалъ; это все равно, что полное отпущеніе грѣховъ.

Число богомольцевъ, перебывавшихъ въ тотъ годъ въ Бгадринатѣ, полагали до пятидесяти тысячь человѣкъ; большая часть изъ нихъ были Джогисы (покаянники), пришедшіе на богомолье изъ отдаленнѣйшихъ концевъ Гиндустана.

* Лакъ рупій составляетъ около 250,000 рублей.

«Обряды, совершаемые Гиндусами въ Бадринатѣ, ни въ чемъ не разнятся съ наблюдаемыми въ другихъ мѣстахъ священныхъ омовеній. Омывъ свои собственныя нечистоты, тѣ, кто лишился отца, или жены, утратившія мужей своихъ, остригаютъ себѣ волосы, что можно почитать и знакомъ горести и вмѣстѣ очистительнымъ дѣйствіемъ, которое содѣлываетъ человѣка болѣе достойнымъ явиться предъ лице божества. Одного дня достаточно для окончанія всѣхъ обрядовъ; весьма немногіе богомольцы остаются здѣсь болѣе двухъ дней; многочисленныя толпы уже пустились въ обратный путь, ибо всякой старается достигнуть горъ до наступленія дождей періодическихъ; подъ конецъ приходитъ уже не болѣе сорока человѣкъ въ сутки. Въ половинѣ іюня всѣ жители низовыхъ странъ разойдутся по домамъ, и тогда только запоздалыхъ посѣтителей съ юга можно повстрѣчать здѣсь порою.»

Отъ Джозимата къ Бгадринату и далѣе, вдоль Алаконанды, должно подыматься тѣсными ущельями. Стоило безконечныхъ трудовъ сдѣлать дорогу посноснѣй; многіе путешественники, не привыкши къ ѣздѣ по дикимъ дебрямъ, проникаютъ въ здѣшнія тѣснины съ боязнію; большія горы вообще безплодны; низшія цѣпи, менѣе подверженныя вѣтру, одѣты зеленью и кусточками; снѣгъ совершенно покрываетъ сѣверныя выси. По мѣрѣ приближенія къ нимъ чувствуешь необходимость въ теплой одеждѣ; даже въ іюнѣ мѣсяцѣ, по утрамъ, часто бываетъ пасмурно; дуетъ холодный, пронзительный вѣтръ; снѣгъ, кажущійся мѣстами въ шестьдесятъ футовъ глубины, скрываетъ русло Ала-

конанды, и смерзается до такой степени, что на немъ едва виденъ следъ. Вотъ картина, представляющаяся въ Бгадринатѣ, не смотря на то, что онъ подъ 30° 42′ широты.

Отъ Бгадрината до Манаха должно переѣхать нѣсколько мелкихъ потоковъ, образуемыхъ талыми снѣгами. Изъ числа ихъ нѣкоторые стремятся съ высотъ водопадами, и эта картина величественной красоты. Въ здѣшнемъ краѣ каждый утесъ освященъ религіознымъ преданіемъ, и Гиндусъ не смотритъ на него иначе, какъ съ благоговѣніемъ и молитвами.

Селеніе Джозиматъ, лежащее въ оврагѣ на двѣ трети всей горной высоты, у слитія Алаконанды съ Даули, охраняется самою мѣстностію отъ холоднаго вѣтра Гималайскаго. Къ нему всходятъ по лѣстницамъ, высѣченнымъ въ камнѣ. Оно состоитъ почти изъ полутораста домовъ, выстроенныхъ опрятно изъ гранита, крытыхъ тесомъ и окруженныхъ дворомъ съ дерновою террасой. Улицы вымощены или кругляками или обломками скалъ. Первый предметъ, поражающій вниманіе, по прибытіи на мѣсто, есть родъ водяныхъ мельницъ, расположенныхъ по горному скату, шагахъ въ пятидесяти одна отъ другой и обращаемыхъ потокомъ, проведеннымъ чрезъ каналъ изъ выдолбленныхъ сосновыхъ бревенъ.

Великій лама Бгадринатскій проживаетъ шесть зимнихъ мѣсяцевъ въ Джозиматѣ, гдѣ много храмовъ, украшенныхъ истуканами.

Нандапраяга, у слитія Алаконанды съ Нандакни, есть самое сѣверное изъ соединеній или *праягъ* божественнаго Ганга съ другими рѣками, гдѣ Шастры,

священныя книги Гиндусовъ, предписываютъ дѣлать омовенія для очищенія души. Далѣе къ сѣверу чрезмѣрная быстрота рѣки слишкомъ подвергала бы опасности жизнь богомольцевъ.

Карнапраяга, у слитія Алаконанды съ Пиндаромъ, также поименована въ Шастрахъ; это селеніе содержитъ въ себѣ не болѣе десяти домовъ. Въ бытность тамъ Вебба, случилось легкое землетрясеніе, продолжавшееся семь минутъ. Англійскіе путешественники разбили свою палатку у подножія высокой горы, которой утесы торчали большими выступами; очевидные слѣды разрушеній, произведенныхъ среди этихъ горъ переворотами природы, внушили Англичанамъ опасенія, и они искали убѣжища въ долинѣ, гдѣ оставались нѣсколько времени въ тревожномъ ожиданіи конца.

Рудапраяга, при слитіи Алаконанды съ Келигангой или Мандакни, равно какъ и прежнія праяги, упоминается въ Шастрахъ. Тамъ есть небольшой храмъ и нѣсколько домовъ, обитаемыхъ брахманами. Немного далѣе возвышается футовъ на тридцать такъ называемый Бемъ-качаля, большой обломокъ скалы, имѣющій тридцать футовъ въ поперечникѣ; онъ пустъ внутри и образуетъ родъ купола съ двумя отверстіями въ вершинѣ свода.

Въ здѣшнемъ гористномъ краѣ правительство много заботилось о дорогахъ, чтобъ поддержать сообщенія съ святыми для Гиндусовъ мѣстами въ возможно-исправномъ состояніи. На крутизнахъ высѣчены лѣстницы, и камни положены въ тѣхъ мѣстахъ, куда бы иначе труденъ былъ доступъ. Богомольцы, путешест-

вующіе малыми артелями и ночующіе въ первомъ сколько-нибудь удобномъ мѣстѣ, устроили близъ маленькихъ рѣкъ и подъ впадинами утесовъ жилища, для укрытія себя въ случаѣ нужды. Домики, называемые *чабутрами* и сложенные изъ камней, разставлены подъ тѣнію большихъ деревъ: здѣсь останавливаются они въ самый жаръ для приготовленія себѣ пищи.

Въ Рудапраягѣ встрѣчаются богомольцы, возвращающіеся изъ Кедарната, святилища у истоковъ Мандакни; хотя онъ только въ пятнадцати миляхъ по прямой чертѣ отъ Бгадрината, однако жъ нельзя пройдти изъ одного въ другой, не сворачивая обратно къ Рудапраягѣ, потому что вѣчные снѣга загромождаютъ пространство между ими. Дорога въ Кедарнатъ весьма затруднительна; во многихъ мѣстахъ должно идти по снѣгу нѣсколько миль. Веббу сказывали, что въ тотъ самый годъ (1808) болѣе трехъ сотъ человѣкъ погибло отъ суровости климата и истомы.

Серинагоръ, на лѣвомъ берегу Алаконанды, текущей здѣсь отъ востока къ западу, былъ значительнымъ городомъ до вторженій Горкинцевъ, и разрушительныхъ землетрясеній. Всѣ домы изъ дикаго камня, но отнюдь не красивы. За рѣкою, нѣсколько деревень, расположенныхъ у подошвы горъ, имѣютъ болѣе или менѣе славныя капища.

Веббъ былъ свидѣтелемъ одного страннаго обряда, называемаго *бгартъ* или *бгеда*. «Это, говоритъ онъ, родъ умилостивительнаго жертвоприношенія горному

духу, дабы онъ расточилъ свои благословенія на весь край и предохранилъ его отъ опустошеній со стороны крысъ и насѣкомыхъ. Взяли весьма длинную веревку и однимъ концемъ привязали ее къ колу, воткнутому у рѣки, а другой конецъ человѣкъ сто взнесли на вершину горы, вышиною въ милю, продернули сквозь деревянный брусъ и крѣпко обвязали вкругъ толстаго дерева. Человѣкъ, изъ касты *натовъ*, или прыгуновъ, легъ поперекъ бруса, не прикрѣпляясь къ нему ничѣмъ, и, безъ всякихъ пособій для удержанія себя въ равновѣсіи, кромѣ нѣсколькихъ мѣшковъ съ пескомъ, привязанныхъ къ его голенямъ и ляшкамъ, спустился преблагополучно сверху внизъ. Это сочли весьма добрымъ предзнаменованіемъ, и смѣлый *натъ* получилъ отъ городскихъ старшинъ щедрую награду. Въ случаѣ паденія, онъ конечно бы убился, но еслибъ и нѣтъ, такая неудача всегда наказывается смертію: останься въ немъ хоть искра жизни, ему отсѣкаютъ голову и приносятъ ее въ очистительную жертву разгнѣванному духу. Обычай этотъ наблюдается въ многихъ горныхъ мѣстахъ; къ нему прибѣгаютъ послѣ неурожая.

Девапраяги, при слитіи Алаконанды съ Багхирати, построена на скатѣ горы промежъ двухъ рѣкъ, во стѣ футовъ надъ обыкновеннымъ ихъ уровнемъ. Ступени въ скалѣ ведутъ съ самаго берега рѣки почти до горной вершины, которая на восемь сотъ футовъ выше города. Домы—изъ большихъ камней, крытыхъ грубою обмазкою. Два храма украшаютъ верхнюю часть города; брахманы увѣряли Вебба, будто главный храмъ стоитъ уже десять тысячъ лѣтъ.

Алаконанда течетъ съ сѣверовостока, Багхирати съ сѣверозапада. Истокъ послѣдней находится подъ 31° широты, въ двухъ миляхъ ниже Ганготри. Рѣка выходитъ изъ ледянаго устья въ нѣсколько футовъ толщины, подъ низменнымъ сводомъ, у подошвы твердой и перпендикулярной толщи мерзлаго снѣга, которая въ триста футовъ вышиною и скопилась вѣроятно втеченіе длиннаго ряда вѣковъ. Съ края этой ледяной стѣны висятъ длинныя и шероховатыя сосульки, безъ сомнѣнія, давшія поводъ къ миѳологическому преданію, которое выводитъ Гангъ изъ волосъ Магадевы. Въ послѣдній день маія 1808 года, тамъ, гдѣ рѣка освобождается изъ подъ льдовъ, она имѣла двадцат семь футовъ въ ширину и одинъ футъ въ глубину; теченіе ея было тихое.

Годжсонъ прошелъ полторы мили далѣе, все по снѣгу; по вычисленію его, онъ былъ на 14,600 футовъ высоты, а мѣсто, гдѣ появляется Гангъ, на 13,800 футовъ, не болѣе.

Отъ Ганготри до этой точки должно пройдти двѣ мили то по снѣгу, то по скаламъ, стоящимъ вдоль береговъ Багхирати или наполняющимъ ея русло; оно становится все уже, скрываясь иногда подо льдомъ; большой утесъ, обтекаемый рѣкою, представляетъ грубое сходство съ туловищемъ и рыломъ коровы. Воображеніе, привязавъ понятіе мечты своей ко впадинѣ, находящейся въ оконечности утеса, наименовало ее *гау-мохи*, коровьей пастію, которая, по мнѣнію народному, извергаетъ воду святой рѣки.

Долина оканчивается при выходѣ Багхирати изъ подъ льдовъ, скопившихся у подножія утеса крутаго

какъ стѣна; тамъ нѣтъ ни тропы, ни малѣйшаго признака прозябенія; вы совершенно окружены снѣгомъ и льдами, отъ которыхъ по временамъ отрѣваются обломки и ниспадаютъ съ высоты горъ.

По миѳологіи Гиндусовъ, Ганга — дочь Гимавати, великой горы; Ума, сестра ея, супруга Магадевы, истребительнаго могущества. Исполинскій пикъ Гималаи, господствующій надъ Ганготри, называется Магадева Калинга.

Имя Ганга происходитъ отъ того, что эта рѣка разсѣкаетъ землю (гангъ); Багхирати обязана своимъ прозвищемъ набожному Гиндустанскому царю Багхиратѣ, который обыкновенно молился на скалѣ посреди водъ Ганготри. Рѣка имѣетъ здѣсь пятьдесятъ футовъ въ ширину и три фута въ глубину; теченіе ея спокойно. На берегу стоитъ небольшой деревянный храмъ, заключающій въ себѣ камень съ слѣдами ногъ Ганги.

Предъ посѣщеніемъ Ганготри, богомольцы брѣются, потомъ купаются въ большомъ прудѣ Горикундѣ, отстоящемъ на шестьсотъ шаговъ отъ цѣли ихъ путешествія; изъ него выходитъ большой потокъ. Въ руслѣ Багхарати вырыто три водоема, куда погружаются молельщики; первый простирается во всю ширину рѣки: это чистая вода Ганги, не оскверненная ни однимъ ручьемъ. Большое капище, крытое деревомъ, вмѣщаетъ въ себѣ истуканъ этого божества изъ краснаго камня и сверхъ-того многіе другіе кумиры. Брахманъ, обыкновенно живущій въ Дгерали, нѣсколько миль пониже, переселяется на три лѣтніе мѣсяца въ Ганготри, куда должно брать съ собою

все нужное для прожитка, и гдѣ не видно ничего, кромѣ снѣжно-главыхъ горъ; нижняя часть ихъ устлана дерномъ, и нѣсколько березъ ростутъ въ одиночествѣ. Доступъ къ Ганготри такъ тяжелъ, что святилище это посѣщается одними покаянниками.

Держась Бгагхирати на пути въ Девапраягу, путешественникъ идетъ по весьма узкой ложбицѣ между горъ; встрѣчается нѣсколько селеній и мѣстечекъ, между прочимъ Багаратъ, мѣсто пребыванія раджи Гервальскаго; другая дорога ведетъ отсюда къ оврагу, орошаемому водами Мандакни.

Большой храмъ Девапраягскій построенъ изъ гранита; камни не связаны между собой известью. Зданіе это, вышиною въ семьдесятъ футовъ, — формы пирамидальной; оно о четырехъ фасахъ, полно въ срединѣ, а къ верху съуживается, оканчиваясь бѣлымъ куполомъ, на которомъ деревянныя колонны поддерживаютъ квадратную крышу, изъ мѣдной черепицы, украшенную вызолоченнымъ шаромъ, съ иглою на верху. Храмъ сооруженъ на платформѣ, въ шестьдесятъ футовъ квадратныхъ и въ шесть футовъ высоты. Входъ его, обращенный къ западу, украшенъ портикомъ, подъ которымъ вѣрующіе совершаютъ свои молитвы; къ потолку привѣшены колокола всякаго размѣра. Главное божество сдѣлано изъ чернаго камня и сидитъ подъ куполомъ, противъ входа, на восточномъ краю святилища.

Мѣсто для омовеній находится при сліяніи обѣихъ рѣкъ. Алаконанда съ шумомъ и яростію катитъ пѣнистыя волны по крутому наклону, усѣянному скалами; Бгагхирати напротивъ течетъ смирно до тѣхъ поръ,

пока рьяная подруга не увлечетъ ея бурнымъ стремленіемъ. Въ утесѣ, ниже поверхности воды, высѣчены три водоема, чтобы вѣрующихъ не уносило быстриною. Они записываются у брахмана своей секты и, какъ мы уже говорили, даютъ извѣстную плату за доступъ къ водѣ.

Выше соединенія Алаконанды съ Багхирати, первая изъ этихъ рѣкъ и шире и глубже послѣдней; въ ней сто сорокъ два фута отъ одного берега до другаго, и въ дождливую пору она подымается на сорокъ шесть футовъ выше своего обычнаго уровня; Веббъ переходилъ ее по висячему мосту, который поднятъ на пятьдесятъ футовъ и при всемъ томъ часто бываетъ сносимъ во время разлива. Ширина Багхирати простирается до ста двадцати футовъ; вода въ ней прибываетъ до сорока. Изъ соединенія этихъ двухъ рѣкъ образуется Гангъ, который, по словамъ Вебба, въ маѣ мѣсяцѣ имѣлъ двѣсти сорокъ футовъ ширины ниже Девапраяги. Онъ течетъ къ западу и потомъ къ югу черезъ гористую страну.

Лѣвые притоки Алаконанды идутъ изъ Кемаона, Англійскаго владѣнія, отдѣляемаго съ запада отъ Непала рѣкою Кали. Въ сѣверной части его, смежной съ Гималаями, находится Нити-гхатъ, или ущелье Нити, которымъ, хотя съ чрезмѣрными затрудненіями, однако жъ проникаютъ въ Тибетскую область Ундесъ. Поверхность его представляетъ сплошной рядъ высокихъ горъ, которыя, пересѣкаясь между собою, еще возрастаютъ далѣе къ сѣверу.

Этотъ край населенъ Хесайцами (Khasyias), которые цвѣтомъ не такъ темны, какъ племена, живущія

въ равнинахъ; черты ихъ показываютъ, что они Гиндустанскаго корня. Характеръ ихъ—безстрастіе. Англичане удержали за собою Кемаонъ, выгнавъ оттуда Горхинцевъ; здѣсь главный городъ Эльмора, на горной высотѣ въ 1,049 тоазовъ.

Кемаонъ составляетъ нынѣ часть Гервала, страны гористой, какъ видно изъ разсказовъ всѣхъ упомянутыхъ здѣсь путешественниковъ. Она граничитъ къ востоку съ рѣкой Рамгангою, къ западу съ Джемною, къ сѣверу съ снѣжными верхами Гималай, къ югу съ меньшимъ уступомъ этихъ горъ, который имъ параллеленъ и достигаетъ высоты 1,600 тоазовъ по-крайней-мѣрѣ.

Въ южной части своей Гервалъ представляетъ узелъ горъ, сгромождснныхъ во всѣхъ возможныхъ видахъ и направленіяхъ, индѣ простирающихся краткими параллельными цѣпями и часто смыкаемыхъ по концамъ узкими гребнями, которые пересѣкаютъ долины подъ прямымъ угломъ; послѣднія вообще очень сжаты. Нѣкоторыя горы лѣсисты и всегда зелены, другія каменисты и совсѣмъ обнажены. На второстепенныхъ высотахъ видны обширные лѣса дубовые, падубовые, каштановые, пихтовые и сосновые; подъ тѣнію ихъ растетъ земляника, удивительная на вкусъ; но большая часть лѣсовъ необитаема и даже не вся можетъ служить убѣжищемъ дикимъ звѣрямъ.

Жители Гервала тоже Хесайцы, но они гораздо сильнѣе и дѣятельнѣе Кемаонскихъ; однакожъ отнюдь не имѣютъ той энергіи, какою отличаются горцы въ другихъ странахъ: они терпѣливо сносили иго Горхинцевъ, которые ихъ поработили и продавали сотнями какъ невольниковъ. Англичане, выгнавъ

утѣснителей, возстановили тамошняго раджу; войска ихъ охраняютъ его землю, лежащую между Багхирати и Джемною.

Деревушка Джердаиръ, выстроенная на горномъ скатѣ, можетъ дать понятіе о многихъ другихъ въ Гервалѣ; окрестности ея — печальная, безплодная степь; едва замѣтно въ нихъ нѣсколько кустарниковъ; домы, выстроенные на каменныхъ площадкахъ, снабжены по фасаду верандахами, или крытыми галлереями, которыя лѣтомъ предохраняютъ отъ палящихъ лучей солнца (Л. XXX — 2).

Только весьма немногія рѣки въ Гервалѣ проходимы въ бродъ; поэтому жители прибѣгли къ висячимъ мостамъ, разнообразнымъ до чрезвычайности; ихъ устроиваютъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ русло рѣки, стѣсняясь утесами, представляетъ удобство протянуть между береговъ веревки, поддерживающія зыбкій полъ, по которому переходитъ путешественникъ. Терійскій мостъ замѣчателенъ по живописной красѣ окружающихъ его видовъ (Л. XXX — 3). Другіе мосты еще простѣе: путешественникъ, сидя на обручѣ, висящемъ на веревкахъ, перетягивается съ берега на берегъ помощію другихъ людей или дѣйствуя самъ руками и ногами.

У вершины нижняго уступа Гималаи оканчивается Гервалъ, палестина Гиндусовъ. У подошвы крутой горы этого хребта, гдѣ Гангъ пробиваетъ себѣ путь въ равнины Гиндустана, на правомъ берегу этой рѣки стоитъ Гердоуэръ, глубоко уважаемый Гин-

дусами. Имя его на их нарѣчіи—Гари-двара, то есть, дверь Гари или Вишну. Они называютъ его также Ганга-двара.

Съ незапамятныхъ временъ, Гиндусы посѣщали Гердоуэръ какъ мѣсто, освященное водами божественнаго Ганга. Онъ построенъ на сѣверномъ краю площади, захваченной отъ большаго лѣса, почти смежнаго съ западнымъ концемъ города. Красивые храмы и большія каменныя зданія, сооруженныя набожными людьми для пришлыхъ молельщиковъ, съ лѣстницами, которыя ведутъ къ Гангу и украшены то башенками, то фантастическою живописью; все это, содержимое въ исправности, обнаруживаетъ присутствіе многочтимой и цвѣтущей іерархіи. Строенія отражаются въ водахъ Ганга, который, являясь здѣсь широкою, свѣтлою рѣкой, быстро течетъ по долинѣ, окруженной съ трехъ сторонъ высокими горами, и дополняетъ собою великолѣпіе цѣлаго (Л. XXX — 4).

Мѣсто, назначенное для священнаго купанія, находится у подошвы Гирки-пари, гдѣ гора образуетъ выступъ къ рѣкѣ. Прежде сюда сходили по лѣстницѣ, гдѣ только четыре богомольца могли идти рядомъ, и не рѣдко случались несчастія отъ чрезмѣрнаго стремленія вѣрующихъ, чтобы первымъ достигнуть святой рѣки. Въ 1819 году насчитали четыреста тридцать Гиндусовъ, погибшихъ въ ужасной давкѣ; между мертвыми нашли Англійскихъ сипаевъ, поставленныхъ на караулъ для предупрежденія такихъ бѣдствій.

Въ избѣжаніе ихъ на будущее время, Остъ-Индская компанія повелѣла расширить улицу, ведущую къ

Гангу и устроить просторную набережную съ лѣстницей такого жъ размѣра. Гиндусы громогласно изъявляютъ за то свою признательность. Къ кликамъ *Магадео! боль!* которые повторяются ими при прохожденіи мимо храмовъ, состоящихъ на дорогѣ, они присоединяютъ особыя *боль! боль!* въ благодарность за то, что могутъ теперь безъ опасности и безъ большаго труда выполнять долгъ, для нихъ столь необходимый.

Въ купаньѣ не наблюдается ни какого особеннаго обряда; довольно простаго погруженія. Глубина Ганга четыре фута; въ праздникъ купаются оба пола вдругъ. Люди набожные, желающіе все исполнить въ строгости, берутъ въ вожатые двухъ брахмановъ, которые, окунувъ покаянника въ рѣку, выводятъ его обратно на берегъ.

Брахманы разумѣется самыя замѣчательныя лица въ этой безчисленной толпѣ; они собираютъ даянія вѣрныхъ, но не исправляютъ ни какихъ особенныхъ требъ. Глубокая набожность купающихся Гиндусовъ, религіозный энтузіазмъ, которымъ они воспламеняются, наслаждаясь счастіемъ погружаться въ воды священной рѣки, представляютъ разительную противоположность съ спокойствіемъ и равнодушіемъ Европейцевъ, смотрящихъ на эту совсѣмъ чуждую для нихъ картину.

Зрѣлище, не менѣе замѣчательное, представляется имъ съ другой стороны. Сходка богомольцевъ въ Гердоуэрѣ, предписываемая вѣрою, бываетъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда въ сѣверныхъ странахъ наступаетъ весна. Съ нѣкоторыхъ поръ дороги такъ удобны, что

не только Гиндусы, но и люди совершенно чуждые брахманизма, стремятся въ Гердоуэръ не изъ набожности, но для торговли. Наблюдатели замѣчаютъ впрочемъ, что Гиндусъ никогда не теряетъ изъ виду своихъ временныхъ выгодъ, и что *мела* (ярмонка) есть необходимое слѣдствіе сходокъ, бывающихъ по религіозному поводу. Дороги, ведущія въ Гердоуэръ, съ конца марта уже покрыты многими тысячами странниковъ; одни, и это большая часть, — идутъ пѣшкомъ, другіе ѣдутъ верхомъ на слонахъ, быкахъ, коняхъ, верблюдахъ, многіе гонятъ вьючный скотъ, обремененный кипами товаровъ, — кто изъ Афганистана, Пенджаба, Кашмира, кто изъ одной части Индіи, кто изъ другой. Почти всѣ молельщики являются съ товаромъ, увѣренные, что сбудутъ его выгодно. Богатые банкиры отправляютъ въ Гердуоэръ своихъ прикащиковъ, которые въ обмѣнъ за товары или монету, даютъ векселя въ какую угодно сумму на любые города.

Полагаютъ, что до трехъ сотъ тысячъ человѣкъ собирается ежегодно, въ Гердоуэръ; каждыя двѣнадцать лѣтъ чрезвычайныя церемоніи привлекаютъ толпу еще болѣе значительную: говорятъ, она простирается тогда до милліона.

Трудно составить себѣ понятіе, что за гамъ на Гердоуэрской ярмонкѣ. Жалобный крикъ верблюда, мощный голосъ слона, мычаніе быковъ, ржаніе лошадей, рыканіе львовъ, тигровъ и другихъ дикихъ звѣрей, показываемыхъ любопытнымъ; крики обезьянъ, пронзительный свистъ хищныхъ птицъ, голосъ попугаевъ, нестройные звуки бродячихъ музыкантовъ,

вмѣстѣ съ говоромъ и возгласами толпы и съ оглушительнымъ звукомъ раковинъ, которыми брахманы призываютъ вѣрныхъ, все это образуетъ такой странный и несносный шумъ, какого нельзя себѣ представить. Плотоядные звѣри, выставляемые на показъ, не заперты въ клѣткахъ, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ у насъ въ Европѣ, а просто сидятъ на цѣпи или на веревкѣ, смотря по силѣ ихъ, такъ, что осторожность требуетъ держаться отъ нихъ въ безопасномъ разстояніи.

Въ магазинахъ увидите товары всѣхъ странъ свѣта: Китайскій чай, Японскія лаковыя вещи, Кашмирскія шали, Индѣйскія кисеи рядомъ съ Арабскимъ кофе, съ Англійскими стальными, шерстяными и стеклянными издѣліями, и съ духами изъ Лондона и Парижа.

Въ прежнія времена, чрезвычайныя сходки, бывающія каждыя двѣнадцать лѣтъ, ознаменовывались шумными ссорами и кровопролитіемъ. Подобно всѣмъ другимъ религіямъ, брахманизмъ дѣлится на разныя секты. 10 Апрѣля, въ день великаго погруженія, партіи богомольцевъ, ведомыя нищими дервишами, съ палками и дубьемъ въ рукахъ оспоривали другъ у друга путь къ священному Гангу. Весьма часто значительное число Гиндусовъ лишалось жизни при этихъ случаяхъ. Благодаря предосторожностямъ, принятымъ со стороны Британскаго правительства, Гердоуэрская ярмонка, къ великому изумленію толпы, происходитъ уже нѣсколько лѣтъ безъ всякаго кровопролитія.

Людность не убываетъ во все продолженіе ярмонки, то есть, въ теченіе двадцати дней. Особенно къ десятому апрѣля развалъ необыкновенно усиливается. Всѣ дороги кишатъ богомольцами; кто изъ нихъ яв-

ляется только для омовенiй, тѣ, прибывъ утромъ и совершивъ свой священный долгъ, отправляются назадъ вечеромъ или на другой день рано; такъ одинъ путешественникъ безпрестанно смѣняется другимъ. Это вѣчное движенiе, для того, кто не видалъ его, по истинѣ невообразимо. Можно бъ было подумать, что затрудненiе набрать съѣстныхъ припасовъ для всей этой толпы должно порождать недостатокъ въ продовольствiи; но, по словамъ Вебба, онъ всегда находилъ базаръ хорошо снабженнымъ и припасы отнюдь не дорогими. Молельщики, которые являются на одинъ день, приносятъ запасъ съ собою. а для другихъ тысячи телѣгъ безпрестанно подвозятъ его преимущественно изъ плодоносной страны, лежащей между Гангомъ и Джемною.

ГЛАВА XLIII.

Гиндустанъ. Джемна. Дегли. Агра.

Годжсонъ (Hodgson) былъ первый Европейскій путешественникъ, сообщившій удовлетворительное описаніе Джемны. Въ апрѣля 1817 года, когда пытливый Англичанинъ обозрѣвалъ ее, эта рѣка текла подъ толщею снѣга въ сто восемьдесятъ футовъ ширины и въ сорокъ глубины; снѣгъ былъ крѣпокъ и твердъ; онъ свалился съ окрестныхъ высотъ и лежалъ между гранитныхъ пропастей. Парами теплыхъ ключей, которые бѣжали изъ покрытыхъ имъ утесовъ, прорыло въ немъ отверзтія. Годжсонъ воспользовался одною изъ этихъ продушинъ, чтобъ спуститься подъ снѣжный сводъ, и, засвѣтивъ факелы, наслаждался великолѣпною картиной. Теплые ключи текутъ на значительномъ протяженіи. Нѣкоторые такъ горячи, что можно варить въ нихъ пшено сарацинское. Они бьютъ съ кипѣніемъ изъ разсѣлинъ гранита и даютъ отъ себя желѣзистый осадокъ.

Истокъ Джемны лежитъ на высотѣ двухъ тысячъ четырехъ сотъ пятидесяти тоазовъ, на югозападномъ скатѣ Джемнотри, одной изъ снѣжныхъ Гималайскихъ вершинъ. Тамъ, гдѣ рѣка выходитъ изъ-подъ льдовъ, она имѣетъ только три фута въ ширину, а въ глубину нѣсколько дюймовъ Она быстро течетъ къ югу вдоль Гервала, которому служитъ предѣломъ съ западной

стороны, и въ Хами-гатѣ пріемлетъ въ себя рѣку Тузе, которая, хотя и гораздо болѣе, однако жъ утрачиваетъ свое имя. Въ этой части своего теченія Джемна идетъ почти параллельно съ Гангомъ, отъ котораго она только на тринадцать миль. Въ селеніи Гародоуэрѣ, гдѣ Джемна уже гораздо болѣе, она прорывается сквозь нижній уступъ Гималайскихъ горъ, и входитъ въ равнины Гиндустана у Фейзабада, маленькой деревушки, гдѣ въ дождливую пору она имѣетъ до трехъ тысячь футовъ ширины, а въ сухую только триста; она почти омываетъ подножіе горъ на право, тогда какъ лѣвый берегъ, гдѣ лежитъ Фейзабадъ, отстоитъ отъ нихъ на цѣлую милю; она дѣлится на многія рукава и образуетъ нѣсколько островковъ, хорошо населенныхъ и обработанныхъ; потомъ рукава ея соединяются; она течетъ по песчано-каменистому грунту и не рѣдко по скаламъ, образующимъ пороги, которые однако жъ такъ незначительны, что не мѣшаютъ проходить плотамъ строеваго лѣса.

Джемна продолжаетъ течь параллельно съ Гангомъ, отъ котораго она отходитъ здѣсь на семнадцать и даже на двадцать пять миль; берега ея чрезвычайно картинны, представляя множество развалинъ, которыхъ видъ придаетъ орошаемому ей песчаному краю какое-то грустное величіе. Неподалеку отъ стѣнъ новаго Дегли видны влѣво развалины мечети (Л. XXXI—1), которыя много выигрываютъ отъ густой зелени сосѣдней рощицы,—весьма рѣдкаго естественнаго украшенія въ ближайшихъ окрестностяхъ древней столицы Гиндустана, гдѣ почва вообще безплодна и по-

крыта солончаками. Каменистый грунтъ, подверженный всегдашнему дѣйствію солнечныхъ лучей, поглощаетъ много теплотвора и въ то время года, когда господствуютъ сильнѣйшіе жары, производитъ сухую и весьма высокую температуру; за то зимою бываетъ страшный холодъ отъ вѣтровъ, которые проходятъ по обширнымъ пространствамъ водъ и безпрепятственно бушуютъ въ этомъ краѣ, не огражденномъ отъ нихъ ни съ которой стороны. Однако жъ избытокъ лѣтней теплоты благопріятствуетъ воздѣлкѣ такихъ растеній, которыя водятся въ дикомъ состояніи только въ болѣе южныхъ округахъ Гиндустана.

Пробираясь среди развалинъ по теченію тихоструйной Джемны, путешественникъ достигаетъ обширнаго городища Деглійскаго. На сѣверной оконечности стѣнъ, которыя его окружаютъ, и въ полуторѣ мили отъ ограды новаго города видны башни и другіе остатки великолѣпнаго памятника. Теперь неизвѣстно даже имя могущественнаго и, безъ сомнѣнія, славнаго въ свое время человѣка, въ честь котораго воздвигнуто это зданіе (Л. XXXI — 2).

Далѣе высится величаво Коттабъ-минаръ; колонну Коттаба почитаютъ самою большою изъ всѣхъ знаемыхъ. Кругловатое основаніе ея образуетъ двадцатисеми сторонній многоугольникъ, а стержень изрѣзанъ до третьяго яруса двадцатью семью рядами ложекъ, то круглыхъ, то угловатыхъ, ибо онѣ различны въ каждомъ ярусѣ. Вкругъ колонны устроены четыре балкона: первый на девяносто, второй на сто сорокъ, третій на двѣсти три фута отъ земли. Вся высота Коттабъ-минара простирается до двухъ сотъ сорока

осми футовъ; онъ сооруженъ изъ краснаго гранита съ примѣсью чернаго и бѣлаго мрамора. Внутри винтообразная лѣстница ведетъ до верху тремя стами ступеней; онъ нѣкогда былъ увѣнчанъ куполомъ, который хотя и не существуетъ болѣе, однако жъ изображенъ на рисункѣ. Отверзстія, сдѣланныя въ стѣнѣ, пропускаютъ свѣтъ и воздухъ. Правительство Великобританское не щадитъ ни какихъ заботъ о сохраненіи этого величественнаго монумента (Л. XXXI — 3).

Остатки куполовъ, портиковъ и аркадъ, окружающихъ мечеть, образуютъ восточную часть ея; она начата изъ краснаго гранита Коттабъ-эд-динемъ, намѣстникомъ Могаммеда Гаури, при которомъ Коттабъ взялъ Дегли въ 1193 году. Изваянія на портикахъ сдѣланы съ неимовѣрной тщательностью и чистотой; имъ доселѣ удивляются, потому что они еще ни мало не утратили своего безцѣннаго совершенства.

Говорятъ, въ эпоху своего блеска, Дегли покрывалъ собою три мили квадратныхъ, и дѣйствительно такое пространство занимаютъ теперь его развалины. Начало его неизвѣстно; по разсказамъ Гиндусовъ, онъ построенъ раджею Дигу, жившимъ во время Александра Великаго. Могущество туземныхъ государей ниспровергнуто Афганами или Патанями, овладѣвшими Дегли въ 1193 году; подъ державою ихъ, Тамерланъ взялъ и разграбилъ Дегли въ 1398. Одинъ изъ потомковъ его, Баберъ, въ 1525 году положилъ конецъ династіи Афгановъ и началъ собою домъ Монгольскихъ императоровъ (Великихъ Моголовъ), существующій и теперь, но лишенный власти.

Многочисленные перевороты, постигшіе Дегли, накопили въ немъ обломки разнаго времени: слѣды древняго зодчества Гиндустана дѣлятся участіемъ любопытныхъ съ тѣмъ, что осталось здѣсь отъ побѣдоносныхъ мусульманъ. По словамъ Гиндусовъ, восемьдесятъ тысячь гробницъ открыто среди развалинъ храмовъ и палатъ. Въ лучшія времена Дегли тѣнистыя рощи и сады убирали свѣжей зеленью и гирляндами цвѣтовъ ту землю, которая теперь безплодна.

Акберъ, величайшій изъ царей Монгольской династіи, перенесъ столицу имперіи въ городъ Агру; событіе это ускорило паденіе Дегли, который мало по малу опустѣлъ. Однако жъ еще мелькала въ немъ тѣнь величія, когда въ 1621 году императоръ Шахъ-Джиганъ основалъ новый Дегли, названный по немъ Шахъ-Джиганабадомъ и сдѣлавшійся столицею государства; онъ имѣетъ около десяти миль въ окружности. Въ царствованіе Ауренгзеба, преемника Шахъ-Джиганова, новая столица достигла высшей степени блеска. Этотъ царь продолжалъ завоеванія, начатыя предками, и, когда онъ умеръ въ 1707 году, его имперія простиралась къ сѣверу до Гималаевъ, къ востоку до Арракана и Ассама, къ югу вплоть до моря, за исключеніемъ нѣсколькихъ малыхъ владѣній въ южной части и по западному берегу полуострова; наконецъ къ западу держава его тянулась за Индъ.

Въ разсказахъ Роэ, Терри, Тавернье, Тевено, Бернье и другихъ Европейскихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ владѣнія Великаго-Могола въ XVII столѣтіи, находимъ столь пышное описаніе богатства и неимовѣрной роскоши, ихъ окружавщей, что это похо-

дитъ на вымыслы тысячи одной ночи. Одинъ изъ троновъ Великаго Могола стоилъ по оцѣнкѣ Таверньe ста шестидесяти милліоновъ въ его время; двѣнадцать золотыхъ колоннъ, поддерживавшихъ балдахинъ, были осыпаны крупнымъ жемчугомъ; самый балдахинъ былъ изъ жемчуга и алмазовъ и надъ нимъ павлинъ съ хвостомъ изъ драгоцѣнныхъ камней; все прочее было въ соразмѣрности съ такимъ чуднымъ великолѣпіемъ. Торжественнѣйшимъ днемъ въ году былъ тотъ, когда императора взвѣшивали на золотыхъ вѣсахъ въ присутствіи народа; тутъ расходилось на пятьдесятъ милліоновъ однихъ даровъ.

Съ кончиной Ауренгзеба пресѣклось это величіе; дѣти его спорили за престолъ, и нѣкоторые изъ нихъ сидѣли на немъ по нѣскольку дней, не больше. Въ эту пору кровавыхъ раздоровъ между братьями и родными, въ годину убійствъ и звѣрскихъ жестокостей, смѣшанныхъ съ распутствомъ и безумной роскошью, ни кто изъ принцевъ, которые одинъ за другимъ захватывали титулъ императорскій, не могъ поддержать власти своей надъ раджами и субами или намѣстниками и правителями областей, которые наперерывъ дѣлались независимыми.

Посреди этихъ смутъ, Маратты выжгли въ 1735 году предмѣстья Дегли. Надиръ-Шахъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Тамасъ-Кулихана и царствовавшій въ Персіи, отправилъ въ 1737 году пословъ въ Дегли съ жалобою за дачу убѣжища Афганскимъ выходцамъ и съ требованіемъ возвратить ихъ ему въ руки. Увертливые отвѣты Могаммедъ-Шаха, занимавшаго тогда престолъ Могольскій, послужили пред-

логомъ завоевателю предпринять походъ на Гиндустанъ: настоящая цѣль его была овладѣть сокровищами. Слабость державы Великаго Могола, крамолы, раздиравшія Деглійскій дворъ, тайныя связи шаха съ нѣкоторыми изъ главныхъ начальниковъ (омра), все облегчало ему дорогу. Онъ проходитъ Афганистанъ, переправляется въ бродъ или на пловучихъ мостахъ черезъ Индъ и его притоки, разбиваетъ войска, противъ него высланныя, и вступаетъ въ Дегли 2 марта 1739 года. Онъ затопилъ кровью этотъ городъ, котораго жители возстали на него. Въ теченіе нѣсколькихъ дней столицу грабили и разоряли по приказанію Надиръ-Шаха. Избѣгая сребролюбія, ярости и звѣрства Персіанъ, цѣлыя семьи зажигали свои домы и бросались въ полымя. Число погибшихъ простиралось по самымъ умѣреннымъ извѣстіямъ до ста тысячъ, а по увѣренію путешественника Оттера, тысячь до двухъ сотъ двадцати пяти. Большая часть города была выжжена.

По прекращеніи кровопролитія, Надиръ-Шахъ опять посадилъ на тронъ Могаммедъ-Шаха, вынудилъ его уступить всѣ области къ западу отъ Инда и 16 маія покинулъ Дегли, увозя добычу, цѣнимую одними въ полторы тысячи милліоновъ франковъ, другими въ два милліона; знаменитый тронный павлинъ былъ въ томъ числѣ.

Нашествіе Надиръ-Шаха нанесло послѣдній ударъ могуществу могольской имперіи; она подъ конецъ совершенно распалась, а кратковременное присвоеніе почти ничтожной власти не переставало еще порождать кровавыхъ сценъ.

Въ 1753 году Дегли былъ вторично разрабленъ Ахмедомъ Абдъ-Асси, царемъ Кабульскимъ. Чертоги Великаго Могола, Алемъ-гира, были лишены всего, что пренебрегъ Надиръ-Шахъ: разбивали мраморныя стѣны, чтобы выломать драгоцѣнные камни, которые были врѣзаны въ нихъ.

Шахъ-Алемъ II, сѣвшій на престолъ въ 1760 году, былъ выгнанъ изъ столицы Мараттами и укрылся у одного изъ прежнихъ вассаловъ своихъ, ставшаго независимымъ. Во имя этой тѣни императора, покровитель его объявилъ войну Англичанамъ, уже господствовавшимъ въ Бенгалѣ и Багарѣ; неудачи вынудили Шахъ-Алема отдаться на ихъ произволеніе; Остъ-Индская Компанія предоставила ему обширную и плодородную землю за Аллахабадомъ, а онъ съ своей стороны уступилъ ей въ 1765 году навсегда *диванію* или общій сборъ доходовъ съ Бенгала Багара и Ориссы. Наскучивъ покровительствомъ компаніи, онъ въ 1771 году воротился въ Дегли, гдѣ вскорѣ сдѣлался политическимъ орудіемъ въ рукахъ Маратговъ, обладавшихъ столицею съ 1770 года. Въ 1788, Гоеламъ-Кадаръ, глава Рогильясовъ, племени, живущаго въ горахъ къ востоку отъ Ганга, захватилъ Дегли, пыталъ и мучилъ даже злополучнаго императора, чтобы тотъ открылъ, гдѣ его сокровища, и наконецъ выкололъ ему глаза. Онъ перерѣзалъ, замучилъ или велѣлъ уморить голодомъ многихъ членовъ царскаго Дома и главныхъ жителей столицы, домогаясь отъ нихъ тѣхъ же показаній. Вынужденный приближеніемъ отряда Маратской арміи очистить го-

родъ, онъ былъ полоненъ въ своемъ бѣгствѣ и погибъ въ истязаніяхъ.

По освобожденіи своемъ, Шахъ-Алемъ влачилъ жалкое существованіе; овладѣвъ его государствомъ, Маратты давали ему доходъ едва достаточный для пропитанія его съ семействомъ, а между тѣмъ они воспользовались всѣмъ, что принадлежало ему и совершали самыя ужасныя злодѣйства именемъ своего плѣнника.

Эта черная година длилась до 1803 года. Тутъ Доулетъ-Ро Синдіа, глава Мараттовъ, поссорился съ Англійской компаніей; лордъ Лекъ (Lake) выступилъ противъ него, разбилъ его войско 11 сентября близъ Дегли, и занялъ столицу на другой же день. Дальнѣйшіе успѣхи Англичанъ уничтожили могущество Мараттовъ въ Верхнемъ Гиндустанѣ, и Калькуттское правительство приняло мѣры для содержанія императора и его семьи. Началось тѣмъ, что возвратили ему всѣ домы, сады и земли, отнятые у него Мараттами; отвели ему на правомъ берегу Джемны владѣніе съ тѣмъ, чтобъ всѣ доходы принадлежали ему и собирались бы его именемъ подъ надзоромъ резидента. Даже предоставили ему тѣнь власти въ дѣлахъ мѣстнаго судоправленія.

Спокойствіе Дегли не нарушалось до октября 1804 года. Тогда Мараттскій старшина Голькаръ, отступавшій передъ лордомъ Лекомъ, отрядилъ свою пѣхоту съ многочисленною артиллеріей для обложенія этого города. Осада началась 7 октября. По причинамъ, зависѣвшимъ отъ неизбѣжныхъ обстоятельствъ, войска разосланы были въ раз-

ныя стороны, такъ, что гарнизонъ былъ слишкомъ слабъ для защиты столь обширнаго города, котораго укрѣпленія доступны притомъ со всѣхъ сторонъ, не говоря о томъ, что въ числѣ войскъ находилось триста Меваровъ, записныхъ воровъ и отрядъ нерегулярной конницы, на вѣрность которой нельзя было полагаться. И тѣ и другіе оправдали свою худую славу: Мевары передались непріятелю, а конница разсыпалась при первомъ его появленіи, такъ что онъ подошелъ къ самымъ стѣнамъ. Вскорѣ Маратты открыли огонь и сдѣлали нѣсколько проломовъ; но отважившись на приступъ, были отбиты и сняли осаду по прошествіи девяти дней.

Шахъ-Алемъ пережилъ эти событія: въ декабрѣ 1806 года онъ кончилъ свое долгое и злополучное царствованіе. Старшій сынъ его, Акберъ, наслѣдовалъ ему безъ сопротивленія. Этотъ безсильный монархъ пребываетъ въ Дегли и пользуется всѣми почестями, какія подобаютъ лицу, облеченному верховною властью. Онъ живетъ во дворцѣ, стрегомомъ Англійскими солдатами. Иностранцы представляются ему чрезъ посредство резидента, содержимаго при немъ Остъ-Индскою компаніей. Онъ всегда милостиво отвѣчаетъ на докладъ послѣдняго, и тотъ провожаетъ пріѣзжихъ на аудіенцію съ самымъ пышнымъ торжествомъ. Реджинальдъ Геберъ, Англиканскій епископъ въ Калькуттѣ, проѣзжая чрезъ Дегли въ 1824 году, не преминулъ посѣтить наслѣдника Могольскихъ императоровъ, отличавшихся столь блестящею роскошью въ семнадцатомъ вѣкѣ. Царствующій нынѣ Акберъ II живетъ пенсіей въ четыре милліона франковъ,

которую даетъ ему Ость-Индская Компанія. Во дворцѣ его, архитектуры великолѣпнѣйшей, замѣтны признаки упадка; вы осаждены роями нищихъ: это жёны и дѣти людей, состоящихъ при конюшенной части.

«Мы сошли съ своихъ слоновъ, говоритъ Геберъ, у воротъ, богатой рѣзной работы, но очень грязныхъ; тутъ проводники наши, отдернувъ занавѣсъ, всkликнули громкимъ и мѣрнымъ голосомъ: «Вотъ краса міра! убѣжище народовъ! царь царей! императоръ Акберъ-Шахъ! правосудный! благополучный! побѣдоносный!» Дѣйствительно, мы увидѣли маленькій дворъ, замѣчательный не высокими, но богатоубранными зданіями, которыя его окружали. Прямо противъ насъ стоялъ бѣломраморный павиліонъ съ отличными изваяніями; вокругъ него кусты розъ и водометы; стѣны его убраны снаружи обоями и занавѣсами въ видѣ фестоновъ; во внутренности виднѣлась толпа людей и посреди сидѣлъ бѣдный старецъ, потомокъ могучаго Тамерлана. Резидентъ, Г. Элліотъ, отдалъ три низкіе поклона; мы послѣдовали примѣру его. Это повторялось два раза, покамѣстъ мы подходили къ лѣстницѣ павиліона; и герольды каждый разъ произносили слова, выражавшія величіе ихъ властителя. Наконецъ мы установились въ рядъ по правую руку трона, родъ большаго мраморнаго сѣдалища, богато вызолоченнаго и поднятаго на двѣ или на три ступени. Г. Элліотъ, выступивъ на шагъ впередъ и сложивъ руки по восточному обычаю, сказалъ императору тихимъ голосомъ, кто я. Сдѣлавъ три поклона, я представилъ *наззеръ*, или подарокъ, пятьде-

сятъ одинъ золотой мохаръ въ шитомъ кошелькѣ, положенномъ, по обычаю, на платокъ мой. Монархъ не отвергнулъ моего приношенія и положилъ его подлѣ себя; я стоялъ передъ нимъ нѣсколько минутъ, а онъ спрашивалъ меня, какъ водится, о здоровьѣ, о путешествіи моемъ, о времени отъѣзда изъ Калькутты. Такимъ образомъ я имѣлъ случай хорошо разсмотрѣть этого государя: онъ блѣденъ и худъ, но прекрасенъ собою; у него орлиный носъ и длинная бѣлая борода. Лицомъ онъ отнюдь не смуглѣе Евроцейцевъ; руки у него очень бѣлы и невелики; они были украшены перстнями, повидимому дорогой цѣны. Я видѣлъ только голову и руки, ибо, по случаю утренняго холода, онъ весь былъ закутанъ въ шаляхъ. Я воротился на свое мѣсто; потомъ поднесъ пять мохаровъ наслѣдному принцу, сидѣвшему налѣво отъ отца; резидентъ находился справа. Двухъ Англичанъ, пріѣхавшихъ со мною, представили почти съ тѣми же обрядами; но подарки ихъ были менѣе моего, и императоръ не удостоилъ ихъ ни единымъ словомъ.

«Онъ далъ мнѣ знакъ подойдти къ нему, а Г. Элліотъ сказалъ мнѣ, чтобъ я снялъ шляпу, до которой я еще не дотрогивался, и государь собственноручно повязалъ мнѣ на голову легкую чалму изъ золотой парчи, за которую я далъ еще четыре мохара. Послѣ этого намъ объявлено, чтобъ мы вышли, для принятія *хелатовъ* (почетныхъ одеждъ), приготовленныхъ для насъ милостію *убѣжища міровъ*. Меня провели въ комнатку, смежную съ *зенаони* (женскою половиной), и я нашелъ тамъ красивое платье, съ цвѣтами и мѣховой опушкою и двѣ довольно простыя

шали: слуги мои, глядѣвшіе съ безконечнымъ удовольствіемъ на всѣ эти прелести, надѣли ихъ на меня вмѣсто моей мантіи; однако жъ я оставилъ на себѣ рясу. Надобно было въ этомъ странномъ одѣяніи воротиться къ императору, и я слышалъ, съ какими пышными титлами герольды возглашали мое имя. Товарищи мои были уже тамъ, также переодѣтые, но они не удостоились допуска въ уборную; они надѣли свой хелатъ у воротъ. Кажется, они были еще смѣшнѣе меня; имъ обвязали шляпы газовымъ шарфомъ съ цвѣтами и сверхъ платья накинули на плеча какую-то странную одежду изъ газа, лоскутковъ и полинялыхъ лентъ.

«Я снова выступилъ впередъ и поднесъ императору свой третій подарокъ: экземпляръ Арабской Библіи и молитвенникъ Англиканской церкви на Гиндустанскомъ языкѣ, въ красивомъ переплетѣ изъ голубаго бархата съ золотою оправой и въ оберткѣ изъ парчи. Императоръ, велѣвъ мнѣ приклониться, надѣлъ мнѣ на шею жемчужное ожерелье и прикрѣпилъ къ передней части чалмы два блестящія, но недорогія, украшенія: наоборотъ я далъ ему еще пять мохаровъ. Мнѣ объявили потомъ, что за воротами ожидаетъ меня лошадь; герольды опять возвѣстили съ напыщеннымъ торжествомъ этотъ новый знакъ императорскаго великолѣпія, а я долженъ былъ выдать еще пять мохаровъ золотомъ. Напослѣдокъ я окончательно распрощался тремя поклонами, повторенными трижды, и вышелъ съ Г. Элліотомъ въ уборную, откуда послалъ пять мохаровъ королевѣ (*бегомъ*), какъ обыкновенно именуютъ ее, хотя титло

*

императрицы было бы неоспоримо приличнѣе. Тутъ *чопдары* (скороходы) императорскіе обступили меня съ вопросомъ, когда имъ явиться ко мнѣ за магарычомъ.

«Впрочемъ, не должно полагать, чтобъ этотъ обмѣнъ подарковъ былъ сколько-нибудь накладенъ для императора или для меня. Все, что онъ подарилъ мнѣ, со включеніемъ лошади, хотя она дѣйствительно была лучшая, какую въ послѣднія времена видали при Дворѣ Деглійскомъ и хотя монархъ, очевидно, желалъ выказать свою особенную вѣжливость, все это стоило не болѣе трехъ сотъ рупій (семисотъ пятидесяти франковъ); такъ, что онъ и семейство его получили по-крайней-мѣрѣ восемь сотъ франковъ прибыли, независимо отъ того, что поднесли имъ оба товарища мои. А тутъ все было для двора чистымъ барышемъ, ибо два халата, въ которые облекли ихъ, годились развѣ къ тому, чтобы переряжаться для забавы, и вѣроятно были сдѣланы изъ обносковъ королевиныхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Компанія издала весьма благоразумное постановленіе, чтобы всѣ подарки, дѣлаемые ея сановникамъ, принадлежали правительству, она съ величайшей щедростію принимаетъ на свой счетъ и всѣ издержки, къ которымъ ведутъ подобные обмѣны. По этому все, что я ни поднесъ императору, шло собственно не отъ меня, за исключеніемъ только двухъ книгъ, которыя, какъ я слышалъ, были ему тѣмъ пріятнѣе, что онъ отнюдь не ожидалъ ихъ.

«Но возвратимся къ аудіэнціи. Освобождаясь въ боковомъ кабинетѣ отъ своихъ блистательныхъ одеждъ, я имѣлъ время разсмотрѣть его и былъ пораженъ

изящcтвомъ его украшенiй; онъ былъ весь одѣтъ бѣлымъ мраморомъ съ рѣзными цвѣтами и листьями изъ зеленаго змѣевика, лазурика, синяго и краснаго порфира; цвѣты, въ лучшемъ Итальянскомъ стилѣ, обличали руку артиста этой художественной стороны; но все было грязно, ветхо, испорчено. Половина цвѣтовъ и фруктовъ были выломаны или искажены, двери и окна были въ жалкомъ разрушенiи, груда старой мебели загромождала уголъ, а надъ аркою, ведущей во внутреннiе покои, висѣлъ дирявый занавѣсъ изъ полинявшихъ обоевъ. По словамъ Г. Эллiота, на ту же самую стать поддерживается и весь дворецъ императорскiй. Причиною тому отнюдь не бѣдность; здѣсь не имѣютъ ни какого понятiя о томъ, какъ бы что вычистить или поправить.

«Что касается до меня, я вспомнилъ знаменитый стихъ Персидскаго поэта: «Паукъ развѣсилъ ткань въ чертогѣ царскомъ» и съ грустнымъ участiемъ сравнивалъ настоящее положенiе этого бѣднаго семейства съ тѣмъ, что было оно за двѣсти лѣтъ, когда Французскiй путешественникъ Бернье посѣтилъ Детли.

«Надѣвъ свое обыкновенное платье, я ожидалъ еще нѣсколько времени, пока обьявили, что *царь царей* удалился въ свою *зенану* (гаремъ). Мы пошли въ прiемную залу, которой я прежде не разсмотрѣлъ за толпою народа и за множествомъ разныхъ церемонiй, какiя долженъ былъ наблюдать во всей строгости. Это прекрасный бѣломраморный павилiонъ, открытый съ одной стороны на дворъ, съ другой въ садъ обширнаго размѣра. Колонны и своды его

покрыты превосходными изваяніями и украшены цвѣтами вызолочеными и накладными, а въ промежуткахъ надписями въ самомъ изысканномъ Персидскомъ вкусѣ. Вокругъ фриза начертанъ слѣдующій девизъ:

«Коль на землѣ есть рай,
Онъ здѣсь, въ чертогѣ этомъ!»

«Мраморный полъ не устланъ коврами, а такъ же великолѣпно украшенъ накладною работой, какъ и кабинетъ, откуда мы пришли.

«Сады, куда мы потомъ ходили, не такъ велики, какъ показалось мнѣ сперва, но повидимому были нѣкогда великолѣпны и прекрасны въ своемъ родѣ. Они наполнены весьма старыми померанцевыми и другими плодовыми деревьями, террасами и цвѣтниками, гдѣ росло множество розъ, а нѣсколько жонкилей были уже въ полномъ цвѣтѣ. Каналъ, съ маленькими водопроводами для фонтановъ, сдѣланными изъ бѣлаго мрамора, мѣстами пересѣкаетъ цвѣтники, а на оконечности террасы возвышается великолѣпный осмиугольный павиліонъ, также изъ мрамора съ мозаичными цвѣтами; средину его занимаетъ мраморный водометъ, а въ немъ по сторонамъ устроена прекрасная купальня. Изъ оконъ павиліона, равняющагося высотой съ городскимъ валомъ, открывается видъ всего Дегли и съ окрестностями; но когда мы заглянули внутрь павиліона, какая нечистота, какое запустѣніе, какая жалость! Купальня и фонтанъ — безъ воды; мозаичный полъ покрытъ грубыми садовыми орудіями и соромъ, а стѣны загажены птицами и летучими мышами.

«Насъ провели въ придворную мечеть, небольшое красивое зданіе, изъ бѣлаго мрамора, но, какъ и все прочее, въ небреженіи и въ упадкѣ. По стѣнамъ безпрепятственно ростутъ кусты ficus religiosa; внѣшняя позолота купола до половины снята и нѣкоторыя изъ дверей грубо закладены кирпичемъ и даже не прикрыты штукатуркой.

«Наконецъ мы пошли въ *девани амъ*, залу публичныхъ аудіэнцій; она на переднемъ дворѣ. Иногда Великій Моголъ сиживалъ тамъ въ полномъ блескѣ для принятія просьбъ или привѣтствій отъ своихъ подданныхъ. Зала эта тоже великолѣпный мраморный павиліонъ, который видомъ довольно похожъ на первый, но гораздо болѣе его и открытъ только съ трехъ сторонъ. Четвертая загорожена черною стѣною съ накладными цвѣтами и листьями, изъ мозаики; въ срединѣ на два фута отземли возвышается престолъ, и передъ нимъ мраморная площадка, на которую всходилъ визирь, поднося просьбы своему повелителю; тылъ трона украшенъ мозаикой, представляющею птицъ, четвероногихъ и цвѣты, а посреди изображенъ Орфей, привлекающій животныхъ звуками лиры, что̀ служитъ очевиднымъ доказательствомъ Итальянскаго, или по-крайней мѣрѣ, Европейскаго происхожденія этой работы. Зала, когда мы ее видѣли, была наполнена разной громоздкой утварью, изломанными паланкинами и пустыми сундуками; тронъ былъ до того загаженъ голубями, что едва можно было разсмотрѣть украшенія. Вѣрно, основатель этихъ чудесныхъ зданій, Шахъ Джиганъ, отнюдь не предвидѣлъ жребія потомковъ своихъ, ни

своего собственнаго. Знаменитая поговорка: *Суета сует!* вѣрно нигдѣ не изображалась так четко, как на распадающихся арках Деглійскаго дворца.

«По полудни я объѣздил часть города в каретѣ с Господином и Госпожею Эллиот. Главныя улицы его широки, красивы и, для азіатскаго города, чрезвычайно опрятны; лавки на базарѣ хорошей наружности. Значительнѣйшая улица, по какой мы проѣзжали, называется *Чанди-чок* (улица золотых дѣл мастеров). Однако ж таких мастеров на ней не много; рукав водопровода пересѣкает среднюю часть ея.

«Почти на половинѣ этой улицы есть красивая маленькая мечеть с тремя золочеными главами (Л. XXXI — 4). Говорят, Надир-Шах сидѣл на паперти этого храма и с утра до вечера смотрѣл на избіеніе Деглійцев своими воинами. Ворота, ведущія к ближнему базару, досель сохранили имя *Куніи Даруаса*, Ворот избіенія.

«Городской вал высок и очень красив; но кромѣ развалин и скал, палимых солнцем, нечего смотрѣть, за его предѣлом. Чельмальскіе сады, превозносимые многими писателями, теперь в совершенном упадкѣ. Между тѣм всѣ увѣряют меня, что много улучшеній послѣдовало в Деглійской области с тѣх пор, как мы обладаем ею. До чего же довели ее Маратты!»

Новѣйшій Французскій путешественник, Виктор Жакмон (Jacquemont), также имѣл публичную аудіенцію у императора Акбера. Он говорит об ней со всей веселостію юных лѣт своих в письмѣ

къ отцу отъ 10 марта 1830 года. «Прибывъ на аудіенцію въ сопровожденіи резидента и съ преизрядною процессіей изъ цѣлаго полка пѣхоты, сильнаго конвоя кавалеріи, многочисленной арміи слугъ и приставовъ, и наконецъ изъ цѣлаго стада богато убранныхъ слоновъ, я имѣлъ честь представиться императору, которому угодно было пожаловать меня *хелатомъ* (почетною одеждой), и меня облекли въ него съ большою церемоніей подъ надзоромъ перваго министра. Я вторично явился ко двору. Тутъ императоръ (замѣтьте, что онъ по прямой линіи потомокъ Тимура или Тамерлана), самъ своими царственными руками привязалъ мнѣ къ шляпѣ (простой сѣрой шляпѣ), предварительно передѣланной визиремъ его въ чалму, пару вещицъ изъ драгоцѣнныхъ камней. Императоръ изволилъ спросить, есть ли король во Франціи и говорятъ ли тамъ по-Англійски. Онъ никогда не видывалъ Француза, за исключеніемъ генерала Перона, который стерегъ его, когда онъ былъ въ плѣну у Маратговъ.... Черезъ полчаса онъ распустилъ свой дворъ, и я торжественно удалился съ президентомъ. Барабаны били походъ, когда я шелъ мимо въ халатѣ изъ шитой кисеи. Зачѣмъ васъ тутъ не было! то-то бы порадовались вы своимъ потомствомъ!

«Само собою разумѣется, что я нашелъ въ Шахъ-Могаммедъ-Акберъ-Рази-Бедшахѣ почтеннаго старика и государя, достойнаго обожанія; дѣло въ томъ, что у него прекрасное лице, прекрасная бѣлая борода и выраженіе человѣка, бывшаго долго злополучнымъ.

Англичане предоставили ему всѣ царственныя почести.»

Онъ весьма чувствителенъ къ наружнымъ признакамъ уваженія, и чрезвычайно оскорбился, когда генералъ-губернаторъ Британской Индіи, лордъ Гастингсъ, настоялъ на томъ, чтобъ сидѣть въ его присутствіи. Онъ обижается, если какая нибудь значительная особа не посѣтитъ его при проѣздѣ чрезъ Дегли. «Я очень радъ, продолжаетъ епископъ Геберъ, что не преминулъ ему представиться: не говоря объ участіи, съ какимъ я смотрѣлъ на этотъ почтенный обломокъ могущественнаго дома, я узналъ потомъ отъ Г-на Эллiота, что императоръ часто освѣдомлялся объ епископѣ и спрашивалъ много разъ, не проѣду ли я, не отдавъ ему посѣщенія?

«На лицо, Акберъ-Шаху лѣтъ около семидесяти пяти; а въ самомъ дѣлѣ ему не болѣе шестидесяти трехъ лѣтъ, но и это въ здѣшнемъ краю считается уже глубокой старостью. Говорятъ, онъ кротокъ и умѣренъ, дарованія его не блестящи, но обхожденіе вѣжливо и пріятно. Любимая супруга его, *бегомъ*, женщина низкаго происхожденія, невоспитанная и своенравная; она управляетъ имъ совершенно, распоряжается его деньгами и часто внушала ему неблагоразумные поступки вразсужденіи его дѣтей и правительства Британскаго. Она ненавидитъ старшаго сына его, человѣка достойнаго уваженія, и надѣленнаго отъ природы такими дарованіями, какія довольно рѣдки у тамошнихъ принцевъ; по счастію, онъ особенно любитъ литературныя занятія, единственный предметъ, къ которому, въ настоящемъ своемъ быту, онъ

можетъ устремлять похвальное, или по-крайней-мѣрѣ, невинное честолюбіе; онъ охотникъ до поэзіи и сочиняетъ изрядные Персидскіе стихи; онъ тщательно воспитывалъ дѣтей своихъ и даже дочерей, что вовсе необычайно въ здѣшнемъ краѣ. Хотя ему не болѣе тридцати пяти лѣтъ, его постигла преждевременная старость, происходящая или отъ тѣхъ излишествъ, которымъ принцы слишкомъ рано предаются на востокѣ, или отъ чрезмѣрнаго употребленія крѣпкихъ напитковъ, которыхъ дѣйствія замѣтны у него въ лицѣ. При всемъ томъ, какъ я уже говорилъ, характеръ его, для восточнаго принца, заслуживаетъ уваженіе, а по способностямъ причисляютъ его къ людямъ высшаго разряда.

«Быть-можетъ, весьма мало царственныхъ домовъ, которые, въ эпоху своего могущества, отличались бы такимъ обиліемъ пороковъ и столь немногими добродѣтелями, какъ Тимуровъ. Держава его со времень Ауренгзеба постепенно клонилась къ паденію, и теперь, сказалъ мнѣ однажды Г. Элліотъ, даже если бъ господство наше въ Индіи прекратилось, я не вижу ни малѣйшей вѣроятности, чтобъ государь Деглійскій могъ хотя на мигъ возвратить себѣ какую-нибудь часть прежней власти. Онъ даже не полагалъ, чтобъ кто-нибудь изъ знатнѣйшихъ владѣтелей Индѣйскихъ, которые въ такомъ случаѣ сражались бы за отнятую у насъ добычу, вздумалъ воспользоваться именемъ императорскимъ для доставленія преимущества и облика законности видамъ собственнаго честолюбія. Онъ присовокупилъ, что, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, мало найдется плѣнныхъ и сверженныхъ

царей, съ которыми бы обходились такъ великодушно и почтительно, какъ Англичане съ здѣшними, и что безразсудно имъ надѣяться какого нибудь выигрыша отъ ущерба нашего могущества въ Индіи. Нынѣшнее ихъ положеніе неоспоримо достойно жалости, и въ то же время служитъ страшнымъ примѣромъ непостоянства человѣческаго величія. Исполинскій геній Тамерлана и высокія дарованія Акбера проливаютъ какой-то блескъ даже на злодѣянія и безумства ихъ потомковъ, и я надѣюсь отъ глубины души, что правительство наше почтитъ развалины падшей власти и что, по-крайней-мѣрѣ, ни какое новое униченіе не ждетъ въ будущемъ того бѣднаго старика, который въ дѣтствѣ моемъ представлялся мнѣ окруженнымъ всѣмъ возможнымъ блескомъ и богатствомъ подъ именемъ Великаго Могола.»

Въ Шахъ-Джиганъ-Абадѣ (жилищѣ Шахъ-Джигана), какъ называютъ новый Дегли, видны остатки многихъ великолѣпныхъ палатъ, принадлежавшихъ нѣкогда великимъ омрахамъ имперіи. Дворецъ султана Дямсъ-Чикоха, злополучнаго брата Ауренгзебова, занятъ теперь Англійскимъ резидентомъ. Всѣ они окружены высокими стѣнами и покрываютъ обширное пространство земли, заключая въ себѣ гаремы, галереи для музыкантовъ, сады, купальни, конюшни и скотные дворы.

Изображеніе Дегли, начертанное Скиннеромъ, примѣнимо къ всѣмъ большимъ городамъ Гиндустанскимъ. «Они такъ однообразны, говоритъ этотъ путешественникъ, что первый взглядъ на нихъ вообще скученъ для посторонняго человѣка. Дегли, гдѣ я бывалъ

много разъ, имѣетъ около двухъ сотъ тысячь душъ народа; движенiе и шумъ таковы, что можно сравнить каждый домъ съ пчелинымъ ульемъ. Улицы, за исключенiемъ Чанди-Чока, самой широкой въ цѣлой Азiи, вообще очень узки и болѣе походятъ на переулки; домы, выстроенные съ нѣкоторымъ вкусомъ, хотя и неправильно, часто бываютъ убраны отличнымъ образомъ; большая частъ изъ нихъ снабжены по фасаду балконами, гдѣ видишь небрежно сидящихъ мужчинъ, въ широкихъ кисейныхъ платьяхъ, бѣлизны необычайной и съ длинными *гуками* (трубками) во рту. Иногда и женщины, забывъ правила, связывающiя ихъ полъ, являются здѣсь безъ покрывала и раздѣляютъ съ мужчинами наслажденiя, доставляемыя *гукой*.

«Индѣйскiй городъ отличается въ особенности тѣмъ, что все почти дѣлается въ немъ всенародно, и жители говорятъ такъ громко и съ такою силою, что, слыша бесѣду ихъ о какомъ-нибудь важномъ дѣлѣ, вы подумаете, что они ужасно взбѣшены или бранятся между собою съ величайшимъ неистовствомъ.

«Крика ихъ вмѣстѣ съ ржанiемъ лошадей, съ мычаньемъ и блеянiемъ скота, съ рыкомъ тигровъ, ежедневно выставляемыхъ въ желѣзныхъ клѣткахъ на продажу охотникамъ до травли, скрыпомъ телѣжекъ и стукомъ молота у мѣдниковъ и другихъ мастеровъ, всего этого шума было бы довольно, чтобъ сдѣлать пребыванiе здѣсь нестерпимымъ; но тутъ еще далеко не все. Ворчанiе слоновъ, которое часто походитъ на глухiе трубные звуки, сильные и безпрестанные

удары тантамовъ (Азіатскихъ литавръ), раздирающихъ вашъ слухъ безъ милости, пронзительный визгъ безчисленнаго множества свистулекъ, порывистые взрывы бездны пакостныхъ гудковъ, сопровождаемые пѣніемъ, еще прискорбнѣйшимъ для уха, все это приведетъ въ отчаяніе самаго нераздражительнаго чужестранца.

«Двери замаскированы разноцвѣтными занавѣсами или ставнями; въ каждомъ окнѣ красуются сторы всѣхъ возможныхъ видовъ. Обычай вывѣшивать на верху для просушки всякаго рода платье и особенно кушаки голубые, желтые, зеленые, красные, бѣлые, придаетъ городу видъ торжественности и дѣлаетъ его похожимъ на убранный флагами огромный корабль.

«Густыя облака пыли, подымающіяся отъ экипажей на улицахъ и миріады мухъ, которыя роятся вкругъ хлѣбень и пироженъ, принадлежатъ къ числу настоящихъ язвъ всякаго города на востокѣ. Прибавьте къ этому разныя зловредныя испаренія и нестерпимую вонь, которая удушаетъ васъ близь лавокъ, гдѣ продается съѣстное, приготовляемое вездѣ передъ глазами прохожихъ, и вы будете имѣть понятіе о наслажденіяхъ, ожидающихъ васъ среди этихъ обширныхъ городовъ.

«Если вздумаете выѣхать верхомъ, вы достигнете цѣли вашего путешествія только при крайней осторожности, ловкости и проворствѣ. Криками, бранью и толчками должны вы ежеминутно пролагать себѣ путь сквозь толпу. Часто едва успѣете броситься въ сторону, чтобъ не попасть подъ караванъ тяжело навьюченныхъ верблюдовъ, или подъ ноги цѣлой стаи

слоновъ. Если, при проходѣ этихъ великановъ, испуганная лошадь ваша станетъ ртачиться или пойдетъ бокомъ, а вы, положимъ, не отличный ѣздокъ, вамъ грозитъ неминуемая опасность выкупаться въ одномъ изъ тысячи котловъ, которые клокочутъ на улицѣ передъ пекарнями и поварнями. Если жъ напротивъ слоны испугаются лошади, тогда происходитъ безпорядокъ невообразимый. И дай вамъ Богъ не повстрѣчать еще какой-нибудь знатной особы, ѣдущей съ безчисленною свитою и влекущей за собою родъ тифона, гораздо пагубнѣйшаго нежели пустынный вѣтръ семунъ: это огромный столбъ пыли, дотого густой и продолжительный, что съ полчаса нѣтъ возможности открыть глазъ и распознать дорогу!»

Водопроводъ, пересѣкающій главную Деглійскую улицу, недавно исправленъ; вода проходитъ въ него каналомъ Али-мерданъ-ханскимъ, который также возстановленъ. Въ столицѣ и въ окрестностяхъ выдѣлываютъ бумажныя ткани и индиго; одинъ предпріимчивый купецъ Гиндустанскій недавно учредилъ здѣсь мануфактуру шалей, которая теперь въ цвѣтущемъ состояніи; онъ выписываетъ шерсть изъ Тибета и для наблюденія за работами употребляетъ Кашмирскихъ мастеровъ. Важнѣйшій ввозъ товаровъ производится сѣверными караванами, доставляющими изъ Кашмира и Кабула шали, плоды и лошадей. Въ Дегли можно имѣть драгоцѣнные камни хорошей доброты, въ особенности красные и черные сердолики отмѣнной величины. Въ окрестностяхъ, по берегамъ Джемны, сѣютъ пшеницу, рисъ, просо и индиго.

Развалины древняго города покрываютъ миль на восемь пространства къ югу отъ новаго. На пути къ Агрѣ, мѣстечко Секандра, лежащее только на двѣ мили отъ послѣдняго города, котораго оно было повидимому предмѣстіемъ, представляетъ такую же картину. Единственный памятникъ, сохранившійся въ цѣлости, есть знаменитая гробница Акбера. Это чудесное зданіе, освященное именемъ величайшаго изъ монарховъ, занимавшихъ престолъ Могольскій, понынѣ возбуждаетъ удивленіе путешественниковъ. Огромный мавзолей возвышается среди правильнаго парка, окруженнаго стѣнами. Зданіе квадратное, съ пятью дверями на каждой сторонѣ; на всякомъ углу и на дверяхъ выстроено по башнѣ. Все это сдѣлано изъ краснаго гранита съ накладными украшеніями изъ бѣлаго мрамора. Сквозные куполы на башняхъ также бѣлые мраморные, равно какъ и весь пятый ярусъ зданія. Четыре яруса постепенно уменьшаются и окружены каждый площадкою съ балюстрадой. Внутренность пятаго выложена Арабскими буквами изъ чернаго мрамора, представляющими разные тексты изъ Корана. Во времена Шахъ-Джигановы, навѣсы золотой парчи, поддерживаемые серебряными колоннами, служили убѣжищемъ мулламъ и ученымъ, разсуждавшимъ о труднѣйшихъ статьяхъ закона.

Въ срединѣ зданія обширная зала, одѣтая бѣлымъ мраморомъ, занимаетъ все внутреннее пространство, и оканчивается къ верху куполомъ, котораго окна пропускаютъ таинственный полусвѣтъ; здѣсь благоговѣйно смотрятъ на гробницу, заключающую въ себѣ остатки великаго государя, знаменитаго подвигами и

еще болѣе человѣколюбіемъ, великодушіемъ, любовью къ наукамъ; на гробницѣ изъ полированнаго бѣлаго мрамора, начертано просто имя монарха:

АКБЕРЪ.

Это превосходное зданіе поддерживается довольно хорошо Британскимъ правительствомъ; но окружающія его принадлежности много пострадали отъ времени и отъ землетрясеній (Л. XXXII—1).

Агра, или Акберабадъ, равно какъ и Дегли, отъ котораго она въ сорока пяти миляхъ къ юго-юго-востоку, тянется по правому берегу Джемны. Подъ стѣнами города, рѣка въ іюнѣ мѣсяцѣ имѣетъ полмили въ ширину, и никогда не бываетъ на ней брода. Пространство, занимаемое Агрой, также покрыто развалинами; нынѣ считаютъ въ ней не болѣе шестидесяти тысячъ душъ.

Джемнская мечеть составляетъ одно изъ лучшихъ ея украшеній; она квадратная съ осмиугольными башнями по концамъ и съ купою высокихъ минаретовъ, увѣнчанныхъ прекрасными куполами. Она стоитъ близъ Деглійскихъ воротъ, неподалеку отъ крѣпости и моста (Л. XXXII — 2).

Между зданіями Агрскими путешественники хвалятъ всего болѣе Таджь-магалъ, сооруженный Шахъ-Джиганомъ для знаменитой *бегоми* Нуръ-Джихань (свѣтъ міра). Этотъ дворецъ, съ легкими минаретами, съ воротами въ видѣ арки, съ мечетью и павиліонами, составляетъ одну изъ прелестнѣйшихъ групъ восточной архитектуры. Хотя самыя богатыя мозаики вну-

три мавзолея искажены, великолѣпіе цѣлаго по истинѣ безподобно. Дворецъ, весь изъ бѣлаго мрамора, занимаетъ площадь въ пятьсотъ семьдесятъ футовъ квадратныхъ; онъ возстановленъ Агличанами въ 1809 году. Сады, простирающіеся предъ фасадомъ, убраны рядами кипарисовъ и оживлены водометами, содержимыми въ исправности на счетъ правительства; каждое воскресенье вечеромъ они брызжутъ алмазными снопами (Л. XXXII — 3).

Каковы были блескъ и обширность древней Агры, можно угадывать по множеству развалинъ, которыя видны со всѣхъ сторонъ. Прилежащія къ Таджъ-магалу особенно замѣчательны. Чтобы достигнуть ихъ, должно пройдти родъ пустыни, находящейся между крѣпостью и остатками этого дворца, и будто какая-то волшебная сила перенесетъ васъ къ чудеснымъ садамъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, и къ прекрасному портику, образующему входъ въ эту райскую обитель (Л. XXXII — 4).

ГЛАВА XLIV.

Гиндустанъ: Дуабъ, Канпуръ, Аллахабадъ.

Край, между Гангомъ и Джемною и на сѣверъ вплоть до горъ, недавно наименованъ Дуабомъ (двое-водьемъ или двоерѣчьемъ). Прежде названіе это придавалось только южной его части, ближайшей къ слитію двухъ рѣкъ. Впрочемъ есть еще и другіе *дуабы* въ Гиндустанѣ.

Дуабъ, которымъ мы теперь занимаемся, являетъ видъ крайней наготы. Купы деревъ разсѣяны лишь вокругъ большихъ селеній; но нерѣдко, проѣхавъ мили три, не увидите ни одного на всемъ пространствѣ; за то много мелкихъ деревецъ, соединенныхъ въ видѣ кустарниковъ; это единственный дровяной лѣсъ, какой могутъ употреблять Европейцы. Просо даетъ солому въ десять футовъ длины, служащую кормомъ для скотины: воздѣлываютъ также ячмень и сахарный тросникъ; въ нѣкоторыхъ округахъ собираютъ много табаку, и это единственное растеніе, изъ введенныхъ туда Европейцами, которое требуется въ цѣломъ Гиндустанѣ. Вообще Дуабъ славенъ своимъ плодоносіемъ.

Главное произведеніе сѣвернаго Дуаба хлопчатая бумага; въ средней полосѣ дѣлаютъ изъ нея толстыя ткани и окрашиваютъ ихъ въ красный цвѣтъ. Дикорастущее индиго здѣсь лучше посѣвнаго.

*

Климатъ Дуаба подверженъ чрезвычайнымъ перемѣнамъ температуры въ теченіе однихъ сутокъ. Иногда, въ холодное время года, термометръ при восхожденіи солнца опускается ниже точки замерзанія, а по полудни показываетъ шестнадцать градусовъ тепла. Теплые вѣтры дуютъ весьма сильно въ апрѣлѣ и въ маѣ; иногда термометръ подымается отъ нихъ до сорока градусовъ. Разумѣется, такой несносный жаръ бываетъ часто пагубенъ для животнаго организма; но Европейцы, живущіе въ Дуабѣ, освѣжаютъ воздухъ въ комнатахъ мокрыми рогожками, и кто изъ нихъ не принужденъ выходить со двора по обязанности, тѣ въ лѣтнее время такъ же здоровы здѣсь, какъ и вездѣ.

Весь Дуабъ повинуется теперь Англійскому владычеству. Шайки воровъ часто проказятъ въ первое полугодіе, когда Гангъ и Джемна переходимы въ бродъ. Въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ это случается гораздо рѣже. Подобныя вещи не должны изумлять насъ, когда сообразимъ совершенное безначаліе, господствовавшее прежде въ этомъ краѣ, и склонность живущихъ въ немъ племенъ къ воровству и явному грабительству.

Въ 1803 году, лордъ Валеншіэ (Valentia) обозрѣвалъ Дуабъ. 31 Августа онъ находился въ Миранкисераѣ, неподалеку отъ Ганга. День былъ чрезвычайно жарокъ. Ночью, лордъ Валеншіэ проснулся отъ сильнаго движенія своей постели. «Я сперва думалъ, говоритъ онъ, что подъ нее забралось какое-нибудь животное. Смотрю, ничего не видно. Между тѣмъ толчокъ былъ такъ силенъ, что я вскочилъ. Я не зналъ

чему приписать его, какъ на другой день утромъ *сипай*, стоявшій на часахъ у моей палатки, донесъ мнѣ, что его свалило съ ногъ колебаніемъ земли и что всѣ караульные въ нашемъ таборѣ испытали тоже. Слѣдственно это было землетрясеніе. Сколько я могъ сообразить, ударъ имѣлъ направленіе отъ сѣвера къ югу и продолжался нѣсколько секундъ: таковъ, по крайней мѣрѣ, былъ толчекъ, отъ котораго я проснулся. Дѣйствіе удара распространилось до Калькутты и надѣлало много бѣдъ въ Лакнау.»

Лордъ Валеншіэ хотѣлъ проѣхать въ Макханпуръ, гдѣ была значительная ярмонка въ честь какого-то мусульманскаго угодника. Макханпуръ стоитъ на маленькой рѣкѣ, въ десяти миляхъ отъ Ганга.

«Перваго сентября, говоритъ путешественникъ, мы отправились утромъ въ половинѣ пятаго и пріѣхали часу въ осьмомъ, совершивъ десятимильное странствіе. На послѣдней милѣ, дорога была унизана факирами, которые молились и просили милостыни. Окрестности Макханпура красивы; небольшая рѣчка вьется около высоты, гдѣ стоятъ городъ и мечеть, прикрываемые деревьями; намъ поставили палатки въ манговой рощѣ, немного поодаль отъ толпы.

«Вскорѣ посѣтилъ меня главный факиръ въ сопровожденіи другаго дервиша, который имѣлъ одобрительныя свидѣтельства отъ многихъ Англичанъ; послѣдняго я оставилъ при себѣ вожатаемъ, а первый удалился, взявъ съ меня обѣщаніе, что вечеромъ я пріиду къ гробу святаго.

«Ярмонка должна была начаться не ближе семнадцатаго дня луны; у насъ былъ пятнадцатый, а на-

роду сошлось уже довольно много. Во время обѣда насъ потѣшали плясуны на канатахъ висячемъ и натянутомъ, и фокусники, показывавшіе опыты силы и ловкости. Въ этомъ родѣ, я не видалъ ничего лучшаго въ Европѣ. Одинъ мальчикъ съ необыкновеннымъ искуствомъ балансировалъ у себя надъ головой разными вещами, держась на трости, которую безпрестанно повертывали. Потомъ женщина показывала фокусы стаканами, подъ которые, какъ у насъ въ Европѣ, прячутъ шарики, яйца и монеты. Право, я начинаю думать, что всѣ глупости, равно какъ и всѣ познанія, пришли къ намъ изъ Гиндустана. Затѣмъ слѣдовала извѣстная штука съ манговымъ сѣмечкомъ, которое садятъ въ землю, и изъ него выходитъ дерево, приносящее плоды, въ теченіе получаса; но это сдѣлано было не совсѣмъ ловкимъ образомъ.

«Сѣвъ на слоновъ и сопровождаемые моимъ чичероне и слугою, мы поѣхали къ *Розеху* или гробницѣ угодника. У воротъ передняго двора встрѣтили насъ дервиши толпою и провели къ гробницѣ черезъ три другіе двора. Въ каждомъ было множество факировъ, которые визжали, плясали, молились и дѣлали самыя безумныя кривлянья. Барабаны, пронзительные звуки трубъ и звонъ въ большіе мѣдные тазы, по которымъ ударяли пустыми палками, еще болѣе усиливали шумъ. Даже стѣны были покрыты зрителями, и намъ было бы очень трудно пройдти, если бъ не усилія факировъ, которые, обѣщая себѣ богатую награду, расталкивали толпу; они съ негодованіемъ отвергли требованіе закоснѣлыхъ суевѣровъ, хотѣвшихъ, чтобы мы сняли башмаки; однако жъ туземная часть прислуги нашей

выполнила и это. Гробница угодника помѣщена среди четыреугольнаго зданія; на каждой сторонѣ его по окну, котораго половина иногда отворяется. Она обыкновеннаго вида и размѣра, подъ покровомъ изъ золотой парчи. Надъ нею возвышается балдахинъ также парчевый, упитанный розовою эссенціей. Мы обошли кругомъ все зданіе, разсматривая внутренность у каждаго окошка. Потомъ мы отправились въ мечеть, передъ которою есть фонтанъ и два огромныхъ котла, гдѣ безпрестанно совершается чудо: бросьте въ нихъ неосвященнаго пшена, оно пропадаетъ. Этотъ фокусъ отнюдь не затруднителенъ, но мнѣ нѣкогда было смотрѣть его, и я поспѣшилъ приказать своему факиру проводить насъ къ нашимъ палаткамъ.

«Проходя ярмонкою, я замѣтилъ человѣка, показывавшаго змѣй и ихневмона; менѣе чѣмъ въ три минуты послѣдній умертвилъ трехъ змѣй, хотя онѣ крѣпко обхватили его своими изгибами. Достигнувъ палатокъ мы нашли тамъ многихъ факировъ, которые поджидали насъ (для полученія милостыни); эти господа ни сколько не довѣряютъ одинъ другому, хотя каждый изъ нихъ почитаетъ себя совершеннымъ. Я далъ имъ два *мохара* золотомъ, и они подняли за нихъ страшный споръ. Ночь провели мы очень покойно, вопреки опасеніямъ быть обкраденными: должно замѣтить, что здѣшнія ярмонки служатъ сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ воровъ.»

По расказамъ путешественниковъ, этой сволочи бездна и въ Фарракабадѣ, большомъ городѣ Дуаба неподалеку отъ праваго берега Ганга. Ихъ привле-

каетъ туда большой съѣздъ торгующихъ, которые спѣшатъ со всѣхъ сторонъ къ этому складочному мѣсту областей сѣвернаго Гиндустана.

Внизъ по рѣкѣ, лежитъ Канпуръ, главный военный постъ Англичанъ въ этомъ краѣ; рѣка Гангъ, въ дождливую пору, имѣетъ здѣсь болѣе трети мили въ ширину; въ сухое время она очень убываетъ и дѣлится на многіе рукава большими песчаными отмелями. Тогда видъ Канпура печаленъ, пустыненъ, непріятенъ; солнце затемняется облаками пыли и воздухъ зноенъ до нестерпимости. Въ исторіи того края есть примѣры сраженій, выигранныхъ или проигранныхъ, смотря по положенію войскъ относительно къ вѣтру.

Канпуръ имѣетъ прекрасный видъ со стороны Ганга, гдѣ Гиндустанскіе храмы среди деревъ представляются любопытному взору путешественника. Два изъ этихъ храмовъ выстроены по древнему образцу, принятому поклонниками Брахмы, съ куполами въ видѣ митръ. Нынѣ часто отступаютъ отъ этого правила. Кантониръ-квартиры Англійскихъ войскъ простираются неправильной, длинной цѣпью, состоящею изъ домовъ, садовъ и рощицъ; нѣкоторые изъ нихъ на самомъ берегу рѣки (Л. XXXIII — 1).

Можно сказать, что съ сухопутной стороны, усадьбы эти захватываютъ часть степи. Домы здѣсь—такъ называемые *бангало;* они строятся изъ лѣсу, бамбуку и рогожъ, и покрываются мохомъ. Работа идетъ скоро и обходится дешево, а домы чисты, удобны и вполнѣ соотвѣтствуютъ климату.

Лордъ Валеншіэ, сѣвъ на лодку въ Канпурѣ, проплылъ мимо города Сураджпура, который, стоя на высокомъ берегу, отличается столь же пріятнымъ мѣстоположеніемъ, какъ и большая часть тамошнихъ селеній; они окружены манговыми рощами, между которыхъ мелькаютъ тамъ и сямъ маленькія пагоды, однѣ въ развалинахъ, другія полуотстроенныя; лѣстницы ведутъ къ рѣкѣ для облегченія очистительныхъ купаній. То была дождливая пора; Гангъ покрывалъ водами своими пространство отъ осьми до десяти миль шириною: великолѣпная и даже пріятная картина, хотя грунтъ ея не имѣлъ ни какого украшенія. Далѣе пестрая смѣсь тамариндовъ, манговъ и *дженглей* придавала берегамъ рѣки чрезвычайную живописность. Замѣтимъ, что дженгли суть мѣста, покрытыя большими деревьями, густымъ, непроходимымъ кустарникомъ, ползучими и вьющимися растеніями и крупною травой всякаго рода.

Серадпуръ, на милю отъ Ганга, отличается издали прекрасными кирпичными зданіями. Множество людей, купавшихся въ рѣкѣ, заставило лорда Валеншіэ думать справедливо, что населеніе города должно быть значительно. Русло Ганга все еще было очень широко; косы, вдающіяся въ рѣку отъ обоихъ береговъ, вынуждаютъ судовщиковъ къ большимъ обходамъ и затрудняютъ плаванье; недалеко передъ Аллахабадомъ рѣка такъ мелка, что нужны большія предосторожности для избѣжанія этихъ мелей.

Аллахабадъ не представляетъ ничего величественнаго; есть нѣсколько простыхъ кирпичныхъ зданій безъ всякаго украшенія. Если что заслуживаетъ вн-

котораго вниманія, такъ конечно Джемнская мечеть, серай и садъ султана Хозру, да цитадель города. Послѣдняя, находясь на оконечности треугольника, образуемаго слитіемъ двухъ рѣкъ, равно укрѣплена природою и искусствомъ; работы Англійскихъ инженеровъ конечно лишили ее лучшихъ украшеній, но бастіоны, насыпи и передовыя укрѣпленія, которыя ими устроены, сдѣлали ее способною выдержать правильную осаду противъ цѣлаго Европейскаго войска.

У Гиндусовъ, Аллахабадъ (Обитель Божія) называется Бгать-Праяга, или просто Праяга по преимуществу, какъ главнѣйшая и святѣйшая изъ всѣхъ. Мы видѣли уже четыре Праяги въ Гервалѣ; Аллахабадская обязана знаменитостью своей слитію Джемны съ Гангомъ; Гиндусы присовокупляютъ къ нимъ Серасвати; хотя въ цѣлой окрестности не видно рѣки такого имени, но всѣ увѣряютъ, что она присоединяется къ двумъ другимъ подземнымъ теченіемъ, и что слѣдственно, купаясь здѣсь, вѣрующій пріобрѣтаетъ столько же благодати, какъ выкупавшись въ трехъ рѣкахъ порознь. Богомолецъ, прибывъ сюда, садится на берегъ и велитъ брить себѣ голову и все тѣло, чтобы ни одинъ волосокъ не миновалъ воды, ибо за каждый изъ нихъ священныя книги Брахмановъ сулятъ по милліону лѣтъ въ раю. Потомъ онъ купается и въ тотъ же день или въ слѣдующій совершаетъ посмертные обряды за усопшихъ предковъ. Налогъ, собираемый правительствомъ за допускъ въ воду, составляетъ три рупіи (семь рублей); издержки на милостыню и дары брахманамъ, сидящимъ на берегу

рѣки, гораздо значительнѣй. Многіе Гиндусы разстаются съ жизнію въ этой священной Праягѣ; вѣрующій садится въ ладью, и, совершивъ всѣ предписанные обряды на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ сходятся три рѣки, привязываетъ къ себѣ три горшка и погружается въ воду. Набожные лишаются иногда жизни и отъ поспѣшности, съ какою каждый изъ нихъ старается нырнуть въ священномъ мѣстѣ при самомъ нарожденіи луны: очищеніе тогда всего дѣйствительнѣй. Богомольцевъ, среднимъ числомъ, бываетъ ежегодно до 220,000.

ГЛАВА XLV.

Гиндустанъ: Мирзапуръ, Чунаръ, Бенаресъ.

Подъ стѣнами Аллахабада, Гангъ и Джемна почти одинаковой ширины; послѣдняя быстрѣе, и плаванье по ней опаснѣе отъ пороговъ, которыми наполнено ея русло, и отъ мелководья во время засухъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ обѣ рѣки равно мутны; но въ то время, когда нѣтъ сильныхъ дождей, Джемна свѣтла какъ зеркало и представляетъ разительную противоположность съ своимъ сосѣдомъ, который нечистъ и желтоватъ. Впрочемъ и вода Ганга, когда отстоится, такъ же прозрачна и еще вкуснѣе; она предпочитается и Европейцами и Гиндусами, особенно послѣдними, для которыхъ она имѣетъ сверхъ-того достоинство бо́льшей святости.

Ширина и быстрота Ганга повидимому не возрастаютъ ниже Аллахабада, но берега его становятся выше и каменистѣе; изгибы чаще. Путешественникъ вскорѣ достигаетъ Бинде-Басни, гдѣ въ жертву Кали, черной супругѣ Шивы, приносятъ теперь конфекты и плоды, вмѣсто животныхъ и людей, какъ водилось прежде. Хотя съ перваго взгляда эти кровавыя жертвы кажутся несовмѣстными съ духомъ Брахманской религіи, однако жъ онѣ дѣйствительно существовали и даже предписываются *Вѣдами*.

Неподалеку отсюда должно проѣзжать мимо большаго и богатаго города Мирзапура, въ которомъ около 250,000 жителей; это значительнѣйшій хлопчатобумажный рынокъ на всемъ Гангѣ. Множество судовъ разной величины стоятъ у набережной. Городъ поражаетъ взоръ путешественника громадою мечетей и пагодъ, красивыми домами Гиндусовъ, и прелестными *бангало* Европейцевъ; такое же множество строеній и на противоположномъ берегу Ганга.

Далѣе, открывается Англійскій постъ Чунаръ, съ передовою цѣпью холмовъ, параллельныхъ теченію Ганга и покрытыхъ рощами и *бангало*. Грозная крѣпость построена на скалѣ, выдающейся въ рѣку. Она совершенно господствуетъ надъ судоходствомъ, и каждый барочникъ долженъ прописать въ особой книгѣ имя свое и сколько при немъ судовъ.

Здѣсь останавливался епископъ Геберъ; вотъ что онъ разсказываетъ: «На вершинѣ горы, въ послѣдней оградѣ цитадели, которая можетъ хорошо держаться и по паденіи всѣхъ нижнихъ укрѣпленій, есть много строеній, заслуживающихъ вниманіе. Во-первыхъ, древній Индѣйскій дворецъ, съ куполомъ въ срединѣ, окруженнымъ нѣсколькими палатами на сводахъ; онѣ мрачны, низки и непроницаемы для жаровъ; въ нихъ много остатковъ живописи и ваянія. Подлѣ этого зданія другое, которое гораздо выше и доступнѣе для воздуха; нѣкогда было оно жилищемъ мусульманскаго губернатора; комнаты прекрасныя, и стрѣльчатыя окна съ отличною рѣзьбой. Неподалеку, въ бастіонѣ, колодезь или запасный водоемъ, шириною футовъ въ пятнадцать, глубоко из-

сѣченный въ скалѣ; но вода въ немъ годна не для всегдашняго употребленія, а развѣ въ случаѣ крайности. Противъ Индѣйскаго дворца, на мощеномъ дворѣ, сдѣланы четыре круглыя ямы такой величины, чтобъ пролѣзть человѣку; внизу древняя, страшная темница, около сорока футовъ въ длину и въ ширину; ни свѣту, ни людямъ нѣтъ къ ней другаго доступа, кромѣ этихъ четырехъ отверзтій; теперь она превращена въ подвалъ.

« Но вотъ величайшая достопримѣчательность: коммендантъ спросилъ особый ключъ и, отворивъ ржавую дверь, устроенную въ стѣнѣ очень старой и неровной, онъ объявилъ, что покажетъ мнѣ священнѣйшее мѣсто въ Гиндустанѣ; потомъ онъ снялъ шляпу и повелъ насъ въ маленькой четыреугольный дворъ, осѣняемый весьма старымъ деревомъ выросшимъ на одномъ изъ боковыхъ утесовъ. На суку этого дерева висѣлъ серебряный колокольчикъ; подъ нимъ была большая плита чернаго мрамора, а на противолежащемъ утесѣ каменная роза грубой работы, заключенная въ треугольникѣ. Тутъ не было ни одного кумира, а сопровождавшіе насъ *сипайи* пали на колѣна, цѣловали прахъ вокругъ плиты и терли имъ себѣ лобъ. Одинъ Англійскій полковникъ сказалъ мнѣ: « Всѣ Гиндусы вѣруютъ, что самъ Богъ незримо сидитъ на этомъ камнѣ по девяти часовъ въ день, а остальные три часа проводитъ въ Бенаресѣ. Поэтому *сипайи* и не опасаются, чтобъ Чунаръ былъ взятъ непріятелемъ, развѣ только утромъ, пока божество въ отсутствіи; по той же причинѣ и еще въ огражденіе себя отъ злыхъ чаръ, цари Бенаресскіе, до нашествія мусуль-

манъ, праздновали семейные браки въ чертогахъ, смежныхъ съ этимъ дворикомъ.» Признаюсь, не безъ умиленія смотрѣлъ я на святыню. Меня поразило совершенное отсутствіе идоловъ и то чувство приличія, которое побудило даже Гиндусовъ устранить наружные символы тамъ, гдѣ они предполагаютъ дѣйствительное присутствіе Высшей силы, и я внутренно молилъ Господа навсегда сохранить въ душѣ моей желаніе поучать этотъ бѣдный народъ и, когда будетъ на то Его святая воля, объяснить язычникамъ, какимъ образомъ Онъ во истину присутствуетъ и здѣсь, и вездѣ.»

Бенаресъ возвѣщаетъ о себѣ изъ-дали высокими минаретами великой мечети, которыя господствуютъ надъ громадами домовъ, расположенными въ живописномъ безпорядкѣ мили на три по правому берегу Ганга. Нельзя не увлечься зрѣлищемъ храмовъ, башенъ, длинныхъ аркадъ, поддерживаемыхъ колоннами, высокихъ набережныхъ, террасъ съ балюстрадами, которыя то ярко рисуются, то чуть сквозятъ въ темной, великолѣпной зелени смоковницъ, тамариндовъ и манговъ, или убранныя блестящими гирляндами красуются между зданій, покрытыхъ рѣзьбой и величаво подымающихъ верхи свои надъ роскошными садами.

Гаты, или пристани, съ которыми сообщаются лѣстницы, нисходящія до самой рѣки, образуютъ, если можно такъ выразиться, единственныя набережныя въ цѣломъ Бенаресѣ, и хотя онѣ въ тридцати футахъ высоты надъ рѣкой, все пространство ихъ съ утра до поздней ночи кишитъ народомъ, занятымъ разными работами; одни нагружаютъ или выгружаютъ многочисленныя суда, привлекаемыя торговлею на

этотъ огромный рынокъ Индіи; другіе черпаютъ воду, третьи совершаютъ омовенія или читаютъ молитвы; ибо, не смотря на множество храмовъ, Гиндусы исполняютъ обряды вѣры и на открытомъ воздухѣ (Л. XXXIII—2).

«Бенаресъ, продолжаетъ Геберъ, весьма замѣчательный городъ, и изо всѣхъ, мною видѣнныхъ, онъ наиболѣе отличается характеромъ Востока. Ни одинъ Европеецъ не живетъ внутри города; нѣтъ въ немъ ни одной улицы, довольно широкой для кареты; даже паланкины проходятъ съ трудомъ въ этихъ тѣсныхъ, излучистыхъ и всегда полныхъ народомъ ущельяхъ. Домы вообще высоки; самые низкіе въ три яруса, а многіе въ пять и даже въ шесть. Улицы гораздо ниже погребныхъ этажей (rez-de-chanssée); почти передъ каждымъ домомъ есть родъ паперти со сводомъ, а позади маленькія лавки. На верху украшены они верандахами, галереями; выдающіяся окна снабжены рѣшетками и стѣнные выступы поддерживаются рѣзными консолями.

«Количество храмовъ неимовѣрно; но они по большой части малы и стоятъ какъ часовни на перекресткахъ и въ тѣни высокихъ домовъ. При всемъ томъ, они довольно красивы, и многіе изъ нихъ совершенно покрыты отличными рѣзными изображеніями цвѣтовъ, животныхъ и пальмовыхъ вѣтвей, которыя по вѣрности и богатству подробностей равняются съ лучшими Готическими и Греческими произведеніями въ этомъ родѣ. Зданія выстроены изъ превосходнаго Чунарскаго камня, но здѣшніе Гиндусы чрезвычайно любятъ придавать имъ красный цвѣтъ

и покрывать самыя видныя части домовъ яркими изображеніями горшковъ съ цвѣтами, мужчинъ, женщинъ, быковъ, слоновъ, боговъ и богинь, въ ихъ различныхъ обликахъ, о многихъ головахъ и о многихъ рукахъ съ оружіемъ.

«Быки всѣхъ возрастовъ, ручные какъ большія собаки, пользуются великимъ уваженіемъ, потому что посвящены Шивѣ; они безпечно расхаживаютъ по тѣснымъ улицамъ или еще ложатся въ нихъ поперекъ и едва трогаются съ мѣста, когда носильщики паланкиновъ легонько оттолкнутъ ихъ и то, разумѣется, съ величайшей осторожностью, ибо въ противномъ случаѣ бѣда несчастливцу, который вздумаетъ презрѣть суевѣріе фанатическаго народа! Обезьяны, посвященныя Ханиману, знаменитой ихъ соплеменницѣ, пособившей Раму завоевать Цейлонъ, также многочисленны въ другихъ частяхъ города; онѣ лазятъ по крышкамъ и по выступамъ храмовъ, нахально суются рыломъ и лапами во всѣ овощныя лавки и во всѣ кондитерскія, и таскаютъ лакомыя куски у неосторожныхъ дѣтей.

«На каждомъ поворотѣ видишь такъ называемые домы *джогисовъ*, украшенные кумирами и оглашаемые безпрерывнымъ громомъ всякаго рода нестройныхъ инструментовъ, тогда какъ нищіе монахи, принадлежащіе ко всѣмъ возможнымъ сектамъ брахманизма, выставляютъ на показъ по обѣихъ сторонамъ главныхъ улицъ всѣ безобразности своего тѣла, выпачканнаго мѣломъ или коровьимъ пометомъ, и искаженнаго язвами; прибавьте къ этому ихъ волосы, стоящіе копромъ, ихъ искривленные члены и отвратительныя положенія, въ какихъ они каются!... Число

слѣпыхъ чрезвычайно велико. Здѣсь я могъ насмотрѣться примѣровъ того рода покаянія, о которомъ такъ много слыхалъ въ Европѣ. Я видѣлъ людей, у которыхъ ноги или руки скривились отъ насильственнаго положенія, въ какомъ они держали ихъ слишкомъ долго; наконецъ попадались и такіе бѣдняки, у которыхъ руки были прикованы одна къ другой проросшими насквозь ногтями. При проходѣ нашемъ, раздавались жалобные вопли: «Ага саибъ! Топи саибъ!—такъ обыкновенно зовутъ Европейцевъ—дай чего-нибудь съѣсть!» Просьбы эти вскорѣ истощили маленькую казну, которая была со мной; но это все равно, что капля въ океанѣ, а въ дальнѣйшемъ пути нашемъ по городу безотвязные крики бѣдняковъ были почти заглушены окружавшимъ насъ содомомъ.

«Вотъ предметы, вотъ звуки, поражающіе зрѣніе и слухъ чужеземца при входѣ въ *священный* городъ Гиндустана, въ лотосъ вселенной, стоящій не на землѣ, а на остріѣ Шивина трезубца, мѣсто, благодатное до такой степени, что всякой, кто умретъ здѣсь, къ какой бы сектѣ онъ ни принадлежалъ, хотя бы даже ѣлъ говядину, можетъ быть увѣренъ въ спасеніи души, если только былъ щедръ до бѣдныхъ брахмановъ. Самая эта святость и содѣлываетъ Бенаресъ прибѣжищемъ нищихъ: кромѣ несмѣтнаго числа молельщиковъ изо всѣхъ областей Индѣйскихъ, Тибетскихъ и Бирманскихъ, множество богачей на старости лѣтъ и почти всѣ тѣ вельможи, которые отъ времени до времени лишаются власти при переворотахъ, безпрерывно постигающихъ Индѣйскіе дворы, все это

спѣшитъ сюда омывать свои прегрѣшенія или наполнять часы скучнаго досуга величественными обрядами, причемъ раздаются огромныя суммы бѣднякамъ.

«На другой день я опять прогуливался по Бенаресу и нашелъ его, какъ и прежде, наполненнымъ быками и нищими; но когда я углубился въ городъ далѣе чѣмъ наканунѣ, меня удивили большіе, высокіе, красивые домы, изящность и богатство товаровъ, выставленныхъ на продажу, и очевидная дѣятельность важныхъ оборотовъ среди такого нищенства и изувѣрства. Бенаресъ столько же отличается торговлею, промышленостью и богатствомъ, сколько святостью. Это главный рынокъ, гдѣ сходятся сѣверныя шали, южные брилліанты и кисеи изъ Дакки и восточныхъ областей; здѣсь есть значительныя мануфактуры шелковыхъ, бумажныхъ тканей и тонкихъ суконъ, Англійскія стальныя издѣлія, сабли, щиты и пики Лакнаускія и Монгирскія; предметы роскоши и затѣйливости Европейцевъ, день ото дня болѣе требуемые въ Индіи, распространяются оттуда въ Бенделькендъ, въ Горракпуръ, въ Непалъ и въ другія отдаленныя земли при Гангѣ. Населеніе города, по послѣдней переписи, простирается до 600,000 человѣкъ, что ни мало не удивительно, если взять въ расчетъ страшную обширность города и близость домовъ одного къ другому. Воды имѣютъ стокъ къ рѣкѣ по скату каменистаго косогора, на которомъ стоитъ городъ; это обстоятельство, вмѣстѣ съ частыми омовеніями и чрезвычайною умѣренностью жителей, предохраняетъ Бенаресъ отъ заразительныхъ болѣзней. И

такъ, не смотря на страшную многолюдность, городъ нельзя назвать вреднымъ для здоровья.

«Прежде всего пошли мы въ знаменитый храмъ, именуемый Вишевайеса и построенный изъ весьма мелкихъ камней, но украшенный отличной рѣзьбой; это одно изъ святѣйшихъ мѣстъ въ Гиндустанѣ, хотя оно и уступаетъ въ этомъ отношенiи другому смежному съ нимъ капищу, которое осквернилъ Алемгиръ постройкою въ немъ мечети, отчего оно стало недоступнымъ для чтителей Брахмы. Преддверiе храма хотя и тѣсновато, однако жъ наполнено, какъ скотный дворъ, претолстыми и чрезвычайно ручными быками, которые суютъ рыло въ руки и въ карманъ каждаго посѣтителя, ища зеренъ или конфектъ, приносимыхъ во множествѣ ихъ почитателями. Обители также биткомъ набиты покаянниками, нагими и отвратительными, потому что все тѣло у нихъ въ мѣлу и въ коровьемъ калѣ; одного безпрерывнаго гула *рамъ! рамъ! рамъ! рамъ!* довольно для оглушенiя чужестранца; при всемъ томъ, капище содержится въ удивительной чистотѣ; у брахмановъ повидимому только и дѣла, что обливать водою кумиры и помостъ; не только съ готовностью, но даже съ особеннымъ усердiемъ показывали они мнѣ все, часто повторяя, что они тоже *padres*, и пользуясь этимъ обстоятельствомъ въ видѣ убѣжденiя, чтобы выманить у меня какой нибудь подарокъ.

«Подлѣ храма есть колодезь, надъ которымъ выстроена маленькая башня; крутая лѣстница идетъ къ водѣ, проведенной подземнымъ каналомъ изъ Ганга; не знаю, почему она слыветъ святѣе рѣчной. Всѣмъ

богомольцамъ, приходящимъ въ Бенаресъ, наказываютъ утолять жажду и совершать омовенія въ этомъ мѣстѣ.

«Въ другомъ сосѣдственномъ храмѣ, который посвященъ Анна-Парнѣ, мнѣ указали брахмана, сидящаго цѣлый день на маленькомъ, невысокомъ стулѣ; онъ сходитъ съ него только для необходимыхъ омовеній, а ночью спитъ подлѣ на мостовой. Онъ занимается чтеніемъ и толкованіемъ Вѣдъ для всѣхъ желающихъ, съ осьми часовъ утра до четырехъ вечера; онъ ничего не требуетъ, но подлѣ стула есть у него мѣдный тазикъ, куда доброхотные датели кладутъ милостыню; этимъ только онъ и живетъ. Брахманъ — маленькій, блѣдный человѣчекъ, съ интересною физіономіей, которой онъ не портитъ, подобно многимъ другимъ, вывѣсками набожности въ одѣяніи; говорятъ, онъ краснорѣчивъ и отлично знаетъ по-Санскритски.

«Одинъ изъ самыхъ любопытныхъ и вмѣстѣ странныхъ предметовъ въ Бенаресѣ — древняя обсерваторія, основанная до мусульманскаго нашествія и еще цѣлая, хотя ея больше и не употребляютъ Это каменное зданіе, съ маленькими дворами, которые окружены галлереями для удобства астрономовъ и ихъ слушателей; на большой четыреугольной башнѣ устроенъ огромный гномонъ, футовъ въ двадцать вышины, съ соразмѣрною дугою квадранта, кругомъ до пятнадцати футовъ въ поперечникѣ и соотвѣтственнымъ меридіаномъ. Все это сдѣлано изъ камня, и хотя не очень вѣрно, однако жъ служитъ любопытнымъ доказательствомъ ревности, съ какою обработывалась нѣкогда наука въ здѣшнихъ краяхъ.

«Съ обсерваторіи мы спустились по лѣстницѣ къ самой рѣкѣ, гдѣ ожидала насъ лодка. Такимъ образомъ я имѣлъ случай видѣть городъ съ самой выгодной стороны. Онъ подымается амфитеатромъ, и прекрасный эффектъ производятъ минареты, многочисленные купола, и гаты, доходящіе до уровня рѣки и всегда покрытые толпою Гиндусовъ, которые кто купается, кто молится Богу. Пагоды и храмы всѣхъ размѣровъ унизываютъ почти весь берегъ Ганга, даже не отходя за его поемную черту. Нѣкоторые изъ этихъ зданій прекрасны, хотя и малы. Иныя частію обрушились въ рѣку, потому что никто не думалъ чинить ихъ фундамента, подмываемаго волнами (Л. XXXIII — 3).

«Всѣ окрестныя поля повидимому болѣе засѣваются пшеницею, нежели рисомъ. Деревни многочисленны и велики; отдѣльныя мызы въ рѣдкость. Лѣсу здѣсь весьма мало; дрова чрезвычайно дороги; оттого, говорятъ, и бросаютъ въ рѣку столько несожженныхъ труповъ. Здѣсь гораздо рѣже, чѣмъ въ другихъ частяхъ Индіи, вдовы предаются огню съ тѣлами мужей; за то весьма часто слышишь о добровольныхъ утопленникахъ. Каждый годъ многія сотни богомольцевъ со всѣхъ концевъ Индіи приходятъ въ Бенаресъ нарочно для того, чтобы кончить дни свои такимъ образомъ. Они покупаютъ пару большихъ глиняныхъ горшковъ, которые, бывъ привязаны по обѣимъ сторонамъ тѣла, поддерживаютъ ихъ въ водѣ, покамѣстъ не наполнятся. Снарядившись такимъ образомъ, они входятъ въ рѣку, наливаютъ горшки и погружаются навѣки. Правительство пыталось иногда

препятствовать этому, но успѣвало только въ томъ, что добровольныя жертвы уходили совершать обѣты свои нѣсколько ниже Бенареса. Если человѣкъ прошелъ цѣлыя сотни миль съ жаждою смерти, кто удержитъ его отъ исполненія такого замысла? Просвѣщеніе кажется мнѣ единственнымъ средствомъ къ вразумленію этихъ бѣдняковъ, и я надѣюсь, что они получатъ его отъ насъ мало по малу.

«Я отправился въ высшее училище Видалайи или Гиндусовъ; это большое зданіе о двухъ дворахъ съ галереями нижнею и верхнею. Преподаватели въ числѣ десяти. Двѣсти учениковъ раздѣлены на нѣсколько классовъ; они учатся читать, писать, ариѳметикѣ по Индѣйской методѣ, священной словесности, и законамъ Индѣйскимъ и Персидскимъ, Санскритскому языку, астрономіи по системѣ Птолемея и астрологіи.

«Бенаресъ конечно богатѣйшій и вѣроятно многолюднѣйшій городъ въ Индіи; онъ отличается также лучшимъ управленіемъ: полицейскія обязанности выполняетъ народная стража, избираемая жителями съ утвержденія властей. Она состоитъ изъ пяти сотъ человѣкъ; городъ раздѣленъ на шестьдесятъ кварталовъ, которые на ночь запираются, и при каждомъ находится сторожъ. Воровство и убійство чрезвычайно рѣдки, не смотря на значительность населенія и на множество нищихъ и богомольцевъ, стекающихся со всѣхъ сторонъ. Въ числѣ послѣднихъ бываетъ обыкновенно до двадцати тысячь воинственныхъ Маграттовъ, изъ которыхъ многіе вооружены. Сторожа, выбираясь почтенными отцами семействъ и получая отъ нихъ жалованье, для собственной

выгоды должны хорошо вести себя, быть учтивыми и рачительными въ исполненіи своей обязанности.

«Такъ какъ Бенаресъ во всѣхъ отношеніяхъ торговая метрополія Индіи, то не удивительно, что тамъ водворяются люди изъ всѣхъ областей того края; но меня изумило множество Персіянъ, Турковъ, Татаръ и даже Европейцевъ, которые живутъ здѣсь. Между послѣдними есть одинъ Грекъ, человѣкъ ученый и свѣтски-образованный, который основался здѣсь за нѣсколько лѣтъ подъ предлогомъ изученія Санскритской словесности; онъ былъ въ товариществѣ съ однимъ торговымъ домомъ въ Калькуттѣ, но теперь, говорятъ, удалился отъ дѣлъ. Есть здѣсь также одинъ Русскій, который часто бываетъ у единовѣрца своего, Грека; онъ занимается торговлею, и пріемы его показываютъ, что онъ родился не въ столь высокомъ слоѣ общества, какъ его пріятель.

«Хотя Бенаресъ священный городъ Индіи, брахманы здѣсь не такъ безпощадны къ иновѣрству и не такъ ослѣплены предразсудками, какъ въ большей части другихъ важныхъ городовъ. Непрестанное повтореніе пустыхъ обрядовъ, которыми они вѣчно заняты, породило, какъ говорятъ, между многими изъ нихъ родъ пресыщенія ихъ собственною религіей и наклонность узнавать, какъ думаютъ другіе, чего въ Калькуттѣ еще нѣтъ. Бенаресъ вообще очень преданъ правительству Компаніи, хотя жители его, превосходя обывателей другихъ городовъ и знатностью, и богатствомъ, и образованіемъ, всѣхъ болѣе говорятъ о государственныхъ дѣлахъ и общественныхъ людяхъ.»

ГЛАВА XLVI.

Гиндустанъ: Гумти, Лакнау, Королевство Аудское, Гоггра.

Пониже Бенареса, на лѣвомъ берегу Ганга, находится устье рѣки Гумти. Она выходитъ изъ Кемаонскихъ горъ и течетъ къ югозападу почти параллельно съ Гоггрой. Имя ея, которымъ она обязана своему излучистому бѣгу, дается и другимъ рѣкамъ Индѣйскимъ. Въ числѣ городовъ, лежащихъ при Гумти, отличается Лакнау, столица Аудскаго королевства.

Въ 1824 году, этотъ край былъ посѣщенъ епископомъ Геберомъ, который переправился черезъ Гангъ въ Канпурѣ. « Столько было толковъ, говоритъ онъ, о безпорядкахъ, недавно происходившихъ здѣсь вслѣдствіе безпечности правительства, что конвой мой былъ усиленъ, хотя я объ этомъ и не просилъ. Поля, прилежащія къ рѣкѣ, оставались невоздѣланными; встрѣчные крестьяне были вооружены съ головы до ногъ; однако жъ мы всегда видѣли отъ нихъ только миролюбіе и вѣжливость, хотя большая часть нашего конвоя была гораздо впереди, а другая далеко отставала, и въ сумерьки мы не разъ принуждены были распрашивать, куда ѣхать. »

Далѣе, путешественники повстрѣчали конныхъ воиновъ, высланныхъ къ нимъ самимъ королемъ; они ѣхали на довольно хорошихъ лошадяхъ и были вооружены саблями, но одѣты очень дурно и походили

болѣе на разбойниковъ, чѣмъ на солдатъ. На ночлегъ становились близъ полуразоренныхъ деревень, окруженныхъ однако жъ нивами. Дороги не могли быть хороши: это простыя тропы, проложенныя между пашень. Весь край обработанъ и избражженъ маленькими рѣчками и ручьями: Геберъ изумился при видѣ такой дѣятельной промышлености.

«Большинство населенія, по словамъ его, состоитъ изъ чтителей Брахмы. Во всѣхъ деревняхъ есть пагоды, а мечетей нѣтъ во многихъ. У большей части людей, которые встрѣчались намъ дорогою, были на лбу знаки ихъ касты, и такъ какъ это былъ день праздничный, то даже въ самыхъ мелкихъ селеніяхъ раздавался звукъ барабановъ и музыкальныхъ орудій того края.

«На встрѣчу къ намъ вышелъ *суари*, или значительный кортежъ слоновъ и лошадей, посланныхъ королемъ Аудскимъ,—первые въ великолѣпной збруѣ и съ серебряными *гаудами* (сидѣйками) на спинѣ; ихъ было болѣе, нежели сколько требовалось подо всѣхъ насъ. Отрядъ пѣхотинцевъ, вооруженныхъ саблями, щитами, длинными самопалами, и другимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ всѣхъ размѣровъ, копьями наподобіе вертеловъ, отчасти въ серебряной оправѣ, и съ большими зелеными знаменами, въ видѣ треугольниковъ, составлялъ нестройную, живописную толпу, отнюдь не похожую на Европейское войско. Только не надо было всматриваться близко въ то, что казалось наиболѣе богатымъ, ибо всѣ эти вещи являли признаки обветшалости; но пестрота воинскихъ одеждъ, многочисленность и величественный ростъ животныхъ, господствовавшихъ въ цѣлой групѣ,

усладили бы взоры поэта и артиста гораздо болѣе, нежели самый лучшій смотръ строевыхъ полковъ Европейскихъ.

«Пока мы перемѣняли слоновъ, человѣкъ весьма красивой наружности подошелъ ко мнѣ съ просьбою сказать ему мое имя и титла во всей подробности для доклада, какъ онъ говорилъ, *Убѣжищу міра*. Я узналъ потомъ, что эта особа пишетъ придворные циркуляры,—такая должность, которая гораздо труднѣе и по-здѣшнему несравненно значительнѣй, нежели въ Европѣ. Что ни случится въ семействѣ короля, у Англійскаго резидента, у главныхъ сановниковъ государственныхъ или у иностранцевъ, пріѣзжихъ въ Лакнау, все это тщательно записывается и потомъ ходитъ по городу. Мнѣ говорили, что подробная вѣдомость о томъ, когда я встаю, какія блюда ѣмъ за завтракомъ, кого приму къ себѣ, куда самъ поѣду и какъ проведу каждое утро, будетъ подаваться королю его *чобдарами* (вѣстовыми), равно какъ самомалѣйшій шагъ этого государя записывается безъ всякаго опущенія и представляется Англійскому резиденту.

«Когда я пересѣлъ на другаго слона, всѣ люди нашего поѣзда огласили воздухъ кликами: *Бисмиллахъ! Аллахъ акберъ! Аллахъ керимъ!* (Во имя Божіе! Боже всесильный! Боже милосердый!). Я и прежде слыхалъ подобные возгласы. Это древній мусульманскій обычай; мои чобдары и носильщики научились ему въ Лакнау, и кто знаетъ, когда они отъ него отстанутъ. Впрочемъ тутъ видна истинная набожность, и я отнюдь не желаю, чтобъ они перестали держаться

этого обыкновенія, только не дозволю имъ впередъ слѣдовавшаго за тѣмъ возгласа о моемъ имени и санѣ, которые подверглись при этомъ самому странному искаженію.

«Мы подъѣзжали къ Лакнау на слонахъ по три врядъ, пробиваясь сквозь безчисленную толпу и между самыхъ жалкихъ мазанокъ по закаулкамъ, которыхъ грязнѣе я сроду не видалъ, и которые были до того узки, что часто намъ приходилось ѣхать гусемъ, а иногда не было простора и для одного слона, не только для трехъ. Тучи нищихъ роились по всѣмъ угламъ и по крыльцамъ, и, къ великому удивленію моему, почти весь остальной народъ былъ также вооруженъ, какъ и поселяне. Это давало невыгодное понятіе о городской полиціи, но чрезвычайно возвышало картинность зрѣлища. Важныя особы, скорѣе сидѣвшія, чѣмъ лежавшія въ своихъ паланкинахъ, подвигались, читая молитвы, въ сопровожденіи двухъ или трехъ слугъ съ саблями и щитами. Знатнѣйшіе люди ѣхали на слонахъ, каждый съ конвоемъ, вооруженнымъ подобно нашему и почти столь же многочисленнымъ; даже людиназшаго сословія, которые глазѣли на улицахъ и у дверей лавокъ, имѣли на плечахъ щиты и держали въ рукахъ сабли во влагалищѣ.

«Мнѣ казалось, что Лакнау представлялъ тогда болѣе воинственное зрѣлище, нежели нашъ Лондонъ въ эпоху величайшихъ смутъ гражданскихъ. Чѣмъ далѣе мы подавались впередъ, тѣмъ красивѣй становились домы; но улицы все были тѣсны и грязны по-прежнему. Намъ попадались прекрасныя мечети; базары

были повидимому хорошо снабжены, сколько я могъ судить съ моего высокаго сѣдалища. Вдругъ въѣхали мы въ довольно широкую улицу съ домами, по большей части, готической архитектуры.»

Однажды предупредили Гебера, чтобъ онъ не пускался въ многолюднѣйшія части города, развѣ только на слонѣ и подъ прикрытіемъ стражи. Еще наканунѣ самъ епископъ съ другимъ Англичаниномъ объѣхали верхомъ почти весь городъ и попадали въ такія тѣсныя грязныя и извилистыя улицы, что часто должны были распрашивать о дорогѣ; но нигдѣ не видали они ни малѣйшей обиды; напротивъ люди, имъ встрѣчавшіеся, были къ нимъ очень вѣжливы, отодвигали тѣлежки и осаживали слоновъ, чтобы дать дорогу пріѣзжимъ. Геберъ заключилъ изъ этого, что Англичане, жаловавшіеся на оскорбленія, сами навлекли себѣ непріятности дерзостью въ поступкахъ. Однако жители Лакнау и его окрестностей слывутъ во всемъ Гиндустанѣ за строптивыхъ и наклонныхъ къ воровству.

Король занимается словесностью; онъ подарилъ Геберу экземпляръ своихъ трудовъ. При отъѣздѣ изъ дворца въ паланкинѣ, епископъ былъ осажденъ стаею нищихъ, и роздалъ имъ кошелекъ рупій мелкою монетой, врученный ему для того резидентомъ Англійскимъ. Тутъ произошелъ между ними страшный шумъ, какъ Геберъ ни увѣщевалъ ихъ допустить напередъ слабыхъ и престарѣлыхъ. Едва онъ проѣхалъ, какъ бѣдную женщину, которой онъ далъ полрупіи, по причинѣ ея дряхлости и болѣзни, сшибли съ ногъ и совсѣмъ-было затоптали; ей изщипали и из-

били всѣ руки, чтобъ вырвать у ней подаяніе. Къ счастію, подоспѣли на помощь люди резидента, а безъ того вѣроятно бы ей не встать. «Я между прочимъ замѣтилъ, говоритъ Геберъ, что чобдаръ мой и другіе провожатые казались удивленными, когда я подалъ женщинѣ такъ много, какъ рѣдкому изъ мужчинъ; впрочемъ я видалъ уже при многихъ случаяхъ, что въ Гиндустанѣ вездѣ считаютъ всякую малость достаточною для слабаго пола, и что на его долю приходятся самые тяжкіе труды, самыя дрянныя платья, самыя скудныя даянія, самыя низкія работы и побои самые жестокіе. Тотъ же солдатъ, который, очищая дорогу передъ какимъ-нибудь вельможей, говоритъ довольно вѣжливо съ мужчинами, безъ дальнихъ рѣчей и безъ всякой жалости расталкиваетъ кулаками и ногами несчастныхъ женщинъ, которыя попадутся ему подъ руку. А между тѣмъ онъ такъ кротокъ, такъ снисходителенъ съ дѣтьми. Человѣкъ сущая задача! и какъ различенъ онъ, смотря по мѣсту рожденія!

«Обычай бросать деньги въ народъ по случаю представленій ко двору или другихъ великихъ церемоній служитъ, какъ говорятъ, приманкою для чрезмѣрнаго числа нищихъ. Тутъ ихъ въ самомъ дѣлѣ немало; но въ другое время я не замѣчалъ такого множества, и мнѣ кажется, что во всякомъ значительномъ городѣ увѣренность подобрать нѣсколько монетъ привлекала бы столько же народа.»

Состояніе Аудскаго королевства рисовали прежде такими ужасными красками, что Геберъ былъ изумленъ, найдя этотъ край такъ хорошо обработаннымъ

и заселеннымъ, особливо къ сѣверу отъ Лакнау, гдѣ народъ не былъ въ полномъ вооруженіи, какъ на югѣ.

Говорятъ, что населенность столицы простирается до 300,000 душъ, и по величинѣ ея, оно не должно казаться невѣроятнымъ. Черезъ Гумти переходятъ здѣсь по двумъ мостамъ, изъ коихъ одинъ объ одиннадцати аркахъ и прекрасной постройки; другой, пловучій, соединяетъ паркъ съ королевскимъ дворцомъ, сооруженнымъ на береговомъ возвышеніи. Въ архитектурѣ этого зданія нѣтъ ничего замѣчательнаго; оно отличается только обширностью и отдѣлкой; другія монументальныя постройки украшаютъ собою берега Гумти (Л. XXXIII — 4).

Фейзабадъ, въ двадцати семи миляхъ къ востоку отъ Лакнау, на правомъ берегу Гоггры, былъ первоначально столицею королевства Аудскаго. Онъ еще очень великъ и населенъ людьми преимущественно низшаго класса; все прочее послѣдовало за дворомъ въ Лакнау. Здѣсь видны остатки многихъ красивыхъ зданій, построенныхъ изъ кирпича. Почти при выѣздѣ изъ Фейзабада, лежатъ развалины Ауды, бывшей нѣкогда однимъ изъ важнѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ Гиндустанскихъ. Говорятъ, что просѣевая сквозь рѣшето землю въ ея окрестностяхъ находили иногда крупинки золота. Множество богомольцевъ посѣщаетъ Ауду, которая была древнею столицею Рамы; теперь это просто груда развалинъ. Она стояла неподалеку отъ рѣки; новый городъ, простирающійся по самымъ берегамъ ея, довольно многолюденъ.

Хотя Англичане даютъ титло Короля государю, занимающему престолъ Аудскій, и именуютъ его Ве-

личествомъ, однако жъ у подданныхъ своихъ онъ просто слыветъ набабъ-визиремъ, какъ въ то время, когда онъ исполнялъ эту должность при дворѣ Великаго Могола. Онъ носитъ корону. Населеніе областей его простирается до трехъ милліоновъ душъ. Англичане предоставляютъ ему управленіе его землями и свободное распоряженіе доходами и арміей. Само собою разумѣется, что онъ не дѣлаетъ ничего неугоднаго Англійскому резиденту, при которомъ находится всегда отрядъ войска компаніи. По словамъ Гебера, дворъ Аудскій образованнѣе и блистательнѣе всѣхъ, какіе онъ только видалъ въ Индіи. Король, царствовавшій въ его время, умеръ 20 октября 1827 года. Онъ издалъ въ свѣтъ нѣсколько сочиненій, между прочимъ словарь, грамматику и полную систему риторики на Персидскомъ языкѣ. Послѣ него осталась богатаю библіотека, которую сынъ его сохраняетъ въ цѣлости.

Гоггра, или Сарджу, или, наконецъ, Дѣва, образуется слитіемъ Каранали, или Дѣвы, съ рѣкою Кали, которыя обѣ текутъ съ южнаго ската Гималайскихъ горъ; Гоггра идетъ вообще съ сѣверозапада къ юговостоку, и, послѣ двухъ-сотъ-мильнаго пути, соединяется съ Гангомъ между Аллахабадомъ и Патною; это одинъ изъ важнѣйшихъ притоковъ широкой рѣки. Въ миѳологическихъ поэмахъ Гиндусовъ, Гоггра всегда именуется Сарейсю, а въ новѣйшія времена это имя почти забыто. Берега ея слыли нѣкогда самыми священными, за то что ихъ часто посѣщали многія божества.

ГЛАВА XLVII.

Гиндустанъ: Патна, Гайяхъ, Монгиръ, Боглипуръ, Коссимбазаръ, Муршедабадъ, Гугли, Шинсура, Серампуръ, Шандернагоръ, Калькутта, Дакка, Устья Ганга и Гугли.

Невдалекѣ къ востоку отъ устья Гоггры, Гангъ принимаетъ въ себя рѣку Сонé, текущую съ Гандуанскихъ горъ на югѣ и пробѣгающую сто сорокъ миль; нѣсколько ниже впадаетъ въ него Гандокъ, который прорѣзываетъ сѣверную часть Непала и течетъ на пространствѣ ста шестидесяти миль. «Какое понятіе, замѣчаетъ епископъ Геберъ, даютъ эти огромныя рѣки о размѣрахъ дѣйствій природы въ здѣшнемъ краю!»

Почти противъ самаго Гандока лежитъ Патна, обширный городъ, простирающійся слишкомъ на три мили по правому берегу Ганга, котораго ширина въ дождливое время доходитъ здѣсь до шести миль. Патна знаменита древностію; въ ней считается болѣе трехъ сотъ тысячь душъ. Ея шелковыя, бумажныя, табачныя фабрики, ея сахарные и индиговые заводы находятся въ цвѣтущемъ состояніи; въ обширныхъ зданіяхъ приготовляютъ опіумъ и селитру; прежде у многихъ Европейскихъ народовъ были конторы въ этомъ городѣ. Предмѣстія, занятыя преимущественно Англичанами, красивѣе самаго города, гдѣ строеніе, по большей части, изъ глины, и защищаются старыми,

посредственными укрѣпленіями. Гиндусовъ гораздо болѣе, чѣмъ Мусульманъ.

Въ двадцати миляхъ къ юго-юго-западу отъ Патны, на утесѣ лѣваго берега рѣки Фульго, лежитъ городъ Гайяхъ съ тридцатью шестью тысячами жителей, худо выстроенный и весьма некрасивый, но знаменитый у Гиндусовъ по гранитнымъ пещерамъ, безъ миѳологическихъ фигуръ на стѣнахъ, по священному пруду Вайтарани и по слѣду ступни Вишну. Число богомольцевъ, ежегодно бывающихъ въ Гайяхѣ, простирается до ста тысячъ человѣкъ. Половина города, расположенная на равнинѣ, населенная мусульманами и называемая Сахебганге, выстроена лучше верхней части и имѣетъ шелковыя и бумажныя фабрики.

Монгиръ, на правомъ берегу Ганга, страненъ навзглядъ. Крѣпость, построенная на выступѣ материка и обведенная рвомъ, довольно широкимъ, окружена на разстояніи отъ одной мили до полуторы шестнадцатью купами домовъ, каждая съ особымъ базаромъ. Нѣкоторыя купы стоятъ на песчаномъ берегу Ганга, и потому ежегодно, во время разливовъ, приходится переносить нѣсколько домовъ. Въ Монгирѣ болѣе тридцати тысячъ жителей. Знаменитѣйшій храмъ у Мусульманъ гробница Пиръ-шаха-Лагани, куда и Гиндусы обращаются съ приношеніями. Монгирскіе садовники и портные особенно славятся въ нѣкоторой части Гиндустана; послѣдніе шьютъ даже на Европейскихъ жителей; здѣсь же дѣлаютъ сапоги для туземцевъ и для пріѣзжихъ, и сверхъ того бездну

всякаго рода стальныхъ вещей и огнестрѣльнаго оружія.

Въ равнинѣ, почти на пять миль отъ города, среди прекраснаго сада, бьетъ теплый ключъ Сити-кундъ, котораго температура измѣняется, смотря по времени года.

Далѣе къ востоку, является въ очаровательномъ мѣстоположеніи Боглипуръ; этотъ городъ, съ тридцатью тысячами жителей, важный по своимъ шелковымъ и бумажнымъ мануфактурамъ, и населенный преимущественно Мусульманами, которые содержатъ въ немъ высшую школу, наслаждается, какъ говорятъ, воздухомъ самымъ здоровымъ.

Въ окрестностяхъ Боглипура и въ другихъ Гиндустанскихъ округахъ Геберъ не рѣдко попадалъ на таборы; нѣкоторые были довольно велики, но состояли изъ рогожныхъ шалашей, вкругъ которыхъ были разсѣяны всякія домашнія мелочи, корзины, малорослыя лошаденки и козы. Жители этихъ шалашей до того походили на Англійскихъ Цыганъ (gypseys), что Геберъ отнюдь не удивился, когда на вопросъ кто они такіе, переводчикъ его Абдаллахъ, изъѣздившій всю Азію и всю Европу, отвѣчалъ, что это Цыгане, что ихъ очень много въ верхнихъ областяхъ Гиндустанскихъ, что они живутъ здѣсь точно такъ же, какъ въ Англіи, что онъ видалъ ихъ и въ Россіи и въ Персіи, и что послѣдніе говорятъ тѣмъ же Гиндустанскимъ языкомъ, какимъ и эти, скитающіеся по берегамъ Ганга.

«Здѣсь, говоритъ епископъ, зовутъ ихъ *Кяндже*. На многихъ изъ мужчинъ были большія чалмы, розоваго

цвѣта; три женщины и цѣлая стая дѣтей гнались за нашей ладьей, прося милостыни; первыя не завѣшивали лица, да и вообще были почти наги; только родъ толстаго покрывала висѣло у нихъ съ плечъ и какая-то онуча заступала мѣсто запона. При всемъ томъ, это племя рѣшительно красивѣе Бенгальскаго. Одна изъ женщинъ была очень мила, и всѣ отличались такими формами, что любой живописецъ почелъ бы за счастіе рисовать съ подобнаго образца. Руки у нихъ были протравлены голубыми чертами; но колецъ не было ни у кистей, ни на голеняхъ; напротивъ дѣти, хотя и совершенно нагія, были въ кольцахъ. Лодка наша не могла остановиться: я завернулъ мелкихъ денегъ въ бумажку и отдалъ матросу бросить ихъ на берегъ; къ несчастію обертка прорвалась; все, что было въ ней, кануло въ воду; вѣтеръ на ту пору засвѣжѣлъ какъ на смѣхъ, и я не могъ дать имъ болѣе ничего.»

Въ другой разъ, — это было по отъѣздѣ изъ Лакнау, — Геберъ увидѣлъ большую толпу, которая шла къ его палаткамъ и которую, какъ онъ самъ, такъ и провожатые его, сочли за Цыганъ. Но пришельцы отперлись отъ этого имени; они сказывали, что идутъ изъ Ахмедабада на богомолье къ Гангу и уже восемь мѣсяцевъ въ пути. Они выдавали себя за брахмановъ, къ крайнему соблазну и негодованію одного изъ людей моихъ, который принадлежалъ къ этой кастѣ и далъ имъ жестокій нагоняй за ихъ дерзкій вымыселъ. Я требовалъ, чтобъ они показали свои шнуры, и они признались, что у нихъ нѣтъ ихъ, но продолжали упорно выдавать себя за раджпутовъ.

«Говорите правду, сказалъ я имъ, вы Били?» Такъ называются дикіе горцы въ окрестностяхъ Ахмедабада. Спутники мои улыбнулись при такомъ вопросѣ и вскликнули, что пришельцы просто Били и больше ничего, но тѣ упорствовали въ своемъ первомъ словѣ. Впрочемъ они были очень веселы, хотя и ужасно бѣдны; въ жизнь свою не видывалъ я подобной худобы. Они были въ такой нищетѣ, что вынудили меня тотчасъ же послать за мелочью для раздачи несчастнымъ. Въ ожиданіи милостыни, одна женщина подошла къ намъ съ мужчиною и попотчивала насъ двумя или тремя пѣснями, при чемъ товарищъ аккомпанировалъ ей на маленькой гитарѣ; голоса ихъ были истинно хороши. Сытѣе и здоровѣе всѣхъ были дѣти, не смотря на совершенную наготу свою; съ ними обходились повидимому очень кротко. Получивъ отъ меня подаяніе, эти люди отправились въ деревню за масломъ и за мукой, и вскорѣ развели огонь подъ большою смоковницей. Вечеромъ я видѣлъ ихъ за ужиномъ, и кто-то сказалъ мнѣ, что онъ слышалъ, какъ они молились за меня передъ ѣдой.

«Я счелъ бы ихъ за очень смирныхъ бѣдняковъ, опасныхъ развѣ для однихъ курятниковъ или способныхъ только къ мелочнымъ плутнямъ, въ какихъ упрекаютъ Англійскихъ Цыганъ. Но меня увѣрили, что эти шайки бродягъ, скитающіяся подъ именемъ богомольцевъ, имѣютъ самую худую славу въ Гиндустанѣ. Ихъ почти всегда принимаютъ за *тяговъ* (thags). Злодѣи, означаемые этимъ именемъ, обыкновенно пристаютъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ къ путешественникамъ, ѣдущимъ въ одиночку или въ маломъ

числѣ; потомъ, высмотрѣвъ удобный случай, накидываютъ имъ на шею мертвую петлю, стаскиваютъ ихъ съ лошади и удавливаютъ. Говорятъ, они дѣлаютъ это съ такимъ проворствомъ и ловкостью, что рѣдкій путешественникъ успѣетъ выхватить саблю, выстрѣлить изъ ружья, словомъ, предпринять что-нибудь себѣ въ защиту или въ освобожденіе себя отъ бѣды. Этихъ гнусныхъ душегубцевъ очень много въ Гюзератѣ (Quzerate) и Мельвѣ; тѣ изъ нихъ, которые попадаются въ Гиндустанѣ, приходятъ вообще изъ южныхъ областей.»

Гуляя по деревнямъ, лежавшимъ вдоль дороги, Геберъ замѣчалъ иногда съ удовольствіемъ, что избы, хотя и нехитрой постройки, были однако жъ въ хорошемъ состояніи, чисты, красивы и снабжены птичьими дворами съ добрымъ запасомъ живности. Женщины пряли хлопчатую бумагу на самопрядкахъ весьма чуднаго вида (Л. XXXIV—1).

Крестьяне Бегарскіе выходятъ со двора съ палкою во весь свой ростъ и покрываютъ голову и плеча грубою, черноцвѣтною тканью. На видъ они гораздо мужественнѣе Бенгальцевъ (Л. XXXIV—2).

Раджемаль, въ Бенгалѣ, за Боглипурою, сохранилъ одну тѣнь своего прежняго величія; онъ также на правомъ берегу Ганга, близъ горнаго хребта, занимаемаго народомъ, никогда не покореннымъ Мусульманами. Далѣе, отъ рѣки отдѣляется рукавъ, извѣстный подъ именемъ Коссимбазара, и, направляясь къ югу, течетъ чрезъ Муршедабадъ, мѣсто пребыванія титулярнаго Набаба Бенгальскаго. Этотъ городъ, знаменитый по торгу шелковыми и превосходными бу-

мажными издѣліями, имѣетъ болѣе 165,000 душъ. На югѣ онъ смеженъ съ Коссимбазаромъ, извѣстнымъ по шелковымъ фабрикамъ и по торгу вязаными бумажными чулками.

Протекши излучинами тридцать пять миль, Коссимбазаръ соединяется съ Джеллинги, другимъ рукавомъ Ганга, и принимаетъ имя Гугли. Городъ этого имени уже совсѣмъ не то, чѣмъ былъ онъ въ XVII столѣтіи.

Въ Шинсурѣ долго цвѣла Голландская контора, основанная въ 1636 году. Извѣстно, что мирнымъ договоромъ 1814 года, Королевство Нидерландское уступило Великобританцамъ всѣ владѣнія свои на матер握кѣ Индіи. Въ Шинсурѣ и ея окрестностяхъ заведены училища для образованія молодыхъ Индѣйцевъ; преподаватели, по большей части, изъ брахмановъ или изъ касты писцовъ.

Шандернагоръ—контора, принадлежащая Французамъ и единственный остатокъ владѣній ихъ въ Бенгалѣ. «Городъ, по словамъ Гебера, хотя и малъ, однако же красивъ и опрятенъ; только не замѣтно въ немъ большой дѣятельности. Здѣсь есть католическая церковь, нѣсколько порядочныхъ улицъ и хорошіе домы. Всѣ Индѣйскія деревни, которыя мнѣ случилось видѣть вокругъ, отличаются такимъ благосостояніемъ, что нельзя смотрѣть на нихъ безъ удовольствія. Индѣецъ обыкновенно употребляетъ часть своего избытка на постройку или распространеніе пагоды; уже изъ этого можно заключать, что здѣшній край дѣйствительно преуспѣваетъ въ благоденствіи: одинъ Англичанинъ говорилъ мнѣ, что отъ Калькутты и до-

сюда всѣ большія пагоды выстроены вновь или исправлены усердіемъ частныхъ лицъ.»

Датская контора, Серампуръ, простирается, подобно предъидущимъ городамъ, по правому берегу Гугли. Выстроенная почти совсѣмъ по-Европейски, она отличается пріятною наружностью. Дешевизна припасовъ заставляетъ многихъ предпочитать ее для жительства Калькуттѣ. Здѣсь въ нѣкоторомъ смыслѣ главная квартира миссіонеровъ, присылаемыхъ изъ Европы для обращенія Гиндусовъ къ христіанской религіи. Они завели книгопечатни, гдѣ изданы переводы Священнаго Писанія на большей части Азійскихъ нарѣчій. Учреждено также высшее училище, куда они принимаютъ дѣтей всѣхъ вѣроисповѣданій.

На лѣвомъ берегу Гугли, въ четырехъ миляхъ къ югу отъ Серампура, возвышается Калькутта, метрополія Британской Индіи. Этотъ обширный городъ, въ которомъ до шести тысячъ душъ по крайней-мѣрѣ, расположенъ на мѣстѣ низкомъ, болотистомъ и все еще довольно нездоровомъ, хотя густые дженгли отчасти вырублены и обработаны, тинистые пруды, облегавшіе его съ востока, завалены землей, и улицы въ самомъ городѣ нѣсколько обсушены. Несмотря на умаленіе пространства стоячихъ водъ, воздухъ все еще заражается близостію влажныхъ луговъ, лежащихъ къ югу.

Въ этой сторонѣ сооруженъ Фортъ-Вильямъ, лучшая цитадель въ цѣлой Азіи; къ сѣверу простирается Черный-Городъ, гдѣ домы, по большей части, бѣдны, улицы тѣсны, грязны и нечисты; въ срединѣ лежитъ Чоринги, или Европейскій городъ, замѣчательный сво-

ими великолѣпными зданіями, прекрасными кирпичными домами, улицами широкими и прямыми, и преобширными площадями. Греческая архитектура, принятая для многихъ жилищъ, кажется мало соотвѣтствуетъ климату.

Въ Калькуттѣ вы найдете всѣ учрежденія, какими отличаются столицы образованныхъ государствъ. Торговля привлекаетъ купцевъ изъ странъ самыхъ отдаленныхъ. Гиндусы составляютъ большинство жителей, потомъ слѣдуютъ Мусульмане, за ними Англичане и другіе Европейцы; есть также нѣсколько Грековъ и весьма немного Армянъ.

Суда, подымающія не болѣе пяти-сотъ тоннъ груза, могутъ ходить вплоть до Калькутты, куда привозятъ товары со всѣхъ концовъ подсолнечной. Ихъ складываютъ, равно какъ и тѣ, что приходятъ съ сѣвера, въ многочисленные базары, принадлежащіе частнымъ лицамъ или казнѣ. «Сюда пріѣзжаютъ не для житья, не для наслажденія жизнію, говоритъ Викторъ Жакмонъ (Jacquemont): всякой, каково бы ни было общественное его положеніе, пріѣзжаетъ сюда только нажить для прожитка въ другомъ мѣстѣ. Оттого въ цѣлой Калькуттѣ нѣтъ ни одного человѣка досужаго (il n'y a pas à Calcutta un seul *man of leisure*).»

Гиндусы придаютъ Коссимбазару, а въ слѣдствіе таго и Гугли, названіе Бгагхирати. Они видятъ и уважаютъ въ немъ настоящій Гангъ и совершаютъ здѣсь свои религіозные обряды предпочтительно предъ всѣми другими рукавами священной рѣки. На берегахъ его есть красивыя пагоды; главный входъ ихъ представляетъ изящную колоннаду, куда ведетъ

удобная лѣстница. Иногда дворъ около храма окруженъ четыреугольными башнями, раздѣленными небольшимъ промежуткомъ (Л. XXXIV—3).

Англійское правительство не угнетаетъ совѣсти, и Гиндусъ свободно наблюдаетъ всѣ обряды своей вѣры. Изъ числа ихъ весьма страненъ тотъ, который называется чарракъ-пуджа и совершается въ праздникъ богини Кали. «Онъ начался, говоритъ Геберъ, девятаго апрѣля вечеромъ. Многочисленная толпа собралась у рѣки, вокругъ подмостковъ изъ бамбука, футовъ въ пятнадцать вышиной; они состояли изъ двухъ перпендикулярныхъ и двухъ поперечныхъ жердей,—послѣднія одна отъ другой въ пяти футахъ. Нѣсколько человѣкъ взошли на этотъ родъ лѣстницы съ большими мѣшками и кидали оттуда зрителямъ разныя разности, на которыя тѣ жадно бросались; но я былъ такъ далеко, что не могъ разсмотрѣть, что это было. Бросальщики, одинъ за другимъ, подняли сложенныя руки надъ головою и кинулись на-земь съ такою силою, которая могла бы погубить ихъ, еслибъ ударъ не былъ чѣмъ-нибудь ослабленъ. При чрезмѣрной тѣснотѣ, я не доглядѣлъ какъ это дѣлалось; но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что всѣ они остались невредимы, ибо тотчасъ же взошли опять на верхъ и повторили нѣсколько разъ прежнюю церемонію.

«Десятаго апрѣля, насъ до свѣту разбудилъ нестройный звукъ музыкальныхъ инструментовъ; мы тотчасъ сѣли на лошадей и поскакали къ Майдану. По мѣрѣ того, какъ бѣлѣлъ день, передъ нами открывалась страшная толпа народу, котора шла по дорогѣ въ Чоринги, безпрестанно прибывая отъ людей, на-

пиравшихъ изо всѣхъ улицъ и переулковъ. Мы вмѣшались въ народъ, среди котораго шли и плясали жалкіе изувѣры, истязавшіе себя при этомъ ужаснѣйшимъ образомъ; каждый изъ нихъ былъ окруженъ особымъ синклитомъ почитателей съ музыкою и факелами. Лица ихъ обличали страданіе, но они очевидно гордились тѣмъ, что переносятъ его терпѣливо, и вѣроятно подкрѣплялись убѣжденіемъ, что очистятся отъ прошлогоднихъ грѣховъ, пріемля муку произвольно и безжалобно.

«Намъ стоило большихъ трудовъ проложить себѣ дорогу среди давки; но подошедъ ближе къ мѣсту дѣйствія, мы насладились зрѣлищемъ живописнымъ и прекраснымъ, при которомъ я вспомнилъ противъ воли картину скачекъ у насъ въ Англіи. Со всѣхъ сторонъ вѣяли знамена. На досчатыхъ хижинахъ возвышались подмостки для плясуновъ. Распашныя платья туземцевъ изъ-дали заставили насъ принять ихъ за хорошо одѣтыхъ женщинъ, и хотя, по приближеніи нашемъ, смуглота ихъ лицъ разсѣяла это заблужденіе, сцена отнюдь не утратила оттого своей красы. Никогда не видалъ я въ Англіи столько народу вмѣстѣ; зато и праздникъ этотъ одинъ изъ главнѣйшихъ у Гиндусовъ; на него сошлись изъ всѣхъ окрестныхъ деревень. Оглушительная музыка гремѣла до полудня, когда фанатики удалились наконецъ лечить свои язвины. Говорятъ, что онѣ опасны и иногда причиняютъ даже смерть. Одинъ изъ нашихъ *мазальчи*, или факельщиковъ, принадлежавшій къ самой низкой кастѣ (въ высшихъ, кажется, никто не предается такимъ жестокостямъ) бѣгалъ по всему дому съ маленькой

стрѣлою въ языкѣ и просилъ денегъ у прочей нашей прислуги. Онъ повидимому обезпамятѣлъ отъ опіума. Мнѣ сказывали, что эти бѣдняки всегда принимаютъ опіумъ для уменьшенія боли, и что они вѣроятно натираютъ имъ ту часть тѣла, которую хотятъ пронзить, до тѣхъ поръ, пока произойдетъ онѣмѣніе.

«Въ Бойтаконнахѣ, той части города, гдѣ поставлены мачты для подъема усердствующихъ, дѣлали вечеромъ испытаніе *чидди магри* (священной качки); должно замѣтить, что правительство не дозволяетъ ставить этихъ мачтъ близъ жилищъ Европейцевъ. Мачта поддерживаетъ поперечину, у которой на одномъ концѣ виситъ блокъ, а на немъ веревка съ крючьями. Привели жертву, увѣнчанную цвѣтами, и она повидимому безъ принужденія подошла къ подножію столба; крючья запустили въ боковыя мышцы; несчастный и не поморщился; его опоясали широкимъ холстомъ, чтобъ острія не вырвались отъ тяжести, и въ этомъ состояніи подняли на воздухъ и начали вертѣть сперва тихо, потомъ исподоволь съ чрезвычайной быстротой. Черезъ нѣсколько минутъ хотѣли спустить его, но онъ далъ знакъ продолжать. Это рѣшеніе принято съ восторженнымъ плескомъ, и когда онъ выпилъ нѣсколько глотковъ воды, церемонію начали съизнова (Л. XXXIV—4).»

Многочисленные рукава рѣки доставляютъ возможность идти водою изъ Калькутты въ Дакку, которая по прямой чертѣ лежитъ отъ нея въ пятидесяти четырехъ миляхъ на сѣверовостокъ; но излучистый путь,

которымъ должно слѣдовать, составляетъ болѣе ста тридцати миль.

Отправясь 15 іюня изъ Калькутты, Геберъ увидѣлъ 3 іюля башни Дакки. «По мѣрѣ приближенія нашего къ городу, говоритъ онъ, я приходилъ въ изумленіе отъ его обширности и отъ величія развалинъ, составляющихъ повидимому большую его часть. Кромѣ нѣсколько огромныхъ массъ мрачныхъ замковъ и теремовъ, которыхъ назначеніе легко было отгадать и которыя поросли плющемъ и Бенгальскими смоковницами, кромѣ древнихъ мечетей и пагодъ, очевидно принадлежащихъ къ той же эпохѣ, мы видѣли передъ собой большія и прекрасныя зданія, которыя изъ-дали смотрѣли гостепріимнѣй. Я думалъ, что къ нимъ-то и слѣдуетъ намъ грести, сообразивъ, какъ трудно будетъ возвращаться противъ теченія, если мы спустимся нѣсколько ниже. Но подойдя къ нимъ на такое разстояніе, что ихъ можно было разсмотрѣть, мы увидѣли, что они тоже въ упадкѣ, хотя выстроены позже Джиханъ-гирова царствованія; многія изъ нихъ были Греческой архитектуры; одинъ Индѣйскій обелискъ до того походилъ на колокольню, что изъ-дали совсѣмъ ввелъ меня въ заблужденіе.

«Когда мы причаливали къ берегу, странный звукъ, выходившій какъ бы изъ-подъ воды, внезапно поразилъ слухъ мой. Онъ былъ продолжителенъ, силенъ и дрожащъ, нѣчто среднее между мычаніемъ быка и сопѣніемъ кита, извергающаго воду. «Это купаются слоны, сказалъ мнѣ одинъ Мусульманинъ изъ моихъ спутниковъ: въ Даккѣ ихъ бездна.» Я взглянулъ, и уви-

дѣлъ, что десятка два этихъ прекрасныхъ звѣрей высунули изъ-подъ воды свои головы и хоботы.

«Дакка, по словамъ одного изъ здѣшнихъ Англичанъ, являетъ теперь одинъ остатокъ своего древняго величія. Торговля ея не стóитъ шестидесятой доли противъ прежняго. Всѣ великолѣпныя зданія: дворецъ основателя ея Джиханъ-гира, славная мечеть, воздвигнутая этимъ государемъ, чертоги прежнихъ набабовъ, конторы и церкви Голландцевъ, Французовъ и Португальцевъ, все рушилось и поросло дженглями. На моихъ глазахъ, продолжалъ этотъ Англичанинъ, травили тигра на дворѣ Джиханъ-гировыхъ палатъ, и лошадь одного изъ моихъ знакомыхъ упала при этомъ въ ровъ, заросшій травою и терніемъ. Почти вся хлопчатая бумага, снимаемая на поляхъ Дакки, отправляется въ Англію и приходитъ сюда обратно въ видѣ тканей, предпочитаемыхъ жителями за дешевизну. Здѣсь живетъ еще нѣсколько Армянъ; у нихъ церковь и два священника; между ними есть богатые люди. Одинъ изъ епископовъ Армянскихъ пріѣзжаетъ сюда изъ Нахичевани каждыя пять лѣтъ. Португальцевъ также немного; они здѣсь бѣдны и не въ чести. Грековъ напротивъ гораздо болѣе; они дѣятельны и ловки, часто посѣщаютъ Англичанъ и занимаютъ много низшихъ мѣстъ по управленію. Англичане только тѣ и есть, которые промышляютъ разведеніемъ индиго въ окрестностяхъ, или служатъ по гражданской и по военной части. Гиндусы и Мусульмане составляютъ большинство населенія въ числѣ трехъ сотъ тысячъ душъ.

«Климатъ Даккскій почитается однимъ изъ самыхъ благорастворенныхъ въ Индіи; теплота постоянно умѣряется большими рѣками, которыя текутъ поблизости, и быстрота ихъ водъ уноситъ всѣ гнилостные остатки наводненій съ такой скоростью, о какой на берегахъ Гугли не имѣютъ понятія; воздухъ ни мало не зловреденъ. Впрочемъ не только въ настоящее время года, но даже и въ засуху, нельзя пускаться далеко верхомъ на лошади; весь округъ изрѣзанъ рѣками и потоками: оттого лодки въ общемъ употребленіи и строятся въ большомъ числѣ.

«Одни только мелкія суда того края поднимаются по Гангу до Дакки. Въ дождливую пору и посредственному кораблю можно бъ было отважиться на такой подвигъ; но опасность, съ какою онъ сопряженъ, не вознаградится соразмѣрной прибылью для тѣхъ, кто бы на него рѣшился. Европейцы охотнѣе идутъ въ Чаттиганъ, хотя этотъ портъ тоже негоденъ для судовъ большаго размѣра.

«Компанія содержитъ въ Даккѣ табунъ ста въ три слоновъ, которыхъ ежегодно ловятъ въ лѣсахъ Типерахскихъ и Качарскихъ. Ихъ пріучаютъ ко всему, что нужно для употребленія ихъ въ дѣло. Предназначаемыхъ для сѣверныхъ областей, отправляютъ сперва въ Муршедабадъ, потомъ въ другіе города болѣе къ сѣверу, всегда соблюдая въ этомъ постепенность, ибо различіе тамошняго климата съ Даккскимъ такъ значительно, что опасно подвергать ихъ вдругъ подобной перемѣнѣ.

«Въ Даккѣ живетъ Набабъ; Англичане производятъ ему пенсію и предоставляютъ пользоваться всѣ-

ми почестями, которыя, льстя его суетности, не придаютъ ему ни малѣйшей власти.»

Дакка въ двадцати шести миляхъ отъ впаденія въ Бенгальскій заливъ. Мы прежде видѣли, что въ низовьяхъ своихъ эта рѣка сливается съ Брахмапутрою. Пространство между самымъ широкимъ изъ устьевъ ея и лиманомъ Гугли называется Сондербондсами (Sonderbonds). Оно изрѣзано безчисленнымъ множествомъ рукавовъ этихъ рѣкъ, пересѣкающихся въ томъ же направленіи, и образуетъ тьму низменныхъ острововъ, почти вездѣ поросшихъ некрупнымъ лѣсомъ.

Почва Сондербондсовъ, состоящая вполнѣ изъ намывовъ, нигдѣ не даетъ изъ себя прѣсной воды, что препятствуетъ ея обработкѣ. Эта ужасная пустыня сдѣлалась вертепомъ тигровъ и другихъ дикихъ звѣрей, обезьянъ и чудовищныхъ крокодиловъ. Иногда она оживляется воркованьемъ голубя, пѣніемъ пѣтуха, крикомъ курицы, павлина и попугаевъ. Въ сухую пору, берега рѣки посѣщаются солеварами и дровосѣками, которые отправляютъ свои страшныя ремесла, подвергая жизнь безпрерывной опасности, потому что самые великорослые тигры не только показываются на берегахъ, но пускаются даже вплавь и губятъ людей въ лодкахъ, стоящихъ на якорѣ.

Хотя множество несчастныхъ ежегодно истребляется тиграми, набожные Мусульмане, которые увѣряютъ, что у нихъ есть чары противъ свирѣпости этихъ чудовищъ, поселяются въ жалкихъ избушкахъ вдоль самыхъ береговъ рѣки, и пользуются глубокимъ уваженіемъ своихъ единовѣрцевъ, равно какъ и

Гиндусовъ, которые дерзаютъ иногда въ эти округи, и которые, для снисканія пріязни мнимыхъ знахарей, дарятъ имъ съѣстные припасы и Гвинейскія монеты (раковины). Факиры всегда почти кончаютъ тѣмъ, что становятся добычею дикихъ животныхъ; но чѣмъ долѣе они остаются въ живыхъ, тѣмъ болѣе уважаются, и хижина одного изъ нихъ не успѣетъ упраздниться, какъ другой спѣшитъ уже занять ее. Маленькіе курганы означаютъ подлѣ избъ мѣста, гдѣ ставятся остовы усопшихъ, и дровосѣки никогда не проходятъ мимо безъ молитвы, передъ начатіемъ своихъ работъ.

Протяженіе южнаго берега Сондербондсовъ составляетъ шестьдесятъ миль отъ востока къ западу. Дельта вливается въ море осьмью рукавами. Суда ходятъ наиболѣе по лиману Гугли. Геберъ вошелъ въ него 4 октября 1823 года.

«На разсвѣтѣ, говоритъ онъ, мы увидѣли островъ Сагоръ, совершенно плоскій и болотистый, съ большими густыми деревьями, похожими на мрачныя сосны, и съ дженглями, зелени самой яркой и вышиною съ наши молодые лѣса. Въ зрительную трубу могъ я различить животное, подобное лани, которое бродило или лежало въ болотной травѣ, далѣе развалившіяся избы и строенія, похожія на сараи.

«Это остатки деревни, начатой товариществомъ, которое составилось для вырубки лѣсовъ и обсушки болотъ Сагорскихъ; но замѣчено, что пока вырубали дженгли съ одной стороны, море захватывало берега съ другой, потому что песчаный грунтъ его не могъ противиться силѣ напора; и такъ земли эти сно-

ва предоставлены ланямъ и тиграмъ въ обладаніе. Впрочемъ онѣ и всегда имѣли худую славу, и внушаютъ, какъ я слышалъ, такой ужасъ туземцамъ, что трудно склонить ихъ пристать къ дикому берегу: они никакъ не могутъ забыть опасностей, угрожающихъ тамъ незваному гостю. Я думаю, что все это, по обыкновенію, преувеличено; однако жъ нельзя не порадоваться, что такой спасительный страхъ удерживаетъ праздныхъ матросовъ и молодыхъ офицеровъ Англійскихъ отъ занятія охотою на Сагорскомъ берегу, какъ это водилось прежде. Здѣшній берегъ, равно какъ и острова, чрезвычайно вредны для здоровья: они пожигаются солнцемъ на отвѣсъ, а окружающая васъ вода достаточно показываетъ своей мутностью, что въ ней распущены многочисленные органическіе остатки.

«Однимъ изъ первыхъ признаковъ здѣшняго обычая, былъ для насъ трупъ, медленно носившійся по водѣ, какъ это водится у Гиндусовъ.

«Около полудня подошли къ намъ лодки съ плодами и рыбой, управляемыя Гиндусами; всѣ люди были тонки и чрезвычайно черны, но стройны, не слишкомъ худы и съ прекрасными чертами; они продали намъ шадековъ *, банановъ и кокосовъ. Пришло нѣсколько лодокъ одна за другою, нѣкоторыя—больше первой и о двухъ мачтахъ, какъ галіотты; гребцы на нихъ были еще выше и красивѣе собою, нежели тѣ, которыхъ мы прежде видѣли. Капитанъ, въ бѣлой чалмѣ, навернутой на красную шапку, былъ

* Родъ лимоновъ.

одѣтъ въ короткую бѣлую рубаху безъ рукавовъ и имѣлъ серебряное кольцо на рукѣ, повыше локтя; люди его были почти наги, только чресла ихъ прикрывались лоскутомъ холста. Кожа у нихъ была темно-бронзоваго цвѣта, такого, какъ на древней бронзѣ, что, въ соединеніи съ красою формъ и соразмѣрностію членовъ, напоминало не въ одномъ изъ нихъ Греческія статуи того металла. Въ отношеніи къ росту и крѣпости сложенія, они уступали большей части нашихъ гребцовъ.

«Неподалеку отъ селенія Кеджери, предъ которымъ рѣка Гугли около трехъ миль шириною, видна со всѣхъ сторонъ печальная, сплошная черта густыхъ и мрачныхъ кустарниковъ; она казалась непроходимою и безконечною, и легко было воображать ее населенною всѣмъ, что только есть чудовищнаго, гадкаго и опаснаго, начиная съ тигра и кобры-капелло до скорпіона и москитовъ, начиная съ бури и грома до заразительной лихорадки. Матросы и офицеры не могли говорить безъ ужаса о здѣшнемъ краѣ, могилѣ для всѣхъ, кто оставался въ сосѣдствѣ его на нѣсколько дней, и даже подъ лучезарнымъ солнцемъ, которое освѣщало насъ на ту пору, не трудно было представить себѣ, какими зловредными испареніями онъ весь дышитъ. По мѣрѣ приближенія нашего къ Сондербондсамъ, видъ ихъ становился менѣе непріятнымъ. Кустарники являли большее разнообразіе зелени и оттѣнковъ; виднѣлись кругловерхія деревья и мелкія пальмы, и вѣтеръ съ берега навѣвалъ ароматъ растительнаго царства. Теченіе здѣсь пресильное, и борьба его съ мор-

скимъ приливомъ вздымаетъ бурыя волны. Присутствіе кокосовъ возвѣщало край болѣе открытый и болѣе обитаемый. Дженгли удалялись отъ береговъ рѣки, уступая полямъ съ прекрасной зеленью, какова у насъ луговая: мнѣ сказывали, что это сарацинское пшено. Тамъ разбросаны были рощицы и деревни изъ мазанокъ, покрытыхъ мхомъ и до того низменныхъ, что ихъ можно бъ было принять за копны сѣна.»

ГЛАВА XLVIII.

Гиндустанъ: Деканъ, Гандуанскія горы, плоскость Омеркантокъ, истоки Нербеды, Соне и Маханедди. Алмазы. Нагпуръ. Берарскія горы. Элличпуръ. Хребетъ западныхъ Гатовъ. Даулетабадъ. Элора. Ауренгабадъ. Карли. Гайдерабадъ. Города въ Ориссѣ и Серкерскіе.

Области Гиндустана, которыя мы только что успѣли обозрѣть, давно знамениты плодоносіемъ и богатствомъ своихъ произведеній. Гиндусы, включая въ число этихъ областей и тѣ, которыя граничатъ къ западу съ Индомъ, называютъ ихъ въ отношеніи къ восточнымъ и южнымъ частямъ *Медгая-део*, срединнымъ краемъ: это—собственный Гиндустанъ.

Къ югу начинается Деканъ; онъ граничитъ на сѣверъ съ рѣкою Нербедой, текущей отъ востока къ западу, и воображаемою чертою, которая идетъ въ противоположномъ направленіи отъ истоковъ этой рѣки до устья Гугли. Прочіе рубежи Декана суть, къ югу, теченіе Кришны * и Тумбедры; къ востоку — заливъ Бенгальскій, къ западу—часть Индѣйскаго моря, называемая Оманскимъ заливомъ. Туземные географы разумѣютъ подъ именемъ Декана весь полуостровъ на югъ отъ Нербеды до мыса Коморина.

Гандуана, самая сѣверная изъ Деканскихъ областей, покрыта горами, часто безплодными, крутыми и едва

* Кистна у Арросмита.

проходимыми. Мѣстами есть дремучіе лѣса, раздѣляемые прекрасными, плодоносными долинами. Населеніе состоитъ преимущественно изъ Гандовъ и Чобановъ, которыхъ Англійскія описанія представляютъ дикарями свирѣпыми и едва укротимыми; нѣкоторыя племена этихъ народовъ почти совершенно независимы.

Среднюю вышину Гандуанскихъ горъ полагаютъ до тысячи тоазовъ; главное направленіе ихъ отъ востока къ западу, но въ разныя стороны идутъ вѣтви. На гребнѣ, отдѣляющемъ систему Бенгальскаго залива отъ водъ, принадлежащихъ къ Оманскому, стоитъ Омеркантокъ на высотѣ 2,463 футовъ, подъ 22° сѣверной широты; это извѣстное святое мѣсто у Гиндусовъ. Округъ его дикъ, малолюденъ и посѣщается лишь богомольцами, которые бываютъ у истоковъ Соне и Нербеды. Въ 1828 году, ни одинъ Европеецъ не обозрѣвалъ еще этого высокаго мѣста; по расказамъ туземцевъ, обѣ рѣки обязаны началомъ своимъ водѣ, скопляющейся въ дебряхъ горъ, которыя образуютъ высокую плоскость Омеркантока.

Источникъ рѣки Маханедди на южномъ склонѣ этой плоскости. Послѣ многихъ извилинъ она входитъ въ Ориссу и впадаетъ нѣсколькими рукавами въ Бенгальскій заливъ. Она пріемлетъ множество притоковъ; длина ея двѣсти пятьдесятъ миль. Въ пескѣ Маханедди, особенно въ устьѣ многихъ протоковъ ея съ лѣвой стороны, которые бѣгутъ съ горъ Курбахскихъ, находятся разной величины алмазы лучшаго достоинства. Ихъ собираютъ также послѣ дождей въ илѣ и пескѣ, остающихся по береговымъ рытви-

намъ и на намывныхъ островкахъ. Тамъ отыскиваетъ ихъ горское поколѣнiе Джахары. Между 21 и 22 градусами сѣверной широты лежитъ почти неприступный округъ, гдѣ извиваются алмазоносные потоки; онъ чрезвычайно вреденъ для здоровья, что явно уже по виду его жителей.

Нагпуръ, во влажной равнинѣ, на лѣвомъ берегу маленькой рѣки Нага, впадающей въ Бенгангу, есть главный городъ Гандуаны и мѣсто пребыванiя раджи, за которымъ Англичане оставили довольно большiя земли; онъ управляетъ ими по произволенiю, но подъ надзоромъ резидента Англiйскаго. Этотъ городъ, съ своими ста пятнадцатью тысячами жителей, не представляетъ ничего замѣчательнаго.

Немного далѣе къ западу лежитъ Бераръ, котораго ущелистыя горы были осмотрѣны Англiйскими инженерами; онѣ болѣе двадцати пяти миль въ протяженiи и посылаютъ къ сѣверу и юговостоку отроги, раздѣляющiе собою разныя системы рѣкъ. Главныя изъ нихъ Тапти, текущая къ западу, Бенганга и Пурна, которыя направляются къ югу. Вѣтви этихъ горъ, идущiя на западъ, примыкаютъ на сѣверъ отъ 20° широты къ передовымъ высотамъ западныхъ Гатовъ.

Этотъ знаменитый хребетъ начинается на лѣвомъ берегу Тапти и идетъ къ югу до мыса Коморина въ параллель съ западнымъ берегомъ Декана, отъ котораго онъ всюду весьма близко. Такъ какъ наибольшее разстоянiе его отъ Оманскаго моря двадцать пять миль, а среднее разстоянiе — семь, то вся его длина составляетъ около трехъ сотъ сорока миль. Средняя

вышина Гатскихъ горъ простирается повидимому до осми тысячъ четырехъ сотъ футовъ, а главныя вершины ихъ достигаютъ по-крайней-мѣрѣ тринадцати тысячъ футовъ высоты.

Имя *Гатовъ*, означающее тѣснины, дано этимъ горамъ по многочисленности ихъ ущелій. Скаты ихъ, крутые къ западу, гораздо отложе на востокъ. Съ этой стороны они поддерживаютъ возвышенную плоскость Декана. Вездѣ покрыты они густыми лѣсами и часто представляютъ самыя живописныя мѣста.

Высота Гатовъ такова, что они задерживаютъ облака въ ихъ теченіи, и въ слѣдствіе того, противоположныя времена года господствуютъ въ одну и ту же пору къ востоку и къ западу отъ хребта. Тогда какъ на приморскомъ берегу стоитъ дождливая и бурная погода, сопровождающая югозападные муссоны, къ востоку отъ горъ царствуетъ лѣто въ полномъ великолѣпіи, и на оборотъ здѣсь съ сѣверозападнымъ муссономъ настаетъ зима, а къ западу прекрасное время года. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южной части этого берега, въ теченіе іюня, іюля и августа, выпадало ежегодно до ста тридцати дюймовъ воды, тогда какъ земли, смежныя съ горами къ востоку, орошались только самыми умѣренными дождями. Причина разности климатовъ исчезаетъ къ сѣверу отъ Тапти, гдѣ югозападный муссонъ, не встрѣчая болѣе преградъ въ горныхъ гребняхъ, дѣйствуетъ безпрепятственно и разноситъ по всему краю проливные дожди.

Не смотря на то, что пространство, лежащее вы-

ше Гатовъ, слыветъ плоскостью, поверхность его вездѣ холмиста, а индѣ и гориста.

Около 15° широты, Гатскія горы, хотя круты и каменисты, однакожъ отнюдь не дики и не раздѣлены на громады нагихъ скалъ. Поверхность ихъ покрыта тучнымъ черноземомъ; чтобъ узнать ее въ настоящемъ видѣ, должно разрыть этотъ верхній свой. Лѣса наполнены великолѣпными деревьями, и нигдѣ не увидишь такихъ прекрасныхъ бамбуковъ, какіе ростутъ въ этой части хребта. Ротани (натуральныя трости) также достигаютъ здѣсь страшной величины; попадались изъ нихъ такіе, въ которыхъ было до двухъ сотъ двадцати пяти футовъ длины, а толщиной они превосходили огромный тростникъ Малаккскій.

Провозъ артиллеріи и военныхъ обозовъ чрезъ Гатскія тѣснины первоначально былъ сопряженъ съ большими затрудненіями, но дороги, пробитыя Англичанами, одолѣли всѣ преграды поставленныя природой, и теперь ѣзда довольно легка.

Берарь — высокая долина, куда достигаете вы чрезъ цѣлый рядъ уваловъ; нѣкоторые изъ нихъ непроходимы для верблюдовъ съ вьюками, другіе напротивъ весьма доступны для конницы, что подвергало этотъ край частымъ набѣгамъ. Часть Берара покрыта одними кустарниками. Самая большая рѣка его — Тапти.

Значительная вышина страны надъ моремъ умѣряетъ жаръ, который въ долинахъ жестокъ. Зимою ощутительны въ горахъ морозы.

Главный городъ Элличпуръ лежитъ между рѣками Сарпаномъ и Бичаномъ, которыя неподалеку сливают-

ся въ одну и бѣгутъ потомъ въ Пурну, притокъ Тапти. Элличпуръ изрядно населенъ и довольно крѣпокъ. Властитель его, Низамъ, имѣетъ здѣсь кирпичный дворецъ.

Далѣе къ югозападу должно переходить Сешашольскія горы, а еще далѣе въ томъ же направленіи встрѣчается крѣпкій городъ Даулетабадъ, котораго цитадель выстроена на гранитномъ холмѣ, вышиною въ пятьсотъ футовъ и совершенно отдѣльномъ отъ ближнихъ горъ (Л. XXXV—1).

Неподалеку на сѣверъ, селеніе Элора, среди равнины, привлекаетъ вниманіе путешественниковъ Индѣйскими храмами, пробитыми въ горѣ, которая отсюда на Англійскую милю.

«При видѣ этихъ храмовъ, говоритъ путешественникъ Джонъ Сили (Seely), который сообщилъ подробное ихъ описаніе, и глаза ваши, и воображеніе равно поражаются разнообразіемъ любопытныхъ предметовъ, обступающихъ васъ со всѣхъ сторонъ. Вы чувствуете вдругъ столько изумленія и удовольствія, что сначала впечатлѣнія эти тяжки, и должно дать имъ нѣсколько времени на успокоеніе, чтобъ потомъ внимательно созерцать чудеса, которыми вы окружены. Безмолвіе, подобное гробовому, пустынность окрестныхъ равнинъ, романическая прелесть края и самая гора вездѣ изрытая, все вмѣстѣ поражаетъ духъ чужеземца ощущеніями совершенно новыми и весьма различными отъ тѣхъ, съ какими разсматривалъ онъ великолѣпныя зданія среди обычнаго городскаго шуму. Здѣсь все призываетъ умъ къ созерцанію и все, что вы ни видите передъ собою, уно-

ситъ васъ въ отдаленный періодъ, въ эпоху могучаго народа, достигшаго высокой степени гражданственности, тогда какъ предки наши были еще дикарями, живущими въ лѣсахъ...

«Вообразите жъ изумленіе путешественника, когда на обширномъ дворѣ передъ нимъ внезапно открывается храмъ, изсѣченный въ каменномъ утесѣ; всѣ части его прекрасны до чрезвычайности, и онъ совершенно отдѣленъ отъ ближней горы пространствомъ въ двѣсти пятьдесятъ футовъ длины и въ полтораста шириною. Высота храма около ста футовъ, длина — сто сорокъ пять, ширина болѣе шестидесяти; двери, окна превосходной отдѣлки, равно какъ и лѣстницы къ верхнимъ ярусамъ, заключающимъ въ себѣ пять большихъ храминъ, съ отлично палированными стѣнами, и раздѣленныхъ весьма правильно рядами колоннъ. Окружность этой громады изваяній простирается до пяти сотъ футовъ. Кромѣ того, въ параллель съ тремя его сторонами идутъ три галереи, поддерживаемыя колоннами; амбразуры, пробитыя въ отвѣсномъ утесѣ, окружающемъ дворъ, вмѣщаютъ сорокъ двѣ исполинскія фигуры Индѣйской миѳологіи. Три галереи занимаютъ пространство около четырехъ сотъ футовъ въ длину, также пробитое въ горномъ кряжѣ; ширина ихъ тринадцать футовъ два дюйма; вышина — четырнадцать футовъ съ половиною. Надъ ними высѣчены прекрасныя, большія залы. Во дворѣ, противъ галерей, возвышается *Кейласъ*, то есть, храмъ, о которомъ мы сей часъ говорили. Не думаю, чтобъ гдѣ нибудь въ цѣломъ мірѣ существо-

валъ остатокъ древности, превосходнѣе этого по величію мысли и по изяществу выполненія.

«Между тѣмъ въ Элорѣ еще двѣнадцать храмовъ изсѣчены такимъ образомъ въ горахъ. Цѣлый рядъ жилищъ и храмовъ простирается по правую и по лѣвую сторону на одну съ четвертью Англійскую милю, въ направленіи съ сѣвера на югъ.»

Внутренность всѣхъ этихъ капищъ украшена изваяніями, представляющими разные лики Индѣйской миѳологіи. Не всѣ совершенно походятъ на Кейласъ, но каждый отличается какою нибудь особенною красою. Многія статуи очевидно изображаютъ Будду и его небесныхъ слугъ.

Входъ, называемый Бисма-Кармъ, обращенъ въ южную сторону. При видѣ его, человѣкъ съ пылкой головой легко можетъ увлечься мечтою и вообразить себя предъ чертогомъ царя Гномовъ (Л. XXXV — 2). Этотъ фасадъ, прекраснѣйшій изъ всѣхъ Элорскихъ, поражаетъ своимъ благороднымъ величіемъ; эффектъ возвышается еще болѣе уединеннымъ положеніемъ храма и густымъ листьемъ деревъ и кустарниковъ, которыми онъ окруженъ.

Южный край Элорскихъ изсѣченій оканчивается капищемъ, наименѣе великолѣпнымъ въ отношеніи къ богатству отдѣлки, но замѣчательнымъ по положенію и по рядамъ громадныхъ колоннъ, поддерживающихъ его отовсюду. Оно называется Дгеръ-Уарра (Л. XXXV—3). Это Буддійскій храмъ. Главная храмина, изображенная на картинкѣ, имѣетъ около ста футовъ въ длину и до сорока въ ширину, кромѣ боковыхъ углубленій; столбы, поддерживающіе сводъ, менѣе, но

изящнѣй, чѣмъ въ другихъ пещерахъ; здѣшняя отличается еще двумя невысокими помостами, которые идутъ во всю ея длину. Полагаютъ, что онѣ были устроены для удобства учащихся, писцовъ и разнощиковъ. Торгъ, производимый Гиндусами при всѣхъ возможныхъ случаяхъ и обычай ихъ учреждать ярмонки въ праздничные дни, придаютъ этому предположенію большую вѣроятность. Пещера чрезвычайно сподручна для подобной цѣли; входъ и выходъ свободны до такой степени, что она служитъ обычнымъ убѣжищемъ бродячему скоту. Нечистоты его и множество разныхъ насѣкомыхъ, которыхъ онъ привлекаетъ, были безъ сомнѣнія поводомъ къ оставленію этой пещеры и къ распространенію въ народѣ молвы, будто она годится только въ жилье навозникамъ.

Украшенія Элорскихъ храмовъ много потерпѣли отъ руки Мусульманъ; воспламененные изувѣрствомъ, чтители Магомета разбивали статуи и барельефы, выскабливали живопись на сводахъ, истребили во многихъ мѣстахъ штукатурку. «Теперь, говоритъ путешественникъ Сили, когда Элора и смежные съ ней округи, принадлежавшіе нѣкогда Мараттамъ, въ нашей власти, должно надѣяться, что правительство Индіи обратитъ вниманіе на эти древности, по истинѣ удивительныя. Охраненіе ихъ не требовало бы важныхъ издержекъ; время весьма слабо исказило большую часть этихъ чудесныхъ памятниковъ, и не допускать ихъ до разрушенія было бы дѣломъ, достойнымъ народа могущественнаго, щедраго и любящаго науки.

«Первый путешественникъ, который посѣтилъ ихъ, былъ, кажется, Ж. Тевно (Thévenot); описаніе его неточно во многомъ: онъ говоритъ, что на пространствѣ полуторы Французской мили или двухъ видны вездѣ чудесныя гробницы, капища и храмы; онъ вѣрнѣе бы выразился, сказавъ на пространствѣ двухъ миль Англійскихъ. Впрочемъ, онъ только два часа обозрѣвалъ эти пагоды.» Сили присовокупляетъ, что замѣчаніемъ своимъ онъ отнюдь не намѣренъ унизить достоинствъ Тевно; впрочемъ, онъ такъ разсудителенъ, что нельзя и подозрѣвать его въ подобномъ умыслѣ. Онъ долженъ былъ видѣть съ удовольствіемъ, что Элора въ 1666 году внушала Тевно тѣ же чувства, какія Сили выразилъ въ 1820-мъ. Вотъ слова Французскаго путешественника.

«Глядя на это множество обширныхъ храмовъ, наполненныхъ пилястрами и колоннами, и столькими тысячами фигуръ, можно сказать по справедливости, что работы эти превосходятъ силы человѣческія и что по-крайней-мѣрѣ люди вѣка, къ которому онѣ принадлежатъ, были не совсѣмъ варварами, хотя архитектура и ваяніе ихъ не такъ утонченны какъ наши. Я употребилъ только два часа на обзоръ мною описаннаго, а разумѣется, потребно было нѣсколько дней для осмотра всего, что есть здѣсь рѣдкаго; у меня не было столько времени: мнѣ надлежало торопиться, чтобъ застать товарищей въ Ауренгабадѣ, и я прервалъ свое любопытство (j'interrompis ma curiosité), но, признаюсь, съ крайнимъ сожалѣніемъ.»

Красивый городокъ Розахъ, въ полуторѣ мили отъ Элоры, знаменитъ какъ хранилище смертныхъ остан-

ковъ Аурензеба и Мусульманскаго угодника Бурханъ-эд-дина, основателя города Бурханпура Гробница факира лучше императорской. Продолжая путь по плоскости, на которой стоитъ Розахъ, Сили достигъ вершины ущелья, вымощеннаго однимъ изъ придворныхъ Аурензебовыхъ. Равнины, между Даулетабадомъ и Аурангабадомъ внушаютъ печальныя думы: почва плодоносная; онѣ орошены многими рѣками и смежны съ большимъ городомъ, а при всемъ томъ показались бы степью всякому, кто привыкъ къ виду Англійскихъ полей, гдѣ благоденствіе и безопасность живутъ вмѣстѣ. Сили не встрѣтилъ здѣсь десяти душъ человѣческихъ и замѣтилъ, что едва ли десятая часть земли въ обработкѣ.

Изъ-дали, Ауренгабадъ представляется въ величественномъ видѣ, благодаря своимъ минаретамъ, которые выстрѣлены надъ купами прекрасныхъ деревъ, огромнымъ бѣлымъ главамъ мечетей, съ золочеными шпицами, блестящими на солнцѣ, и множеству домовъ съ уступчатыми кровлями, которыя возвышаются изъ-за городскихъ стѣнъ. Но подъѣзжайте ближе, и очарованія какъ не было. Половина этого малолюднаго города вся въ развалинахъ, въ совершенномъ упадкѣ. Блескъ его померкъ вмѣстѣ съ жизнію монарха, чье имя онъ сохраняетъ. Между тѣмъ улицы вообще широки, а нѣкоторыя и вымощены; въ разныхъ частяхъ есть прекрасные, большіе дома, общественныя зданія, мечети, каравансераи хорошей постройки. Сады и купы деревъ, площади, водометы разнообразятъ перспективу и украшаютъ улицы; въ лавкахъ пестрѣютъ драгоцѣнные товары, производи-

мые туземною промышленостью или плодоносіемъ почвы; но въ цѣломъ городѣ царствуетъ какое-то запустѣніе, показывающее, что слава его миновала.

Ауренгабадъ лежитъ во владѣніяхъ Низама, правящаго подъ надзоромъ Англійскаго резидента, то есть попечителя. Этотъ городъ стоитъ въ равнинѣ, окруженной горами, на семь миль отъ Годавери къ сѣверу. Переѣхавъ черезъ рѣку и продолжая путь далѣе на югозападъ, вы встрѣчаете Карли, мелкую деревушку противъ Логорской крѣпости.

Въ двухъ съ половиною Англійскихъ миляхъ отъ Карли, цѣпь холмовъ, идущая отъ востока къ западу, представляетъ изсѣченія, подобныя Элорскимъ, но не столь многочисленныя. Они были осмотрѣны и описаны госпожею Греэмъ (Graham), Англиканскимъ эпископомъ Геберомъ и лордомъ Валеншіэ. Фасадъ большаго храма, обращенный на западъ, возвышается на триста футовъ отъ подошвы холма и доступенъ только по узкой и крутой дорожкѣ, віющейся по бокамъ возвышенности. Этотъ излучистый всходъ, между деревъ, кустарниковъ и каменныхъ обломковъ, нѣсколько облегченъ ступеньками, пробитыми въ скалѣ. Такимъ образомъ достигаете вы довольно жалкаго храма Шивы, служащаго какъ бы папертью большой пагодѣ; другое, во всемъ подобное ему, маленькое зданіе стоитъ направо отъ его портика. «Насъ тотчасъ окружили, говоритъ Геберъ, маленькіе брахманскіе мальчики, совершенно нагіе и праздные, которые, вмѣстѣ съ одной старухою той же касты, выдавали себя за охранителей святилища, и вызывались показать намъ всѣ чудеса его и

повѣдать его исторію. Я спросилъ, кто былъ его основателемъ. — Царь Панду, — отвѣчали они. Но ему приписываютъ всѣ подземные храмы и вообще всѣ древніе памятники, которыхъ начало неизвѣстно.»

Храмъ Шивы стоитъ на платформѣ во сто футовъ ширины. Пространство это выровняли, срѣзавъ бока каменной горы на столько, что образовалась перпендикулярная поверхность футовъ въ пятьдесятъ. «Въ ней пробили рядъ пещеръ, говоритъ лордъ Валеншіэ, изъ которыхъ одна поразила меня своею обширностью и формой: передъ нею родъ сѣней въ видѣ параллелограмма. Большая арка съ сквозной рѣзьбою служитъ входомъ въ храмъ, котораго длина сто двадцать шесть, ширина—сорокъ шесть футовъ. Верхъ ея — сводомъ и лежитъ съ обѣихъ сторонъ на столбахъ, по большей части, шестиугольныхъ. Подножія ихъ походятъ на прямыя подушки, а капители точно опрокинутый колоколъ, на которомъ стоятъ два слона, каждый съ двумя всадниками.»

Кружала этого свода особенно замѣчательны тѣмъ, что всѣ изъ тековаго дерева; они совершенно пригнаны къ занимаемому ими мѣсту и держатся на зубцахъ, входящихъ въ отверзтія каменной стѣны. Цѣлію такой постройки полагаютъ то, чтобъ предупредить вредъ, который могли бы нанести этому прекрасному зданію дожди, господствующіе во время муссона. Деревянная связь сохраняется въ наилучшемъ состояніи и производитъ прекрасный эффектъ въ перспективѣ внутренности, которая вообще весьма изящна и была бы великолѣпнымъ храмомъ для всякаго богослуженія. Въ глубинѣ возвышается боль-

шой наметъ на толстой круглой колоннѣ (Л. XXXV—4). На стѣнахъ нѣтъ ни какихъ фигуръ; за то сѣни покрыты обронными изображенiями слоновъ, мужчинъ, женщинъ и Буддъ. Надписей множество повсюду.

Къ сѣверу отъ большой пещеры, простирается рядъ другихъ на протяженiи трехъ сотъ пятидесяти футовъ. Они четыреугольныя съ плоскими сводами и вѣроятно предназначены для помѣщенiя служителей храма. Въ послѣдней есть статуя Будды, а въ другой еще надпись. Тотчасъ видно, что ни одна изъ этихъ пещеръ не кончена. Направо отъ входа въ большую пагоду, огромный водоемъ, также пробитый въ утесѣ, содержитъ въ себѣ чистѣйшую воду.

Карли миляхъ въ десяти къ сѣверу отъ Пуны, нѣкогда столицы Мараттскихъ владѣнiй, а теперь главнаго города одной изъ Англiйскихъ округъ. Этотъ городъ, лежащiй при слитiи Мулы съ Мутою, которыя соединенiемъ своимъ образуютъ Мута-Мулу, находится въ большой равнинѣ, у восточной подошвы западныхъ Гатовъ, въ двадцати пяти миляхъ отъ морскаго берега, на высотѣ двухъ тысячъ футовъ и среди горъ трапповой формацiи, которыя отличаются свойственною этой породѣ крутизной. При Мараттскомъ владычествѣ, многiя изъ нихъ увѣнчаны были крѣпкими замками, которые теперь, по большей части, пусты.

«Пуна, говоритъ Геберъ, некрасивый городъ; она кажется невелика, между тѣмъ я узналъ, къ моему крайнему удивленiю, что въ ней болѣе ста тысячъ душъ. Она не имѣетъ ни стѣнъ, ни крѣ-

пости, худо вымощена, построена неправильно; тѣсныя улицы перенимаются смоковницами; базары жалкіе; есть много пагодъ, но рѣшительно не найдете ни одной большой или замѣтной красотою. Дворецъ огроменъ и заключаетъ въ себѣ премилое квадратное зданіе, окруженное портиками изъ колоннъ рѣзной работы; но наружность его самая скромная.»

Сили не одинаковаго мнѣнія съ епископомъ. «Солнце было на послѣднемъ закатѣ, говоритъ этотъ путешественникъ, когда я пріѣхалъ въ Пуну; лучи его отражались на кровлѣ многочтимаго храма Парватти, на стѣнахъ, унизанныхъ башеньками, на большихъ бѣлыхъ домахъ съ террасами, на блестящихъ обелискахъ и на красивыхъ пагодахъ, перемѣшанныхъ съ зданіями Мусульманскими, съ чертогами Гиндусовъ, съ замками и садами; все это вмѣстѣ, при ясномъ вечерѣ, представляло величавую перспективу, а прекрасная рѣка, текущая передъ городомъ, присоединяла новую, интересную черту къ совокупности картины. Впечатлѣніе, производимое ею, не изгладилось и по въѣздѣ моемъ въ самый городъ, гдѣ кипѣла значительная толпа и гдѣ было столько разнообразія, сколько я могъ предполагать изъ-дали, за полмили. Домы велики, массивны, всѣ каменные; кажется, они выстроены скорѣе для защиты, чѣмъ для удобствъ жизни. Большая улица широка и прекрасна; на фасадахъ многихъ домовъ изображены грубой живописью миѳологическія легенды; это, вмѣстѣ съ мрачнымъ цвѣтомъ деревянныхъ изваяній, придаетъ имъ видъ странный и фантастическій, но тѣмъ не менѣе веселый. Улицы называются также именами особъ Индѣйской миѳологіи, такъ что,

прогуливаясь здѣсь, узнаете исторію всѣхъ главныхъ божествъ брахманизма. Впрочемъ ни что не обнаруживаетъ въ Пунѣ прежней столицы государя могущественнаго.

Въ окрестностяхъ Пуны есть множество мѣстъ, освященныхъ религіознымъ рвеніемъ Гиндусовъ; но всего замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи живое божество, которое посѣщали Госпожа Греэмъ и Лордъ Валенціэ.

Этотъ божокъ, называемый то Чинтанамъ Део, то Нарраинъ Део, живетъ въ маленькомъ городкѣ Чинчурѣ, въ десяти миляхъ къ сѣверо-сѣверо-западу отъ Пуны, на рѣкѣ Мутѣ. Бо́льшая часть Мараттовъ видитъ въ немъ воплощеніе Гунпати или Ганесы, любимаго божества ихъ. Божокъ является всегда въ родѣ потомковъ Марабы Госсейи, знаменитаго примѣрною набожностью и награжденнаго за то избраніемъ въ сосуды воплощенія Ганесы; въ тоже время божество удостоило ввѣрить ему на сбереженіе священный камень, находящійся въ храмѣ. Высокая милость, посѣтившая этотъ родъ, должна простираться до двадцать перваго поколѣнія.

Бара, или чертогъ, Нарраина-Део состоитъ изъ огромной массы зданій, близъ береговъ рѣки Муты.

«Взойдя на дворъ чертога, говоритъ Госпожа Греэмъ, мы увидѣли нѣсколькихъ Гиндусовъ за весьма почетнымъ занятіемъ: они приготовляли коровій калъ для обмазки грунта въ барѣ. Мѣсто это показалось намъ очень грязнымъ; окна были унизаны толстыми, краснощекими брахманами, которые вѣрно тщательно пекутся о доходахъ божества. Део сидѣлъ

на деревянномъ сѣдалищѣ, въ весьма плохой галереѣ. Ни чѣмъ не отличался онъ отъ другихъ дѣтей, кромѣ какого-то блуждающаго взгляда, что́ происходитъ, говорятъ, отъ сильныхъ пріемовъ опіума, которые даютъ ему каждый день. Ему не дозволяютъ молиться съ другими дѣтьми, ни говорить на иномъ языкѣ, кромѣ Санскритскаго, онъ бесѣдуетъ лишь съ брахманами, и только. Онъ принялъ насъ очень вѣжливо и сказалъ, что всегда душою радъ видѣть Англичанъ. Поговоривъ съ нимъ чрезъ брахманскаго переводчика, мы откланялись Део, онъ поподчивалъ насъ изъ своихъ рукъ миндалемъ и леденцами, продушенными вонючей камедью (assa-fœtida); мы подарили ему зато горсть рупій.

«Изъ дворца мы пошли къ гробницамъ предковъ Нарраина-део. Это маленькіе храмы, окруженные мощеными двориками и обсаженные деревьями; они сообщаются съ рѣкою посредствомъ прекрасныхъ лѣстницъ. Служебные обряды совершались здѣсь очень дѣятельно; женщины лили масло, воду и молоко на обожаемые истуканы; дѣти убирали ихъ цвѣтами; святоши и богомольцы творили омовенія, священнослужители возглашали изрѣченія Вѣдъ. Мнѣ казалось, будто все это дѣлается съ какою-то безпечностію. Проходя мимо одного изъ этихъ святилищъ, я замѣтила внутри большой гладко вышлифованный камень; думаю, это тотъ, котораго охраненіе ввѣрено Нарраину-део; но меня просили не подходить къ нему, и я не могла удовлетворить свое любопытство.»

Госпожа Греэмъ была въ Чинчурѣ, въ декабрѣ 1809 года; лордъ Валеншіэ видѣлъ Нарраина-део въ 1803. Део, у котораго было по маленькому бѣльму на обоихъ глазахъ, просилъ пособія Англійскаго медика; но послѣдній не могъ коснуться больнаго, потому что онъ совершилъ свои омовенія на цѣлый день и, выжидая только отбытія Англичанъ, чтобы обѣдать съ толпою брахмановъ, не имѣлъ бы довольно времени для очищенія себя до трапезы. «Ему принесли миндалю, говоритъ путешественникъ; онъ взялъ его горсть и положилъ мнѣ въ руку. Для принятія его, я вошелъ въ комнатку, гдѣ сидѣлъ онъ, и каждый изъ насъ долженъ былъ сдѣлать тоже въ свою очередь. Део очень остерегался, чтобъ мы до него не дотронулись. Онъ далъ мнѣ еще тазикъ съ сарацинскимъ пшеномъ, говоря, что оно отличное. При прощаніи, врачъ нашъ обѣщалъ прислать ему примочки.»

Сожалѣя о глупости Гиндусовъ, слѣпо вѣрующихъ въ столь безсмысленный обманъ, мы однако жъ должны сказать, что онъ былъ весьма полезенъ всему краю при вторженіи владѣтеля Голькарскаго, ибо этотъ суевѣрный государь пощадилъ и избавилъ отъ грабежа округи, смежные съ резиденціею део.

Направляясь къ западу, путешественникъ скоро вступаетъ во владѣнія — державу Низама, образовавшуюся въ первой половинѣ осьмнадцатаго вѣка изъ обломковъ Могольской имперіи въ Деканѣ. Государь исповѣдуетъ исламизмъ, равно какъ и большая часть его подданныхъ. Гайдерабадъ, на правомъ берегу Мосси, столица королевства его, имѣющаго десять милліоновъ жителей. Этотъ обширный городъ, опоя-

санный кирпичною стѣной, имѣетъ двѣсти тысячъ жителей; онъ не представляетъ впрочемъ ничего замѣчательнаго. Англичане держатъ здѣсь гарнизонъ изъ пѣхоты и конницы.

На милю къ сѣверозападу, возвышается на скалѣ, у праваго берега рѣки Мосси, Голькoнда, укрѣпленный городъ и столица бывшаго королевства, завоеваннаго Ауренгзебомъ въ 1687 году. Путешественникъ Тавернье былъ въ Гольcондѣ въ 1652-мъ. Этотъ городъ былъ тогда, какъ и нынѣ, знаменитымъ рынкомъ для торга алмазами; здѣсь ихъ шлифуютъ и рѣжутъ. Пріиски, гдѣ находятъ эти драгоцѣнные камни, лежатъ въ разныхъ разстояніяхъ отъ Голькoнды, только все во владѣніяхъ Низама.

Область Орисса простирается вдоль по Бенгальскому заливу вплоть до устья Годавери; на сѣверѣ у нея Бенгалъ, на западѣ Гандуана. Часть ея, смежная съ берегомъ, одѣта прекрасными лѣсами и, во многихъ мѣстахъ, болотами, гдѣ живутъ крокодилы; далѣе стелются сухія, тощія и малоплодныя равнины; наконецъ, высокія пустынныя горы возвышаются на западѣ. Климатъ по берегамъ вообще зловреденъ; но около нихъ производится съ октября по февраль обильная рыбная ловля, также приготовляется превосходная соль.

Жители, вообще несмышленые, кротки и миролюбивы въ равнинахъ, свирѣпы и негостепріимны въ горахъ. Орисса, также святое мѣсто Гиндусовъ, заключаетъ въ себѣ множество пагодъ, и между-прочимъ Джаггернатскую, изъ-дали поражающую взоры своей огромностью и окруженную такимъ множествомъ жи-

лищъ, что изъ этого выходитъ настоящій городъ. Балассоръ лежитъ сѣвернѣе, неподалеку отъ устья Гугли, а Коттакъ, близъ самаго Джаггерната, между двухъ рукавовъ Маганедди.

Нѣсколько южнѣе этихъ устьевъ, озеро Чилька служитъ предѣломъ сѣвернымъ Серкарамъ, занимающимъ южную часть Ориссы. Политическій рубежъ ихъ на югъ составляетъ Гандегама. Это край, обильный сарацинскимъ пшеномъ, хлопчатой бумагою, индиго, сахаромъ. Тековыхъ лѣсовъ здѣсь очень много. Берегъ вообще низменъ и песчанъ; крутыя горы простираются во внутренность. Главныя рѣки — Годавери и Кришна; между двухъ близкихъ между собою устьевъ ихъ находится большое болотистое озеро Колай.

Въ направленіи отъ сѣвера къ югу, по берегу и внутри края, являются одинъ за другимъ города Генджамъ, Визгапатамъ, Эллора, Янаонъ, принадлежащій Французамъ, Раджамандри, Сиивколе, Мадаполамъ, Мазюлипатамъ, главный городъ и первое торговое мѣсто въ области, гдѣ промышленость весьма дѣятельна. Нѣкоторые изъ упомянутыхъ нами городовъ придали имена свои тканямъ, которыя тамъ выдѣлываются.

ГЛАВА XLIX.

Гиндустанъ: Карнатикъ, Нильгерійскія горы, восточныя Гаты, Коромандельскій берегъ. Путешествіе внутрь края и вдоль берега.

Нынѣ именуютъ Карнатикомъ область, сопредѣльную къ сѣверу съ Гандегамомъ, который отрѣзываетъ ее отъ Серкеровъ; но прежде разумѣли подъ названіемъ Карнатика всю часть Декана, лежащую на югъ отъ Кришны и отъ западныхъ Гатовъ, такъ что къ ней принадлежали Балагатъ, Барамаль, Майсуръ и Коймбетуръ.

Карнатикъ былъ нѣкогда могущественнымъ государствомъ; потомъ онъ раздробился на нѣсколько владѣній; нѣкоторыя изъ нихъ были сильны, другія слишкомъ мелки. Государи ихъ часто воевали между собою; Европейцы, водворившіеся на берегу, именно Французы и Англичане, вмѣшивались въ ихъ междоусобія вооруженною рукою и пользовались случаемъ для распространенія подвластныхъ имъ земель. Англичане были счастливѣе своихъ соперниковъ: они содѣлались господами края, побѣдили владѣльцевъ, которые хотѣли имъ воспротивиться, и только весьма немногихъ оставили на престолѣ, да и тѣхъ подъ своею опекой.

Главныя рѣки суть: Кришна и притоки ея Нейра, Тунбойдра и Вадавилли; потомъ Пеннаръ, Каавери.

Часть этихъ рѣкъ и рѣчекъ выходитъ изъ западныхъ Гатовъ.

Около 11° сѣверной широты, между истоками Бгавани и Каанпура, эта цѣпь посылаетъ къ востоку отрасль Нильгеріевъ (синихъ горъ), которая идетъ на сѣверовостокъ и оканчивается на правомъ берегу Мояра; длина ея около двадцати миль, ширина до пяти. «Нильгеріи, говоритъ одинъ Англійскій путешественникъ, составляютъ родъ отдѣльной плоской возвышенности между западныхъ и восточныхъ Гатовъ. Рѣки Мояръ и Бгавани выходятъ изъ подошвы ихъ главныхъ вершинъ: высота Мурчурибета простирается до 8,900 футовъ; Ута-Камундъ имѣетъ до 6,405, другія выше 5,659 футовъ. Средняя температура воздуха въ апрѣлѣ 1820 года была 65° (14° 65 по Реомюрову термометру), въ маѣ 64° (14 21). Тамъ неизвѣстны душныя ночи, которыя такъ нестерпимы въ Гиндустанѣ: во всякое время года подъ шерстянымъ одѣяломъ можно спать. Въ зимніе мѣсяцы, по среднему выводу, термометръ не опускается ниже 33 (0 44) и не подымается выше 39 (3° 11). Изъ этого видно, что климатъ замѣчателенъ ровностью и умѣренностью. Воздухъ чистъ необыкновенно, потому что вы здѣсь выше облаковъ и тумановъ. Полоса лихорадокъ оканчивается на высотѣ 3,500 футовъ, а въ пяти тысячахъ футовъ отземи исчезаетъ всякая опасность; даже холера, столь губительная внизу, не имѣетъ здѣсь ни какого дѣйствія.

«Эти горы равно подвержены вліянію и югозападнаго и сѣверовосточнаго муссона; но дождливая пора самая здоровая изо всего года. Упругость воздуха

доказывается разстоянiемъ, на какое беретъ въ немъ звукъ, и благотворнымъ, обновительнымъ его дѣйствiемъ на жизненныя силы.

«Еще одна характеристическая черта здѣшнихъ горъ та, что на нихъ вовсе нѣтъ дженглей: значительная часть земли хорошо обработана, а то, что остается въ пару, поросло травою и кустарникомъ. Здѣсь увидите и Европейскiя прозябенiя, напримѣръ красныя и бѣлыя розы, козью жимолость (chèvre-feuille), красные и желтые ясмины, смородинникъ, мирту, мяту, фiалку, маргаритку, ивановъ цвѣтъ. Жители разводятъ огородныя растенiя и овощи Европейскiе, и они чрезвычайно вкусны. Тигровъ здѣсь не вѣдаютъ; есть быки, особенный видъ барановъ, и козы.

«Населенiе состоитъ изъ трехъ племенъ Индѣйскихъ: Котеровъ, Бергеровъ и Джодеровъ. Они живутъ въ отдѣльныхъ деревняхъ. Первые черны и весьма дурны собою; вторые, и самые многочисленные, нѣсколько лучше; но третьи красивѣе всѣхъ другихъ и почти также велики и крѣпкотѣлы, какъ Европейцы; у нихъ правильныя, пригожiя черты и сложенiе хорошее. Они ведутъ пастушескую жизнь и питаются отъ стадъ своихъ буйволовъ, переходя съ мѣста на мѣсто со всѣмъ имуществомъ и не останавливаясь ни гдѣ для земледѣлiя.»

Здоровый климатъ Нильгерiйскихъ горъ обратилъ на себя вниманiе Британскаго правительства. Тамъ учреждены постоялые дворы, куда отправляются люди, разстроившiе свое здоровье житьемъ въ равнинахъ. Для этого проложены дороги, по которымъ удобно

путешествовать въ паланкинѣ, и по которымъ даже буйволы везутъ безъ затрудненія.

Гдѣ оканчиваются Нильгерійскія горы, тамъ начало восточныхъ Гатовъ, которыя идутъ съ юга на сѣверъ, отъ 11° до 16° сѣверной широты; здѣсь лѣвый берегъ Кришны служитъ имъ границею. Вышина ихъ въ точности не измѣрена, но достовѣрно, что они ниже западныхъ Гатовъ. Палагаютъ, что подъ 13° широты, гдѣ находятся главныя ихъ вершины, высота гребней достигаетъ трехъ тысячь футовъ, а Бангалорская возвышенность къ Ускоттаху быть-можетъ и выше. Рѣки, вытекающія изъ этихъ горъ, всѣ до одной идутъ къ востоку, и многія изъ тѣхъ, которыя пріемлютъ начало въ западныхъ Гатахъ, пересѣкаютъ хребетъ Гатовъ восточныхъ, который простирается на сто сорокъ миль; ширина ихъ тоже значительна. Двѣ смежныя страны, по положенію своему относительно этихъ горъ, называются одна Балагатомъ (выше Гатовъ), другая Паенгатомъ (ниже Гатовъ). Первая — Деканская возвышенная плоскость, къ западу, вторая — Карнатикъ къ востоку, вдоль Коромандельскаго берега.

Послѣдній простирается съ юга на сѣверъ отъ устья рѣки Кришны до мыса Калимера, почти на полтораста миль въ длину. Онъ низокъ, песчанъ и представляетъ мореплавателямъ одну только пристань Коринго. Въ другихъ мѣстахъ найдете лишь открытые рейды, гдѣ входъ на берегъ весьма затруднителенъ, развѣ сядете на особенныя лады, которыя нарочно для того строятъ. Однако жъ здѣсь много цвѣтущихъ городовъ; почти всѣ они принадлежатъ

Англичанамъ; нѣкоторые и другимъ Европейскимъ народамъ, имѣющимъ въ нихъ конторы.

Сѣверные вѣтры начинаются вдоль здѣшняго берега и въ Бенгальскомъ заливѣ обыкновенно въ половинѣ октября. Періодическая перемѣна, за которою слѣдуютъ дождливыя времена года на материкѣ къ югу отъ Кришны, называется большимъ муссономъ и часто сопровождается сильными бурями; ясной погоды не ожидаютъ ранѣе декабря, а иногда вихрь бушуетъ и до января мѣсяца. Поэтому предписано всѣмъ кораблямъ покидать здѣшній берегъ къ 15-му октября. Южный вѣтръ подымается около половины апрѣля, и въ первую пору этого муссона на Коромандельскомъ берегу господствуетъ великая сушь.

Пока дуютъ теплые вѣтры, берегъ совсѣмъ опаляется и походитъ на безплодную степь, гдѣ нѣтъ иной зелени, кромѣ древесной; но съ наступленіемъ дождей растительность оживаетъ, и вскорѣ весь край зеленѣетъ по-прежнему. По примѣтамъ туземцевъ, подтверждаемымъ и Европейскими наблюденіями, чѣмъ дольше дуютъ жаркіе вѣтры, тѣмъ здоровѣе бываютъ слѣдующіе мѣсяцы, потому что вѣтры очищаютъ воздухъ. Море здѣсь рыбно до чрезвычайности.

Внутри края, близъ западныхъ Гатовъ, Англичане уберегли одного раджу, владѣющаго Сатарахскимъ княжествомъ, обломкомъ королевства Бейджапурскаго или Визьяпурскаго, которое процвѣтало еще въ половинѣ XVII вѣка. Столица, принадлежащая нынѣ этому царьку, вмѣщала въ себѣ страшное народонаселеніе и *тысячу шестьсотъ* мечетей; теперь видны

однѣ развалины. Сатарахъ, нынѣшняя столица, въ двадцати миляхъ на югъ отъ Пуны, мѣсто хорошо укрѣпленное на крутомъ холмѣ, который поднялся на восемьсотъ футовъ надъ долиною, усѣянною полями сарацинскаго пшена и прекрасными лѣсами.

Англичане предоставили себѣ Балагатъ, лежащій болѣе къ югу; эта обширная плоская возвышенность составляла часть древняго Индѣйскаго царства Карнатика. Она очень плодоносна; граничитъ къ сѣверу Кришной и Тумбедрою; въ южныхъ ея округахъ есть прекрасныя долины. Часто опустошаемый въ теченіе XVIII вѣка враждебными войсками, Балагатъ утратилъ много жителей и равнины его стояли безъ деревъ; благодаря водворившемуся миру, онъ постепенно возвратилъ потерянное. У береговъ Пеннара, въ округахъ Банганапилли и Парветтунѣ существовали копи алмазныя.

Къ югу отъ Сатараха лежитъ Майсуръ, котораго владѣтельный раджа платитъ Англіи семь милліоновъ франковъ дани. Онъ происходитъ отъ племени тѣхъ государей, которыхъ Гайдеръ-Али лишилъ верховнаго владычества. Взявъ Серингапатамъ и сокрушивъ силу Типпусахеба, въ 1799 году Англичане возвратили престолъ сверженному съ него поколѣнію. Раджа, изъ племени Гиндусовъ, живетъ въ Майсурѣ. Этотъ городъ былъ отчасти разрушенъ до основанія при мусульманскихъ правителяхъ. Типпу хотѣлъ истребить всѣ памятники идолопоклонства.

«Я взъѣхалъ верхомъ на лошади, говоритъ одинъ Англійскій офицеръ, на высоту Майсура, котораго именемъ называлось все королевство въ теченіе вѣ-

ковъ, и съ вершины открылся передо мною видъ великолѣпный и обширнѣйшій. Съ одной стороны ясно возникаетъ Серингапатамъ съ горами и утесами, столь знаменитыми въ военныхъ лѣтописяхъ нашего Востока. Майсуръ, его цитадели, домы, бассейны, дворцы и сады, его обширныя и безполезныя укрѣпленія, и развалины срытаго Гайдергура, вмѣстѣ съ ними, все это, разстилалось у меня подъ ногами какъ карта географическая, а холмистыя окрестности съ селеніями, пагодами и оврагами, въ которыхъ текутъ ручьи, терялись въ отдаленіи.

«Отославъ свою лошадь, я пошелъ внизъ пѣшкомъ по ступенямъ, и на двѣ трети всего пути отъ вершины достигъ нѣкотораго рода площади, гдѣ было маленькое зданіе и стоялъ огромный быкъ, высѣченный изъ гранитнаго утеса. Побрякушки на шеѣ у него хорошей работы, и вѣроятно стоило большихъ трудовъ изсѣчь и отшлифовать такую громаду, но видъ цѣлаго не обнаруживаетъ большихъ познаній въ художествѣ. Лѣстница идетъ до подошвы холма и также прорѣзана въ гранитѣ. Я забылъ сказать, что на вершинѣ, хотя она и тѣсна, находятся пагода и селеніе.

«Еще утромъ поѣхали мы кататься въ каретѣ раджи, великолѣпнѣйшей изъ всѣхъ, какія мнѣ случалось видѣть. Внутри—двойная софа для шести человѣкъ, обитая темнозеленымъ бархатомъ съ золотыми узорами; надъ нею—павиліонъ изъ золотой парчи въ видѣ двухъ выкруженныхъ куполовъ, сомкнутыхъ надъ срединою кареты; вокругъ—богато убранная галерея, съ золочеными ложчатыми колоннами, легкими

и изящными. Карета, вышиною въ двадцать два фута, помѣстительна для шестидесяти человѣкъ; она на четырехъ колесахъ; заднія по осьми футовъ въ поперечникѣ, а ось длиною въ двѣнадцать футовъ; ее везутъ шесть большихъ слоновъ, управляемые каждый особымъ *корнакомъ*, или вожатымъ, который сидитъ у нихъ на шеѣ; они въ шорахъ и въ Европейской упряжи, но огромныя ихъ головы украшены калпаками изъ какой-то узорчатой ткани. Они шли маленькой рысцой и дѣлали въ часъ около семи миль Англійскихъ; шагъ ихъ былъ очень ровенъ; что касается до каретныхъ рессоръ, онѣ отличались необыкновенной гибкостью, и слоны везли насъ легко и удобно. Кузовъ кареты былъ чрезвычайно красивъ, темнозеленаго цвѣта съ золотомъ. Онъ сдѣланъ Индѣйскимъ мастеромъ съ помощію какого-то полу-Француза и подъ непосредственнымъ руководствомъ самого раджи.

«На другой день я отправился верхомъ осмотрѣть остатки Гайдергурской крѣпости, исполинскаго зданія, въ двухъ Англійскихъ миляхъ отъ Майсура. Безразсудно начатое отцомъ воинственнаго Типпу-султана, оно было выведено до половины и оставлено, когда спохватились, что нѣтъ воды въ ближайшемъ сосѣдствѣ; притомъ не хорошъ и выборъ мѣстоположенія.

«Осьмнадцатаго марта вечеромъ прибылъ я въ Серингапатамъ, нѣкогда цвѣтущую столицу. На пути изъ Майсура должно держаться праваго берега Кавери вдоль высотъ; такимъ образомъ, проѣхавъ подъ огнемъ южнаго чела укрѣпленій, достигнешь

острова Серингапатама, который примкнутъ къ берегу каменнымъ мостомъ грубой работы. Къ восточному концу видѣнъ мавзолей, вмѣщающій останки Гайдеръ-али, жены его и Типпу-Сагеба. Это красивое зданіе въ видѣ мечети; гробы, поставленные подъ куполомъ, одѣты богатою драпировкой. Мусульмане тщательно содержатъ это мѣсто въ чистотѣ; Англійское правительство платитъ за всѣ поправки и за прислугу.

«Далѣе, на краю острова, мы осматривали Ледъ-Багъ, любимый дворецъ Типпу-Сагеба, а, возвращаясь въ Серингапатамъ, взглянули мимоходомъ на Даулетъ-Багъ, увеселительный домъ близъ городскаго вала.

«Серингапатамъ остался за Англичанами. У нихъ есть также военный постъ въ Бангалорѣ, хорошо укрѣпленномъ городѣ, который отъ него въ двадцати пяти миляхъ къ сѣверовостоку, и лежитъ на холмистой плоскости, въ три тысячи футовъ высоты. Климатъ тамъ весьма умѣренный: кипарисъ и виноградъ растутъ прекрасно; въ саду раджи найдете яблоки, персики и клубнику. Бангалоръ въ шестидесяти шести миляхъ къ востоку отъ Мадраса. Весь край вплоть до Нарсипура не представляетъ ничего замѣчательнаго, ни по красѣ мѣстоположеній, ни по воспоминаніямъ стараго времени. Онъ составляетъ плоскость, индѣ холмистую и покрытую лѣсомъ; но здѣсь множество мелкихъ водоемовъ, и одинъ пребольшой близъ Ускоттаха, который, въ дождливую пору, почти ежегодно разливается и разоряетъ дорогу, віющуюся около него, если только мож-

но назвать дорогою настилку изъ огромныхъ глыбъ гранита, не связанныхъ ни какимъ цементомъ и образующихъ пологій спускъ отъ плотины. Впрочемъ дороги въ Майсуръ довольно крѣпки и хороши, за исключеніемъ округовъ, подобныхъ этому.

«За Нарсипуромъ, должно проѣзжать ущелье, потомъ край дикій и невоздѣланный, и тогда увидишь передъ собой Коляръ, довольно обширный городъ, построенный изъ глины и населенный Мусульманами, которые справедливо слывутъ преловкими ворами; не много далѣе находится деревня, которой грубыя избы выстроены среди огромныхъ гранитныхъ толщъ; съ трудомъ различите жилье отъ скалы, но изумитесь до чрезвычайности, увидѣвъ, что дикая и каменистая пустыня вдругъ закипѣла народомъ, который глядитъ на васъ со всѣхъ сторонъ изъ-за вершинъ и сквозь трещины своихъ первобытныхъ жилищъ.

«Нѣсколько восточнѣе Байтмангалома, небольшой ручей отдѣляетъ земли раджи Майсурскаго отъ владѣній Компаніи, и дорога здѣсь гораздо хуже. Найкъ-эндъ-Карай, гдѣ мы ночевали пятаго декабря, въ четырехъ миляхъ Англійскихъ отъ вершины Педанайгдургамскаго ущелья, пересѣкающаго восточные Гаты. Въ это время года, когда всѣ водоемы полны и луга красуются яркой зеленью, пріятенъ видъ зеленѣющихъ утесовъ, разорванныхъ глубокими дебрями. Онъ вознаграждаетъ за однообразіе Майсурскихъ мѣстоположеній. При деревнѣ Ледъ-Багъ есть садъ, принадлежащій Карнатикскому набабу; хотя это предметъ вѣчнаго удивленія для туземцевъ, однако въ него не стоитъ заглядывать, развѣ для то-

го, что въ немъ много плодовъ, и особенно померанцевъ.

«Проѣхавъ Амбурскую долину, которая въ нѣсколько миль длиною и хорошо обработана, я пустился чрезъ болотистый край и прибылъ въ Аркатъ, на правомъ берегу Паларка, который, въ дождливую пору, имѣетъ около (Англійской) мили въ ширину, а въ жары почти совсѣмъ высыхаетъ.»

Аркатъ часто упоминается въ войнахъ Французовъ съ Англичанами и Англичанъ съ Гайдеръ-али-ханомъ и Типпу-султаномъ. Этотъ городъ былъ столицею Карнатика, *ниже* Гатовъ, то есть, владѣній набаба Аркатскаго. Они принадлежатъ теперь Англичанамъ, которые даютъ пенсію отставному государю. Эта плоская страна не славится плодоносіемъ; но при хорошей воздѣлкѣ даетъ обильныя жатвы сарацинскаго пшена; хлопчатобумажныя разсадьбы процвѣтаютъ во многихъ округахъ; сахарный тростникъ довольно рѣдокъ.

Въ городахъ и селахъ по большимъ дорогамъ, богатые люди учреждаютъ *каравансераи* для проѣзжихъ, которые находятъ здѣсь убѣжище отъ непогоды; Гиндусы называютъ эти заведенія *чаувади*, изъ чего Англичане передѣлали *чольтри* (choultry). «Индѣйцы, говоритъ Французскій путешественникъ Соннера̀ (Sonnerat), почитаютъ учрежденіе каравансераевъ весьма богоугоднымъ дѣломъ. Они готической постройки; въ большей части ихъ не употребляютъ ни куска дерева: они состоятъ обыкновенно изъ одной большой комнаты, иногда раздѣленной на двое, безъ оконъ и безъ дверей, но совершенно открытой къ

югу; вокругъ идетъ галерея съ выгнутымъ потолкомъ; подлѣ зданія, обыкновенно помѣщаемаго близъ лѣса, всегда есть прудъ и маленькая пагода, посвященная Поллеону, чтобъ путешественникъ могъ совершить омовенія и молитвы передъ выходомъ въ путь; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гостепріимство простирается до того, что подаютъ рисную воду для освѣженія.»

По словамъ новѣйшихъ путешественниковъ, близъ каравансерая живетъ обыкновенно брахманъ, который снабжаетъ прохожихъ съѣстными припасами, водою, и рогожкою для спанья; но, по тѣмъ же извѣстіямъ, эти каравансераи обыкновенно такъ грязны, что Европейцу гадко туда войдти; пруды также весьма нечисты.

Немногія страны въ Гиндустанѣ равняются съ Карнатикомъ въ числѣ большихъ храмовъ и другихъ общественныхъ памятниковъ богатства и образованности давнихъ временъ. Здѣсь гораздо болѣе чтителей Брахмы, нежели приверженцевъ Корана. Не совсѣмъ напрасны были усилія миссіонеровъ разныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій; здѣсь процвѣтаютъ многія общины христіанскія.

Всѣ путешественники, писавшіе о Мадрасѣ, говорятъ въ одинъ голосъ, что положеніе его неблагопріятно для торговли; однако жъ этотъ городъ великъ, богатъ и имѣетъ до 450,000 жителей. «Мадрасъ, говоритъ лордъ Валеншіэ, безконечно разнствуетъ съ Калькуттой. Это городъ не въ Европейскомъ вкусѣ; въ крѣпости нѣтъ вовсе домовъ, которые могли бы служить магазинами; люди богатые и зажиточные строятся въ садахъ, гдѣ деревья стоятъ такъ тѣсно,

что рѣдко увидишь сквозь нихъ сосѣдній домъ. Обширное пространство, занимаемое каждымъ садомъ, вынуждаетъ иногда пройдти три Англійскія мили, чтобы сдѣлать визитъ.»

Въ двухъ миляхъ къ югу отъ Мадраса лежитъ Меліапуръ или Санъ-Томе на маленькой губѣ, въ глубинѣ прекраснаго залива; онъ былъ нѣкогда главнымъ мѣстомъ Португальцевъ на Коромандельскомъ берегу; теперь видно только нѣсколько сотъ домовъ, разбросанныхъ между грудами развалинъ. На пригоркѣ, лежащемъ къ юго-юго-западу, Португальскіе монахи показывали мнимую гробницу святаго Ѳомы; теперь тамъ Англійскій военный постъ, и между имъ и Мадрасомъ сдѣлана славная дорога. Епископъ Геберъ не видитъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что апостолъ Ѳома могъ пострадать за вѣру въ этомъ урочищѣ. Другая гора св. Ѳомы, которая отсюда далѣе и побольше, не имѣетъ, по его мнѣнію, такихъ правъ на эту честь, какъ упомянутый пригорокъ.

Продолжая путь въ южномъ направленіи, пріѣзжаешь въ Магвалипурамъ, знаменитый остатками прекрасныхъ Индѣйскихъ храмовъ и обыкновенно именуемый Семь-Пагодъ. По мѣстному преданію, одинъ большой городъ и пять великолѣпныхъ пагодъ поглощены здѣсь моремъ; шестая цѣла еще въ селеніи, а седьмая въ развалинахъ. Эти зданія занимаютъ полмили пространства. Изсѣченія въ гранитѣ напоминаютъ пещеры Элорскія; фигуры утонченной работы. Въ селеніи живетъ четыреста брахмановъ или болѣе.

Большой городъ Садрасъ, прежде принадлежавшій Голландцамъ, находится нынѣ въ совершенномъ упад-

къ. Миссіонеръ этой націи, по свидѣтельству Гебера, свято исполняетъ свою обязанность; онъ проповѣдуетъ на Голландскомъ и Португальскомъ языкахъ и содержитъ маленькое училище для дѣтей христіанъ и язычниковъ. «При въѣздѣ въ городъ, говоритъ тотъ же путешественникъ, есть небольшая пагода, которой главные служители, предсѣдательствующій брахманъ и молодыя плясуньи, послѣдовали за мною въ мой шатеръ. То были первыя баядеры въ южной Индіи, которыхъ я видѣлъ; онѣ многимъ отличаются отъ сѣверныхъ; всѣ онѣ обязаны службою при храмахъ; ихъ покупаютъ почти дѣтьми и воспитываютъ съ такимъ тщаніемъ, какое рѣдко дается въ удѣлъ особамъ ихъ пола; оно простирается не только на пляску, пѣніе и другія пріятныя искуства, необходимыя для ихъ жалкаго ремесла, ихъ учатъ также письму и чтенію. Одежда ихъ легче тѣхъ кипъ красной ткани, которыми обвертываются фигурантки сѣвернаго Гиндустана; но, какъ говорятъ, онѣ превосходятъ ихъ и неблагопристойностію пляски. Впрочемъ видъ ихъ и пріемы вообще отнюдь не показались мнѣ нескромными, и я нашелъ, что онѣ держатъ себя лучше, нежели большая часть туземокъ низшаго сословія. Бѣдняжка, которую видѣлъ я въ Садрасѣ, могла бы идти за пригожую и скромную Англійскую служанку, если бъ только не одежда и не цвѣтъ ея лица. Деньги, добываемыя ими отправленіемъ гнуснаго ремесла, поступаютъ въ пользу нечестивыхъ боговъ ихъ; говорятъ, что служители этихъ кумировъ отсылаютъ бѣдныхъ дѣвушекъ безъ ничего, или по-крайней-мѣрѣ, съ самой скудной пенсіей, какъ скоро

лѣта или недуги дѣлаютъ ихъ неспособными къ прежнимъ занятіямъ. Онѣ, по большей части, умираютъ въ молодости. Мнѣ сказывали, что баядеры въ уваженіи у Гиндусовъ какъ служительницы боговъ, и что отправляя ремесло свое нѣсколько лѣтъ, онѣ часто выходятъ потомъ за мужъ выгоднымъ образомъ. Но мои собственныя справки даютъ мнѣ поводъ полагать, что извѣстія эти не совсѣмъ точны. Имя баядеры служитъ обыкновенной бранью у всѣхъ туземокъ, и человѣкъ порядочной касты не возьметъ ни одной изъ нихъ въ супружество. Эти жалкія твари всегда внушали мнѣ скорбь и состраданіе.»

Пондишери, главное мѣсто Французскихъ торговыхъ заведеній въ Гиндустанѣ, немного къ сѣверу отъ сѣвернаго рукава Джинджи, былъ нѣкогда блистательнѣйшимъ изъ Европейскихъ городовъ въ этомъ краѣ. По словамъ Англійскаго офицера, на котораго мы ссылались неоднократно, — «это маленькій городокъ; домы, совсѣмъ не такъ, какъ въ Мадрасѣ, весьма близки одинъ къ другому, что чрезвычайно удобно для жителей, которые страстно любятъ общество и которымъ умѣренность состоянія не дозволяетъ имѣть кареты. Я былъ въ восторгѣ отъ радушія семьи, у которой жилъ, и отъ любезности особъ, ее посѣщавшихъ.»

Несмотря на частыя бѣдствія, которыя терпѣлъ Пондишери, этотъ городъ все еще прекрасенъ; мѣстоположеніе его лучше Мадрасскаго, обстройка хороша. Прелестныя гульбища украшаютъ теперь мѣста прежнихъ укрѣпленій.

Имя Гуделура, красиваго городка, на правомъ берегу рѣки Панаара, въ полумилѣ отъ ея устья и въ

шести миляхъ къ югу отъ Пондишери, напоминаетъ побѣду, одержанную надъ Англичанами эскадрою Сюффрена въ 1781 году. Гайдеръ-али-ханъ прибылъ изъ-за сорока миль къ Французскому адмиралу, чтобы лично поздравить его съ успѣхомъ.

Транкебаръ, при устьѣ одного изъ рукавовъ Каавери, принадлежитъ Датчанамъ. Христіанская миссія находится здѣсь въ цвѣтущемъ состояніи. Крѣпостныя работы болѣе въ Гиндустанскомъ стилѣ, нежели въ Европейскомъ.

Карикаль, также при устьѣ рукава Каавери, подвластенъ Французамъ; его пріятныя окрестности изобилуютъ сарацинскимъ пшеномъ. Солеварни, вдоль берега, доставляютъ значительную добычу.

Негапатнамъ, принадлежавшій прежде Голландцамъ, былъ хорошо укрѣпленнымъ мѣстомъ и главнымъ городомъ владѣній ихъ на Коромандельскомъ берегу; теперь едва видно нѣсколько развалинъ цитадели, которая, въ 1781 году, дала сильный отпоръ Англичанамъ, и Гиндусы живутъ въ немногихъ домахъ, уцѣлѣвшихъ отъ разоренія.

Далѣе во внутренность края, на осьмнадцать миль къ юговостоку отъ Мадраса, городъ Конджеверамъ разстилается по долинѣ съ своими низенькими домами, пестрѣющими между садовъ и кокосовыхъ рощицъ, на пространствѣ, около двухъ миль въ длину. Рѣка Вегаватти содѣйствуетъ къ плодоносію этого округа, гдѣ сверхъ того выдѣлываютъ изъ бумаги много красныхъ платковъ и другихъ тканей для туземнаго обихода. Большая и прекрасная пагода, посвященная Шивѣ и украшенная хорошими изваяніями, возвышает-

ся близъ Конджеверама (Л. XXXVI—1); она имѣетъ сходство съ Магвалипурамскою.

Въ Челумбрунѣ, на пятнадцать миль къ югу отъ Пондишери, есть много красивыхъ пагодъ; изъ архитектуры видна ихъ глубокая древность. Когда лордъ Валенціэ посѣщалъ эту сторону, одна богатая вдова издержала сумму, равнявшуюся четыремъ стамъ тысячъ франковъ на поправку паперти одного изъ этихъ храмовъ. Самый большой изъ нихъ чрезвычайно уважается Гиндусами, и набожно посѣщаютъ его богомольцы. Исполинскіе размѣры этого капища много разъ побуждали Мусульманскихъ государей превращать его въ цитадель; Англичанамъ стоило большихъ усилій вытѣснить ихъ оттуда.

Тричинапали, на правомъ берегу Каавери, былъ до 1736 года столицею независимаго владѣнія. Теперь учрежденъ въ немъ важный постъ для Англійской военной силы. Сіэнитовый холмъ, который вѣроятно тотчасъ обратилъ на себя вниманіе для постройки цитадели, имѣетъ не болѣе шести сотъ футовъ вышины. Въ осьмидесяти футахъ надъ уровнемъ города, рядъ хорошо выстроенныхъ брахманскихъ домовъ образуетъ цѣлую улицу, а еще повыше, на сѣверномъ и восточномъ скатахъ горы, величаво красуется другая огромная пагода, безъ оконъ. Квадратное зданіе, окруженное колоннами и посвященное Гуниману, занимаетъ вершину скалы (Л. XXXVI—2). Въ южной сторонѣ есть пещеры, подобныя Элорскимъ. Укрѣпленія опоясываютъ этотъ холмъ, выдерживавшій не одну осаду и обставленный городомъ съ осмьюдесятью тысячами населенія.

Танжауръ, въ десяти миляхъ къ востоку отъ Тричинапали и также на правомъ берегу Каавери, — мѣсто пребыванія раджи, которому Англичане предоставили этотъ городъ и окрестность его съ тѣмъ условіемъ, чтобъ, въ случаѣ войны, онъ принималъ ихъ войска для своей защиты. Танжауръ красивый городъ съ удивительными пагодами. Рядомъ съ большею изъ нихъ возвышается христіанская церковь. Раджа, у котораго лордъ Валеншіэ былъ въ гостяхъ, далеко превосходилъ своимъ воспитаніемъ и свѣдѣніями всѣхъ прочихъ владѣтелей Индѣйскихъ. Онъ правильно изъяснялся по Англійски. Благородный путешественникъ замѣтилъ въ одной изъ комнатъ четыре шкафа, наполненные хорошими книгами на этомъ языкѣ. Въ другой, стѣны покрыты были картинами и рисунками, а на столѣ лежала бумага, краски и все нужное для рисованія, до котораго раджа былъ большой охотникъ. «Словомъ, прибавляетъ раскащикъ, мнѣ казалось, что онъ проводитъ время въ занятіяхъ и забавахъ, непорицаемыхъ разумомъ. Какая разность между такимъ существованіемъ и жизнію большей части Азійскихъ владѣтелей, которымъ извѣстны только утѣхи самолюбія и наслажденія роскоши!»

Мадура, у праваго берега Вайгару, нынѣ жалкій и опустѣлый городъ; но видны еще древнія укрѣпленія, одинъ храмъ и одинъ дворецъ.

Напротивъ Тиневелли обширенъ и многолюденъ; но положеніе его между низкихъ рисовыхъ полей содѣлываетъ житье въ немъ вреднымъ для Европейцевъ. Это главный городъ самой южной части Карнатика, раздѣленнаго въ старину между многими мелкими вла-

дѣльцами, подъ именемъ полигаровъ, которые вели другъ съ другомъ безпрестанныя войны. Благоденствіе жителей быстро возрасло съ тѣхъ поръ, какъ они наслаждаются постояннымъ спокойствіемъ; они большею частію Гиндусы и сохранили много древнихъ обыкновеній.

Значительнѣйшій городъ послѣ Тиневелли — Паламкотта, лежащій въ двухъ стахъ футовъ высоты надъ уровнемъ окрестности; Тютикоринъ населенъ преимущественно Пакраварами: это христіане Римскаго исповѣданія, занятые особенно прибрежнымъ судоходствомъ. Въ сосѣдствѣ ловятъ жемчугъ низкаго достоинства. Городъ стоитъ при Манаарскомъ заливѣ, который сообщается къ сѣверу съ Бенгальскимъ посредствомъ *пролива Палькъ*. Берегъ здѣшній вообще называется Уловнымъ (côte de la pêcherie).

Рамнадъ, въ дельтѣ Вайгару, на три мили отъ пролива, служитъ пристанью для молельщиковъ на возвратномъ пути изъ Рамиссерамской пагоды, построенной на островѣ, который почти смеженъ съ материкомъ (Л. XXXVI—3). Проливъ Палькъ, названный по имени того Голландца, кто первый попытался имъ пройдти, отдѣляетъ Индѣйскій полуостровъ отъ Цейлона. Ширина его — двѣнадцать миль; онъ не довольно глубокъ для большихъ кораблей, но мелкія суда ходятъ по немъ безпрепятственно. Онъ наполненъ островами, подводными камнями и песчаными мелями, такъ что въ малую воду можно ходить пѣшкомъ между материкомъ и островомъ Цейлономъ; оттого эта часть пролива слыветъ у Гиндусовъ *Мостомъ Рамы*, а у Христіанъ и Мусульманъ—*Мостомъ Адамовымъ*.

ГЛАВА I.

ЦЕЙЛОНЪ.

Островъ Манааръ, у сѣверозападнаго берега Цейлона, отъ котораго онъ отдѣляется только рукавомъ въ три четверти мили шириною, сообщилъ названіе свое заливу, упомянутому въ предъидущей главѣ. Этотъ островъ, имѣя шесть миль въ длину и милю въ ширину, составляетъ родъ песчаной косы, на которой ростутъ пальмы и кокосовыя деревья, но нѣтъ ни капли прѣсной воды. Крѣпость, построенная у пролива, обращена къ Цейлонскому берегу. Парусныя суда постоянно ходятъ между Манааромъ и Рамиссерамомъ; нѣкоторыя принадлежатъ казнѣ и употребляются для доставки писемъ.

Къ сѣверу отсюда лежитъ Джафнапатамъ, построенный при каналѣ, омывающемъ западный берегъ небольшаго полуострова; этотъ красивый городъ производитъ сильный торгъ табакомъ, пальмовыми комлями, которые употребляются въ строеніи, и крупными раковинами (murex tritonis), которыя вывозятся въ Бенгалъ и служатъ Гиндусамъ духовыми орудіями при богослужебныхъ обрядахъ. Окрестности города хорошо воздѣланы, и воздухъ самый здоровый. Голландцы назвали именами главныхъ городовъ своихъ ближнія острова, гдѣ, благодаря тучнымъ пажитямъ, можно разводить лошадей и рогатую скотину.

Слѣдуя берегомъ въ южномъ направленіи, путешественникъ достигаетъ Тринкономале, который обыкновенно называютъ Тринкемале; этотъ превосходный портъ дѣлаетъ весьма важнымъ для Великобританіи обладаніе Цейлономъ. Онъ стоитъ на большомъ заливѣ, раздѣленномъ косою на два бассейна: южный, который туземцы именуютъ Татлегамомъ, наполненъ песчаными мелями и потому недоступенъ для большихъ кораблей; но сѣверный удовлетворяетъ строжайшимъ требованіямъ.

«Видъ окрестностей Тринкемале, говоритъ Госпожа Греэмъ, одинъ изъ прекраснѣйшихъ въ цѣломъ мірѣ. Корабли становятся теперь въ сѣверной гавани, гдѣ они совершенно безопасны во всякое время года. Она такъ укрыта со всѣхъ сторонъ берегами, что можно почесть ее за озеро. Мы отправились въ крѣпость Оснабрюкъ, на высокой косѣ, господствующей надъ обоими бассейнами внутренняго порта. Заливъ, горѣвшій блескомъ солнечныхъ лучей, казался ровенъ какъ зеркало. Онъ однако жъ усѣянъ островками, иззубренъ бухтами и устьями маленькихъ рѣкъ. Разсѣлины ближнихъ утесовъ красовались багряными вьюнками, бѣлыми кувшинками, алымъ и желтымъ хрящелистникомъ, которые колыхались по вѣтру, какъ разноцвѣтныя знамена.

«Внѣшній заливъ образуется высокимъ мысомъ, на краю котораго видны развалины Индѣйскаго храма. Шесть прекрасно выдѣланныхъ колоннъ, поддерживающихъ карнизъ и кровлю, служатъ теперь крыльцемъ гошпитали для Англійскихъ артиллеристовъ; седьмая колонна поставлена на верху противолежа-

щей скалы. Намъ сказывали, что въ сосѣдствѣ есть пещеры, но мы не могли узнать, естественныя ли онѣ, или сдѣланы рукою человѣка: никто не выискался проводить насъ.

«Тринкемале слылъ когда-то весьма нездоровымъ мѣстомъ; но въ положенiи его нѣтъ ничего такого чтобы могло къ тому содѣйствовать, и прежнiя жалобы утихаютъ со дня на день. Почва, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ Цейлонскаго берега, неблагопрiятна для огородныхъ растенiй; недавно поселили здѣсь колонiю Китайцевъ по примѣру того, какъ въ Пуэнъ-де-Галлѣ (Point-de-Galle); они устроили значительный садъ, котораго произведенiя подаютъ уже лучшiя надежды. Водворили также рогатый скотъ и живность, раздавъ ихъ туземцамъ съ тою цѣлiю, чтобы со временемъ имѣть продовольствiе для казенныхъ судовъ. Строеваго лѣсу очень много: доставать его легко, и во многихъ бухтахъ можно класть корабли на бокъ во всякое время года, такъ что починка ихъ обходится здѣсь дешевле, чѣмъ гдѣ либо въ Индiи, хотя приливъ не довольно высокъ для учрежденiя настоящихъ доковъ.

«Городъ маленькой и дрянной; населенiе состоитъ преимущественно изъ Гиндусовъ, выходцевъ съ твердаго берега; Шингулайцевъ видѣла я немного, именно нѣсколько серебряниковъ и золотыхъ-дѣлъ-мастеровъ. Цѣпочки и другiя вещи ихъ работы не уступаютъ Тричинапальскимъ.»

Шингулайцы называютъ Тринкемальскiй заливъ Коттiаромъ. Почти въ шести Англiйскихъ миляхъ отсюда есть теплыя воды, которыхъ температура отъ

30 до 33 градусовъ. Онѣ въ великомъ уваженіи у туземцевъ.

Далѣе къ югу находятся островъ, крѣпость и селеніе Баттикала, въ четырехъ Англійскихъ миляхъ отъ входа въ морской рукавъ, простирающійся миль на тридцать внутрь земель, имѣющій во многихъ мѣстахъ мили двѣ шириною, притомъ весьма рыбный.

Край, лежащій глубже къ югозападу, весьма мало обработанъ и одѣтъ дремучими лѣсами. Матура, близъ самой южной точки острова, при устьѣ одной рѣки, есть не что иное, какъ крѣпостца, окруженная селеніемъ, и все это въ самомъ дикомъ захолустьѣ. Здѣсь-то ловятся почти всѣ тѣ слоны, которыхъ островъ посылаетъ за границу. Въ 1797 году поймали ихъ сто семьдесятъ шесть въ одну охоту.

Пуэнъ-де-Галль, третій городъ и второй портъ на островѣ, лежитъ къ западу отъ Матуры на оконечности полуостровка; пристань мала, но безопасна; входъ въ нее сжатъ между утесовъ, отчего большіе корабли предпочитаютъ для стоянки рейдъ (Л. XXXVI—4).

«Прибрежные Шингулайцы, говоритъ Госпожа Греэмъ, много разнятся съ Гиндусами и въ языкѣ, и въ одеждѣ; голова у нихъ всегда обнажена; они просто связываютъ въ узелъ длинные, черные свои волосы и поддерживаютъ ихъ черепаховымъ гребнемъ. У людей низшаго класса нѣтъ иной одежды, кромѣ лоскута вокругъ чреслъ; но *моодельеры*, или чиновники и старшины туземные, носятъ какую-то странную смѣсь своенароднаго платья съ Португаль-

скимъ; изобиліе золота придаетъ ей впрочемъ хорошій эффектъ.

«Говорятъ, что здѣсь никогда не бываетъ страшныхъ жаровъ; они постоянно умѣряются морскими вѣтрами и частыми дождями. Въ одной изъ прогулокъ нашихъ передъ паланкинами шли люди, несшіе вмѣсто фонарей зажженныя пальмовыя вѣтви. Видъ этихъ самородныхъ факеловъ былъ живописенъ, а запахъ весьма пріятенъ, но искры, часто долетавшія ко мнѣ въ паланкинъ, не разъ грозили зажечь мое кисейное платье. Никогда эти факелы не употребляются внутри крѣпостныхъ стѣнъ.

«Августа двадцатаго, утромъ въ три часа, пустились мы по дорогѣ въ Коломбо. Тянулся длинный караванъ паланкиновъ и легкихъ кабріолетовъ, впереди конвой уланъ (lanciers) и музыка не слишкомъ гармоническая, позади *ласкарины*, почти тоже, что *пеоны* или гайдуки Бенгальскіе. На нихъ красивый бѣлый мундиръ съ краснымъ и чернымъ, и красная коническая шапка съ бѣлымъ перомъ. Для предохраненія путешественниковъ отъ солнца, они держатъ у нихъ надъ головой огромныя опахала изъ листьевъ пальчатки (corypha umbraculifera), отъ шести до девяти футовъ въ длину. Дорога была вездѣ украшена, какъ для праздника, длинными гирляндами изъ пальмовыхъ вѣтвей, поддерживаемыхъ по концамъ снурками; гдѣ мы ни останавливались, всюду разстилали передъ нами бѣлый холстъ и ставили палатки, прекрасно убранныя цвѣтами, плодами и фестонами изъ вѣтвей пальмы. Эти остатки древнихъ обычаевъ, упоминаемыхъ въ Библіи, крайне любопытны.

« На разсвѣтѣ, мы переплыли рѣку въ ладьѣ съ наметомъ. Проѣхавъ миль двадцат Англійскихъ, мы прибыли на одну изъ станцій, учрежденныхъ и содержимыхъ правительствомъ для удобства путешественниковъ. Это просто бангалы о трехъ или четырехъ комнатахъ; въ иныхъ есть тростниковыя кровати, на которыя кладутъ тюфяки изъ паланкина. Здѣсь, подобно какъ въ Индіи, каждый имѣетъ при себѣ все, что можетъ понадобиться въ пути; только палатки замѣнены станціями. Та, куда мы прибыли, называлась Амблегоде; она стояла на высотѣ; съ обѣихъ сторонъ ея шумитъ крутоярое море; въ дали видны мелкія бухточки, обитаемыя рыбаками.

« Въ десять часовъ утра мы обыкновенно останавливались, и отдыхали во все время пока былъ жаръ, но едва онъ ослабѣвалъ, всѣ опять пускались въ дорогу. Мы повстрѣчали толпу плясуновъ въ уморительныхъ маскахъ; нарядъ ихъ много походилъ на одежду Таитянскихъ скомороховъ, которые изображены на картинкахъ Кукова Путешествія. Доселѣ мы постоянно ѣхали пальмовымъ лѣсомъ, и онъ надоѣлъ бы намъ однообразностью, если бъ цвѣты и кустарникъ не пестрѣли въ дали, и если бъ море не билось передъ нами объ громадныя толщи коралловыхъ утесовъ. Берегъ, равно какъ и другія части острова, на нѣсколько миль внутрь, вообще представляютъ плоскость, прорѣзанную рѣчками и рукавами моря. Населеніе состоитъ повидимому изъ однихъ рыбаковъ; домы ихъ обѣщаютъ болѣе достатка, нежели подобныя жилища въ Индіи.

« Станція Бенъ-Тотте, шестнадцать Англійскихъ миль далѣе, лежитъ на устьѣ большой рѣки, близъ

самаго океана, и среди великолѣпной окрестности. На рѣчкахъ вездѣ есть по станціи на обоихъ берегахъ; кажется, онѣ выстроены до учрежденія постоянныхъ переправъ, когда проѣзжіе должны были выжидать по нѣскольку дней убыли воды, что̀ случается здѣсь также внезапно какъ и прибыль.

«За станціею Бенъ-Тотте, примѣсь пальмъ къ обыкновеннымъ лѣснымъ деревьямъ сообщаетъ пути болѣе разнообразія. Я увидѣла въ первый разъ хлѣбное дерево, которое очень велико, и у котораго листъ такого жъ покроя, какъ у смоковницъ; ямбозу (eugenia malaccensis), которая покрывала землю лепестками своихъ прелестныхъ алыхъ цвѣтовъ, баніанскую смоковницу, хлопчатникъ и бездну другихъ деревьевъ, которыхъ имени я не знаю. Methonica superba и amaryllis formosissima, заслуживающія такое лестное названіе необыкновенною красой, роскошно цвѣли на полянахъ вмѣстѣ съ множествомъ другихъ растеній, которыя въ нашихъ парникахъ являются тощими и жалкими.

«Въ Кальтурѣ, на одномъ холмѣ, есть маленькая крѣпость, нѣкогда предназначенная оборонять переправу на рѣкѣ Малливади, неподалеку отъ ея устья; потомъ слѣдуетъ Пальтура, селеніе съ церковью, а въ семи миляхъ отъ него лежитъ Коломбо, главный городъ всего острова. Этотъ обширный городъ, построенный при устьѣ Калениганги, окруженъ индѣ моремъ, индѣ озеромъ прѣсной воды, что̀, при отсутствіи высотъ въ окрестности, дѣлаетъ положеніе его весьма крѣпкимъ; сверхъ того онъ обведенъ рвомъ и защищается хорошею цитаделью. При немъ одинъ

только рейдъ, и на томъ можно стоять лишь во время сѣверовосточнаго муссона. Домы Европейцевъ, каменные и крытые черепицей, находятся въ крѣпости; окружающій ее Черный-Городъ обширенъ. Непріятно то, что въ Коломбо нѣтъ хорошей воды; ее берутъ за полторы Англійскія мили. Хорошіе загородные домы украшаютъ окрестность города.

«Знаменитые сады коричневыхъ лавровъ находятся близъ Коломбо и покрываютъ пространство въ семнадцать тысячъ акръ. Дерево это любитъ тощую, песчаную почву и влажный воздухъ. Въ лѣсахъ, гдѣ растетъ оно дикое, оно бываетъ съ большую яблоню; но въ садахъ ему не даютъ подыматься выше десяти или двѣнадцати футовъ. Листъ походитъ нѣсколько очертаніемъ на лавровый, только онъ свѣтлѣе цвѣтомъ; побѣги сначала красны, и зеленѣютъ потомъ исподоволь. Въ ту пору цвѣтъ уже сошелъ, но мнѣ говорили, что онъ бѣлый, и что когда онъ распустится, то покрываетъ собою цѣлый садъ. Слыхавъ такъ часто о благовонномъ дыханіи вѣтра съ береговъ этого острова, я очень удивилась, когда, гуляя даже въ садахъ, я не обоняла ароматовъ лавра. Одинъ маленькій, весьма душистый цвѣтокъ, который растетъ подъ этимъ деревомъ, сперва заставилъ насъ принять запахъ свой за коричневый; но мы вскорѣ разочаровались. Только когда сорвешь листокъ коричневаго лавра, благовоніе, свойственное корѣ, сильно развивается. Такъ какъ корица составляетъ главный вывозный товаръ на островѣ, то дерево берегутъ съ тщаніемъ примѣрнымъ. Древній Голландскій законъ казнилъ отсѣченіемъ руки за срѣзаніе вѣтви корич-

*

ника; теперь взимается за это денежный штрафъ. Окрестности Коломбо весьма благопріятны для коричневаго лавра по укрытому мѣстоположенію, ровной температурѣ и частымъ дождямъ, которые впрочемъ рѣдко продолжаются цѣлыя сутки.

«Ловля жемчуга была одно время весьма обильна; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ она не дала ни какой выгоды, и хотя ее потомъ возобновляли, добыча была очень мала. Цейлонъ, частію отъ неимовѣрнаго плодоносія почвы, которое слишкомъ сильно для всякаго чужеземнаго растенія, частію и отъ лѣни своихъ жителей, есть одна изъ бѣднѣйшихъ колоній; картофель здѣсь не родится, и только въ Канди, на осьмнадцать миль внутрь острова, Европейскія огородныя растенія пріобрѣтаютъ нѣкоторую доброкачественность. Каждое утро посылаютъ ихъ цѣлую корзину губернатору Цейлона; плодъ хлѣбнаго дерева по моему лучшая замѣна картофеля, но все же онъ не то.

«О безпечности Шингулайцевъ слышала я между прочимъ слѣдующій отзывъ: «Дайте кому нибудь изъ нихъ кокосовое дерево, и онъ ничего не станетъ дѣлать для себя; будетъ спать подъ тѣнью кокосовыхъ вѣтвей или сдѣлаетъ себѣ изъ нихъ хижину, будетъ ѣсть плоды, когда они сами упадутъ на-земь, будетъ пить изъ нихъ молоко, и курить табакъ въ остальное время.» При значительномъ населеніи, земледѣльцевъ очень мало. Система повинностей, учрежденная до Англичанъ Голландцами, существуетъ отчасти и теперь; невозможно ожидать, чтобъ человѣкъ тщательно трудился надъ полемъ, когда онъ въ безпрестанной опасности быть отозваннымъ къ обществен-

ной работѣ: находясь въ своемъ округѣ, онъ ничего не получаетъ за дороги, но если его ушлютъ подалѣе, то платятъ ему по три фанона (около семидесяти копеекъ) въ день. При всемъ томъ подати не обременительны, и наружный видъ домовъ показываетъ такое благосостояніе, какого я не могла бы предполагать въ этомъ краю, судя по тому, что мнѣ говорили прежде.

«Я замѣтила здѣсь обыкновеніе, какого не видала въ другихъ мѣстахъ, и которое поразило меня своей человѣколюбивостью: на извѣстныхъ разстояніяхъ по дорогамъ, къ большимъ корчагамъ съ свѣжею водой привязаны чарки для проѣзжихъ; часто который нибудь изъ моихъ носильщиковъ отставалъ для утоленія жажды и потомъ бѣгомъ догонялъ своихъ товарищей.

«Четырнадцатаго сентября, мы отправились въ Канди; совершивъ около пяти Англійскихъ миль, мы перешли по судовому мосту черезъ Каленигангу, которая здѣсь довольно широка. Мѣстность на пространствѣ двадцати пяти миль Англійскихъ ровна и довольно обработана; вдоль самой дороги она поросла деревьями и кустарникомъ, которые почти вездѣ заслоняютъ видъ; но роскошь зелени, разнообразіе листьевъ и яркая пестрота цвѣтовъ вполнѣ вознаграждаютъ это неудобство. На станціи Вингодде, я увидѣла въ первый разъ пчелиные улья; меду въ здѣшнихъ лѣсахъ множество; пчелы мелки и черны.

«За Вингодде, грунтъ исподоволь подымается и становится красивѣе на каждой милѣ; пригорки круты, высоки и одѣты зеленью по самый верхъ; мѣс-

тами, громадныя скалы прорываютъ коверъ растеній. Невозможно описать этой мѣстности, иногда напоминавшей мнѣ виды Вельсскаго края; но здѣсь всѣ черты гораздо величавѣе. Ручей, вьющійся по долинѣ, становится въ дождливую пору рѣкой, которой воды летятъ пѣнистыми каскадами по каменному руслу. Напрасно искала я дикихъ слоновъ: успѣхи человѣческой дѣятельности удерживаютъ ихъ въ отдаленной глуши; рѣдко показываются они, и то развѣ ночью; въ эту пору опасно ѣхать безъ прикрытія и безъ свѣту. Прежде ежегодно бывала травля слонамъ; ихъ ловили множество, и мелкіе раджи средней и западной Индіи покупали ихъ для себя; но съ тѣхъ поръ, какъ власть этихъ царьковъ не существуетъ, на слоновъ менѣе требованій, и число ихъ размножается къ ущербу рисовыхъ полей.

«Новая дорога отъ Коломбо до Канди открыта нынѣшнимъ губернаторомъ сиръ Э. Барнсомъ (Barnes). Это—великолѣпное произведеніе, которое долженствовало стоить ужасныхъ работъ по трудности мѣстоположенія и по причинѣ густѣйшихъ дженглей, черезъ которые проходитъ путь. Здѣшніе округи весьма вредны для здоровья, и полагаютъ, что большую часть года опасно даже проѣзжать ихъ. Прежде потребно было отъ шести до семи дней на переѣздъ изъ Коломбо въ Канди; теперь совершаютъ этотъ путь въ одни сутки, не подвергаясь опасности дорогою заснуть.

«По мѣрѣ того, какъ мы подавались впередъ, картина становилась все величавѣе и живописнѣй. Долины между горъ засѣяны сарацинскимъ пшеномъ, и

мнѣ сказывали, что тутъ собирается его наиболѣе, потому что въ горныхъ мѣстахъ нивы удобнѣе орошаются водой. Я замѣтила, что всѣ мосты по этой дорогѣ крытые и снабжены скамьями, — благодѣтельная мѣра въ такой странѣ, гдѣ удобное мѣсто отдыха для путешественниковъ важное дѣло.

«Въ ущельѣ Кадуганарвонскомъ увидѣли мы въ дали къ востоку Рамину или Адамову гору, самую высокую на всемъ островѣ; рѣдко доходили до вершины ея, не столько по причинѣ высоты, сколько по трудности послѣдняго всхода, который почти совсѣмъ на отвѣсъ. Не смотря на то, въ числѣ немногихъ удальцевъ, которые успѣли въ этомъ предпріятіи, находятся двѣ дамы: ихъ тянули на блокахъ веревками.

«Поднявшись на верхъ ущелья, мы насладились чуднымъ видомъ Кандійскихъ окрестностей, потомъ сошли въ прекрасную долину, гдѣ стоитъ этотъ городъ, между лѣсистыхъ горъ, изъ коихъ нѣкоторыя въ двѣ тысячи футовъ вышиною. Онъ обширнѣе чѣмъ я воображала; улицы его широки и красивы, хотя унизаны домами однихъ природныхъ жителей. Онъ слыветъ мѣстомъ здоровымъ, равно какъ и окрестность его на Англійскую милю вокругъ; Европейцы не ходятъ гулять далѣе. Рѣка Малавиганга окружаетъ его почти вполнѣ, а на берегахъ рѣкъ особенно господствуетъ зловредный воздухъ; впрочемъ я полагаю, что и внезапная перемѣна температуры должна быть гибельна для здоровья многихъ; мнѣ же говорили, что легочныя болѣзни весьма часто случаются. Послѣ чрезвычайно жаркаго дня, ночью былъ такой холодъ, что надобно было укрыться шерстянымъ одѣ-

яломъ и затворить всѣ окна; не смотря на то, я проснулась издрогши.

«Домъ, гдѣ мы остановились, былъ у подошвы пригорка, поросшаго дженглемъ; тамъ кричатъ обезьяны, попугаи и разныя птицы, которыя водятся въ кустахъ; есть также много звѣрьковъ хищной породы. Одинъ Англичанинъ сказывалъ мнѣ, что въ ночь передъ нашимъ пріѣздомъ разбудило его какое-то животное, скребясь у дверей; онъ думалъ, что это собака; но, разсмотрѣвъ на другой день утромъ слѣдъ въ саду своемъ, открылъ, что незваный гость его былъ *чита*, то есть мелкій леопардъ. На островѣ не водится царскихъ тигровъ, но есть много медвѣдей, леопардовъ, гіенъ, шакаловъ и тигриковъ, также оленей, кабановъ, буйволовъ, ланей, а близъ Джафнаптатама водится огромный павіонъ, ни мало не пугливый.

«Меня крайне занимали разсказы веддаховъ, или дикихъ охотниковъ, которые живутъ въ глуши лѣсовъ. Ихъ особенно много въ Веддахраттскомъ округѣ, отъ котораго происходитъ ихъ имя. Онъ лежитъ къ западу отъ Тринкемале; есть кажется два разныхъ племени этого народа: лѣсное и деревенское; они считаютъ себя чуждыми другъ другу. Первые живутъ единственно охотою и плодами, и никогда не воздѣлываютъ земли; домовъ у нихъ нѣтъ, они спятъ подъ деревьями и взлѣзаютъ на нихъ при малѣйшей тревогѣ. Вооруженные лукомъ и стрѣлами, они подкрадываются близко къ дичи, которую хотятъ убить, гонятся за животнымъ по кровавому слѣду, если оно только ранено, и, настигнувъ его, вторично пускаютъ стрѣлу. Дикихъ звѣрей въ лѣсахъ множество; охот-

ники всегда имѣютъ пищи въ изобиліи, и приходятъ иногда въ деревни мѣнять добычу на сарацинское пшено, желѣзо и холстину. Они говорятъ особымъ Шингулайскимъ нарѣчіемъ; вѣруютъ въ злыхъ духовъ, но не имѣютъ впрочемъ ни какого понятія о Богѣ, ни о будущности наградъ или наказаній, и полагаютъ, что все равно поступать хорошо или худо.

«Сельскіе Веддахи во многомъ походятъ на лѣсныхъ; но живутъ въ хижинахъ и обработываютъ землю; впрочемъ тоже пускаются въ лѣса за пищею. Они отъ природы миролюбивы; никогда не начинаютъ возмущенія, но легко пристаютъ къ другимъ недовольнымъ, и подъ державою Кандійскихъ королей они часто служили наемными солдатами во время междоусобій. Сиръ Э. Барнсъ пытался однажды укротить племя самое дикое: его вывели на поле, одѣлили съѣстнымъ, одеждою и другими вещами; наконецъ роздали награды лучшимъ стрѣлкамъ. Впрочемъ они рѣдко попадаютъ въ цѣль даже на маломъ разстояніи; причиною тому обыкновеніе, о которомъ я прежде говорила. Они были такъ чувствительны къ ласкѣ, имъ оказанной, что нехотя воротились къ себѣ въ лѣса, но повидимому успѣхъ опыта тѣмъ и ограничился.

«Шестнадцатаго сентября вечеромъ мы совершили прелестную прогулку верхо́мъ къ берегамъ маленькаго озера, близъ средины города Канди; говорятъ, что онъ обязанъ преимущественно этому озеру здоровостью своей атмосферы: прежде было тутъ болото, которое послѣдній король превратилъ въ чистый водоемъ Въ четверть часа достигли мы такой точки,

съ которой я насладилась великолѣпнѣйшею изъ всѣхъ видѣнныхъ мной картинъ. Передъ нами былъ обширный амфитеатръ, окраенный разновидными высокими горами, которыя коверъ зелени покрывалъ до половины высоты. Пикъ Думберра, по-туземному Хунигсъ-гири-канди, подымался на шесть тысячъ футовъ, вонзая гребень въ облака; равнина подъ нами походила на прекрасную лужайку; рѣка низвергалась черезъ утесы посреди ея. Одно, чего не доставало для довершенія зрѣлища и чего напрасно искали взоры, это какого-нибудь слѣда жизни человѣческой: много, если скромный Индѣйскій храмъ стоялъ одиноко на такомъ мѣстѣ, гдѣ могло бы красоваться жилище богача. Конечно, были тутъ какія-нибудь обитаемыя хижины, ибо Кандійскій округъ хорошо населенъ,—да это доказывали и купы кокосовыхъ деревъ, всегдашній признакъ жилаго мѣста; но все же деревень здѣсь слишкомъ недостаточно, и тѣ трудно отличить между дженглей, которыми онѣ окружены, развѣ только на самомъ близкомъ разстояніи: оттого весь край похожъ на прекрасную пустыню. Берега рѣки, которыми мы ѣхали, здѣсь, какъ и вездѣ, служатъ обычнымъ пріютомъ лихорадкѣ; ее называютъ Кандійскою лихорадкою. Говорятъ, что по ту сторону горъ, климатъ еще вреднѣе и опаснѣй для проѣзжихъ, но за неимѣніемъ дорогъ рѣдко кто углубляется внутрь острова. Мы воротились домой гораздо позже солнечнаго заката, а за нимъ тотчасъ наступаетъ здѣсь темнота; но дорогу освѣщали миріады огнистыхъ мошекъ, гораздо крупнѣе и свѣтлѣе тѣхъ, какихъ я прежде видала въ Индіи. Хотя я привыкла въ теченіе двухъ

лѣтъ къ этимъ насѣкомымъ, однако жъ на первый разъ не могла воздержаться отъ изумленія, когда они пролетали надо мною, ни дать, ни взять, какъ ясныя искорки.

«Ужасный обычай дѣтоубійства въ отношеніи къ дочерямъ доселѣ господствуетъ въ нѣкоторыхъ углахъ острова. По послѣдней переписи, сдѣланной въ 1821 году, мужчинъ оказалось двадцатью тысячами болѣе противъ женщинъ; въ одномъ округѣ на сто мужчинъ было лишь по пятидесяти шести женщинъ, и соразмѣрность въ числѣ обоихъ половъ не нарушалась только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ преобладаетъ мусульманство. Странный обычай, дозволяющій всякой женщинѣ имѣть двухъ или болѣе мужей, и естественное его слѣдствіе — затруднительность браковъ для дѣвицъ при постыдности безбрачія, — вотъ повидимому причины этого безчеловѣчнаго злодѣйства. При рожденіи дочери, вопрошаютъ астролога; если онъ скажетъ, что она родилась подъ пагубнымъ созвѣздіемъ, ее покидаютъ въ лѣсу, гдѣ она становится жертвою дикихъ звѣрей или муравьевъ; но я слышала съ удовольствіемъ, что это дѣлаютъ вообще безъ согласія матери.

«Семнадцатаго сентября посѣтили мы нѣсколько буддійскихъ храмовъ. Главный изъ нихъ—четыреугольное зданіе, котораго крышу поддерживаютъ двѣнадцать кладеныхъ колоннъ. Каменная колоссальная статуя въ тридцать футовъ вышиною; другія, поменѣе, размѣщены вокругъ; однѣ сидятъ, поджавши ноги, другія стоятъ; нѣкоторыя покрыты ярко-желтымъ цвѣтомъ. Кровля и стѣны также расписаны яркими красками; пахучіе цвѣты

поставлены въ видѣ жертвы передъ большимъ кумиромъ въ одинъ рядъ съ маленькими; тутъ было два священныхъ колокола, но они тщательно укрыты. Хотя жрецы прикасаются къ нимъ съ неизмѣннымъ благоговѣніемъ, они однако жъ безъ досады показали ихъ намъ по нашей просьбѣ.

«Возлѣ этого храма есть другой, менѣе, гдѣ сидитъ истуканъ Будды въ человѣческій ростъ; физіономія у него пріятна и похожа на Шингулайскую. Изваяніе сдѣлано весьма хорошо; его окружаютъ мелкія статуи; нѣкоторыя принадлежатъ къ Индѣйскому пантеону. Шингулайцы раскрашиваютъ своихъ боговъ и вставляютъ зрачки въ глаза имъ; послѣдній обрядъ сообщаетъ, по мнѣнію ихъ, высшую степень святости и совершается съ таинственностью и торжествомъ. Другіе бронзовые и мѣдные лики Будды самой тонкой работы. У Шингулайцевъ кажется точно врожденный даръ къ ваянію, особенно если взять въ соображеніе, что имъ такъ мало случаевъ сдѣлать какой-нибудь успѣхъ.

«Еще въ другомъ храмѣ намъ благоговѣйно показывали останки древняго короля, вынутые изъ гробницы въ то время, когда, при занятіи нами Канди, всѣ гробы царскіе были открыты; тамъ нашли много золота и дорогихъ вещей. Кладбище смежно съ храмомъ; гробницы—каменныя, довольно плохой роботы, и много пострадали при открытіи ихъ силою. Замѣчательны только прекрасныя смоковницы, которыми осѣнены эти саркофаги,—доказательство, что королевскій домъ держался брахманской религіи. Храмовъ въ Канди

великое множество, потому что при домѣ каждаго знатнаго лица долженъ быть одинъ непремѣнно. Въ большей части капищъ безпрерывно горятъ лампады, но пробывъ въ нихъ нѣсколько минутъ, чувствуешь непріятное дѣйствіе жара вмѣстѣ съ сильнымъ запахомъ цвѣтовъ. Мы не имѣли времени посѣтить тотъ храмъ, который такъ знаменитъ хранящимся въ немъ зубомъ Будды; однако жъ намъ показывали рисунокъ этого драгоцѣннаго останка, который болѣе похожъ на клыкъ животнаго, чѣмъ на зубъ человѣка. Онъ хранится въ золотомъ баулѣ, осыпанномъ дорогими камнями и вложенномъ въ четыре другихъ, также богатой отдѣлки. Когда войско наше овладѣло ими, Кандійцы смиренно покорились нашей власти, вѣруя, что обладатели такой святыни имѣютъ полное право господствовать надъ островомъ.

«У озера, въ срединѣ города, есть высшее духовное училище, гдѣ сорокъ буддійскихъ жрецовъ живутъ въ самомъ строгомъ чинѣ, занимаясь преимущественно отправленіемъ священныхъ требъ и преподаваніемъ. Жилища ихъ можно поставить на ряду съ прекраснѣйшими домами въ Канди; они глиняныя и покрыты черепицей. Въ оградѣ монастыря заключаются два храма и обширный залъ для ихъ собраній, котораго кровля держится на огромныхъ цѣльныхъ колоннахъ въ двадцать футовъ вышины. Звукъ Азіатской литавры и другихъ инструментовъ въ честь идоловъ безпрестанно раздается въ монастырѣ.

«Ученіе, исповѣдуемое буддійскими жрецами въ Цейлонѣ, почитается самымъ правовѣрнымъ, и рѣшенію

ихъ часто подвергаются затруднительные вопросы, возникающіе между жрецами странъ восточнаго полуострова Индіи.

«Изъ всѣхъ религій, въ Цейлонѣ наиболѣе распространенъ буддизмъ; много тамъ и христіанъ, принадлежащихъ къ разнымъ исповѣданіямъ; нѣкоторые, нося только имя христіанское, держатся ученій буддизма, какъ предохранительнаго средства отъ злыхъ духовъ.

«Кандійцы красивѣе и сильнѣе Шингулайцевъ; послѣдніе малорослы и нестройны; физіономіею они очень похожи на лики Будды. Въ поѣздку нашу къ древней столицѣ, меня тронула услужливость здѣшняго народа: они усердно помогали при подъемѣ экипажей на крутизны и сдерживали ихъ на спускахъ. По берегамъ, видите вы смѣсь потомства Голландцевъ и Португальцевъ съ Малайцами, Малабарцами и другими Индѣйскими племенами.

«Климатъ южнаго и югозападнаго берега прекрасенъ для тропической страны. Въ Коломбо термометръ показываетъ отъ 75 до 87 градусовъ (отъ 19 до 24 по Реомюру); рѣдко подымается онъ выше, хотя экваторъ въ самой близи,— что́ должно отчасти приписать освѣжительному сосѣдству моря, равно какъ вѣтрамъ и дождямъ во время муссоновъ, которые господствуютъ порознь на Малабарскомъ и на Коромандельскомъ берегу, и которыми островъ пользуется во всякую пору.

«Меня поразило почти совершенное отсутствіе мелкихъ птицъ во внутренности острова. Полагаютъ, что змѣи, которыхъ здѣсь очень много, истребляютъ яйца, и это довольно похоже на истину, потому что все

прочее повидимому благопріятствуетъ ихъ размноженію. Я видѣла разныхъ породъ попугаевъ, голубей, журавлей, дикихъ куръ и фазановъ; внутри острова очень много павлиновъ и водится также *медознай* (cuculus indicator), крикомъ своимъ указывающій мѣста, гдѣ пчелы поставили улья. Въ числѣ змѣй есть только четыре вида, дѣйствительно ядовитые. Удавъ, который не шутя удавливаетъ животныхъ, иногда достигаетъ здѣсь тридцати футовъ длины; но правда и то, что объ этой змѣѣ разглашено много пустыхъ сказокъ: она никогда не нападаетъ ни на буйвола, ни же на *читу*, а только на козъ, на ручныхъ птицъ и на мелкую дичину. Огромныхъ крокодиловъ водится много въ рѣкахъ. Летучая піявица, о которой я прежде и не слыхивала, весьма часто попадается во внутреннихъ дженгляхъ, и провожавшіе насъ туземные солдаты, на пути къ Канди, много пострадали отъ нея: ноги у нихъ были всѣ искусаны и въ крови; нѣкоторые вслѣдствіе того остались увѣчными или даже умерли. Одну изъ этихъ гадинъ видѣла я у лошади на ногѣ; она гораздо меньше обыкновенной піявки; самая крупная, не трогаясь съ мѣста, имѣетъ не болѣе шести дюймовъ въ длину, но можетъ вытянуться въ видѣ самаго тонкаго снурочка. Малая порода мелка до крайности; онѣ прыгаютъ чрезвычайно легко на значительное разстояніе; рогатый скотъ и лошади много отъ нихъ страдаютъ.

«Здѣсь водятся также большіе черные скорпіоны, ящерицы, хамелеоны и тма разныхъ насѣкомыхъ, которыя доселѣ весьма мало извѣстны у насъ въ Европѣ. Замѣчательнѣе всего козявки-листья, которыя

въ такой точности принимаютъ очертанiе, размѣръ и вообще всю наружность листа, ихъ питающаго, что только при самомъ тщательномъ вниманiи разсмотришь настоящiй ихъ обликъ. Я видала много такихъ животныхъ, но самымъ удивительнымъ показалось мнѣ то, которое живетъ на колючемъ растенiи, и котораго тѣло похоже на палочку, покрытую иглами, какъ самый кустъ.

«Драгоцѣнные камни, которыми славится Цейлонъ, уступаютъ однако жъ западно-Индѣйскимъ; быть можетъ, одного только изумруда не достаетъ па здѣшнемъ островѣ. Шингулайцы умѣютъ обдѣлывать ихъ весьма искусно и притомъ такими средствами, которыя кажутся педосточными для подобныхъ работъ.»

Отъ Коломбо къ сѣверу достигаете вы Негомбо, красиваго селенiя съ маленькой крѣпостью близъ рѣки, въ устьѣ которой лежитъ островокъ, поросшiй кокосовыми деревьями; Негомбо, посредствомъ внутренняго судоходства, имѣетъ сообщенiе съ главнымъ городомъ.

Тегилянъ — большое село между двухъ рукавовъ значительной рѣки. Къ сѣверу начинается соляное озеро, въ двадцат Англiйскихъ миль длиною и отъ одной до трехъ въ ширину; оно очень рыбно и посѣщается водяными птицами и крокодилами; съ моремъ раздѣляетъ его полуостровъ Кальпентинъ, который при сѣверовосточномъ муссонѣ становится островомъ. Тамъ приготовляютъ много соли посредствомъ выпаренiя.

Арипо, деревенька къ югу отъ острова Манаара, единственное мѣсто на этой части берега, снабжен-

ное хорошею водой; на югъ отъ нея лежитъ заливъ Кондачи, гдѣ производится ловля жемчуга.

Островъ Цейлонъ, весьма важный по своему положенію, составляетъ отдѣльную область, зависящую непосредственно отъ Англійскаго Короля; онъ находится между 5° 56′ и 9° 46′ сѣверной широты и между 97° и 99′ восточной долготы. Очертаніемъ походитъ онъ на грушу; длина его около 95 миль, средняя ширина до 50, а поверхность 2,560 миль квадратныхъ. Населеніе полагаютъ до 1,200,000 душъ. Во внутренности открыты развалины древней столицы Нураджапуры или Амурадгурры, которыя чрезвычайно великолѣпны.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ВАЖНѢЙШІЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
5	7	Ганнъ	Гаинъ
13	21	раановъ	рахаановъ
18	20	Пегунскаго	Пегуанскаго
22	12	пятою	пятóю,
32	23	(Л. XXVIII —)	(Л. XXVIII—3).
36	6	Валешпію	Валешпіэ
37	25	Отровитяе	Островитяне
42	30	Мракмами	Мранмами
43	19	Конь ба	Конь-ба
—	23	Кіанъ-дуанъ	Кіэнъ-дуэнъ
45	4	Джингіахнамъ	Джинтіахцамъ
48	24	Изъ Бгаммо	Изъ Бгаммо,
53	19	Юдоны,	Юдомы,
54	22	ея	ее
55	19	другія	другія,
56	29	Погеонъ,	Погсонъ,
57	6	съ суши,	съ суши:
58	11	Погеона,	Погсона,
63	29	Макданпуръ	Макуанпуръ
64	3	(Cornvallis)	(Cornwallis)
70	1	ими	или
76	16	Великобитанскія	Великобританскія
77	11	Годлоновыми,	Годжсонвыми,
—	17	Терраяни,	Терраяна,
—	27	Тарраяны,	Терраяны,
80	10	къ западу,	къ западу, —
85	16	купальницѣ	купальнѣ
88	2	следъ.	слѣдъ.
91	23	Девапраяги,	Девапраяга,
97	7	ложбицѣ	ложбинѣ

Стр.	*Строк.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
97	31	этой рѣки	рѣки
99	5	состоящихъ	стоящихъ
104	1	Хами-гатѣ	Халси-гатѣ
105	3	теплотвора	теплотвора,
—	21—22	Гоеламъ-Кадаръ,	Голамъ-Кадиръ,
114	10	Евроцейцевъ;	Европейцевъ;
—	30	*Зенаони*	*Зенаной*
119	17	отземли	отземи
120	18	*Кунiи*	*Кунiа*
149	26	кругомъ	кру́гомъ,
—	27	въ поперечникѣ	въ поперечникѣ,
176	3	отъ впаденiя	отъ впаденiя Ганга
194	7	Они	Онѣ
198	25	во владѣнiя—державу Низама,	во владѣнiя Низама,—державу,
200	20	Силаколе,	Сикаколе,
203	21	также	такъ же
221	28	поддерживающихъ	поддерживающiя

129, 206, алмазы, 207, карет
201 Индустан, 212,

2014334392